

ISSN 2949-1185

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

4/2025(4)

СЕРИЯ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

0+

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

4/2025(4)

Научно-информационный журнал
 Основан в 2010 году
 Выходит 4 раза в год

Кольского научного центра. Серия: Естественные и гуманитарные науки

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН» (ФИЦ КНЦ РАН)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83506 от 24 июня 2022 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Редактор Ю. Н. Еремеева
 Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 22.12.2025.
 Дата выхода в свет 24.12.2025.
 Формат бумаги 60×84 1/8.
 Усл. печ. л. 19,07. Заказ № 75. Тираж 300 экз.
 Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя, редакции и типографии:
 Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 Федеральный исследовательский центр
 «Кольский научный центр РАН» (ФИЦ КНЦ РАН)
 184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
 Тел.: 8 (81555) 7-53-50; 7-95-95, факс: 8 (81555) 7-64-25
 Электронная почта: ksc@ksc.ru
 Сайт: www.ksc.ru

Главный редактор — председатель
 редакционного совета, акад. РАН, д. г.-м. н.
 С. В. Кривовичев

Заместитель главного редактора к. б. н.
 Е. А. Боровичев

Редакционный совет:
 акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
 акад. РАН, д. х. н. И. Г. Тананаев,
 чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
 чл.-корр. РАН, д. т. н. А. И. Николаев,
 д. э. н. Ф. Д. Ларичкин,
 к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии:
 акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
 чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
 д. г.-м. н. В. В. Балаганский,
 д. г.-м. н. Т. Б. Баянова,
 д. и. н. С. Г. Веригин,
 д. и. н. И. Ю. Винокурова,
 д. б. н. Д. А. Давыдов,
 д. г. н. В. А. Даувальтер,
 д. и. н. В. В. Ефимова,
 д. ф.-м. н. Б. В. Козелов,
 д. г.-м. н. Н. Е. Козлов,
 д. б. н. Н. А. Константинова,
 д. б. н. П. Р. Макаревич,
 д. т. н. Д. В. Макаров,
 д. и. н. Е. П. Мартынова,
 д. т. н. В. А. Маслобоев,
 д. ф.-м. н. И. В. Мингалев,
 д. ф.-м. н. О. В. Мингалев,
 д. и. н. С. А. Никонов,
 д. и. н. И. А. Разумова,
 д. и. н. А. А. Селин,
 д. и. н. Ю. П. Шабеев,
 д. б. н. Н. Ю. Шмакова,
 к. ф.-м. н. В. Б. Белаховский,
 к. б. н. Е. А. Боровичев,
 к. б. н. Д. Б. Денисов,
 к. б. н. И. В. Зенкова,
 к. и. н. К. С. Казакова,
 к. г. н. Д. В. Моисеев,
 к. г.-м. н. С. В. Мудрук,
 к. ф.-м. н. К. Г. Орлов,
 к. и. н. Е. А. Пивнева,
 к. ф.-м. н. Ю. В. Федоренко

Ответственные редакторы номера:
 д. и. н. И. А. Разумова,
 к. и. н. О. А. Сулейманова

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Чаплыгина Д. А.	Статистическое описание 1785 года как источник по истории Кольского уезда.....	5
Кожевникова Ю. Н.	Конфликт клириков Кольского Соборного прихода в начале XIX века.....	11
Коровкин Д. И.	Обзор деятельности православной и лютеранской миссий среди саамов на Кольском полуострове в дореволюционный период: компаративный анализ подходов.....	17
Нестерова И. С.	Роль отхожих промыслов беломорских карелов (вторая половина XIX — начало XX века).....	30
Салимова С. М.	Структура населения города Хибиногорска по материалам локальной переписи 1931 года.....	39
Панов Д. А., Дмитренко В. Н.	Социально-демографический портрет правления «Севгосрыбтреста» (01.03.1930 г.).....	47
Шачин С. В., Зайцев А. С.	Великая Отечественная война на Кандалакшском направлении (1941–1944 годы).....	54

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Змеева О. В.	Служители вагона-церкви: штрихи к биографиям (Мурманская железная дорога, 1916–1919 годы).....	68
Бусырева Е. В.	Визуальные источники и памятные предметы в семьях сотрудников КНЦ РАН.....	78
Рыбальченко М. А.	Одна дорога на двоих: «заповедная жизнь» О. А. Макаровой и А. М. Хохлова (по документам архивного семейного фонда).....	95
Травин И. А.	Освещение керамического сосуда эпохи неолита в музейной выставке.....	101

АРХЕОЛОГИЯ

Шахнович М. М.	Из истории студенческой археологической практики ПетрГУ: экспедиция на озеро Костомукшское 1980 года.....	110
Анциферов А. А., Потуткин Н. С.	Памятники неолита — раннего металла на озере Шикозеро и реке Ваймуга (Плесецкий район Архангельской области).....	117

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Неёлова М. Е.	Обзор фондов Национального архива Республики Карелия, содержащих сведения по истории Кольского уезда Архангельской губернии.....	125
Циркунов И. Б.	Рецензия на книгу П. В. Фёдорова «Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991».....	143

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сулейманова О. А.	О XVI Конгрессе антропологов и этнографов России.....	159
-------------------	---	-----

4/2025(4)

Scientific journal
Published since 2010
Publication frequency — four times a year

Russian Academy of Sciences
TRANSACTIONS

Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities

Editor-in-Chief, Editorial Council Chairman
S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
DSc (Geology & Mineralogy)

Deputy Editor-in-Chief
E. A. Borovichev, PhD (Biology)

Editorial Council:
G. G. Matishov, Academician of RAS, DSc (Geography),
I. G. Tananaev, Academician of RAS, DSc (Chemistry),
V. K. Zhironov, Cor. Member of RAS, DSc (Biology),
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS, DSc (Engineering),
F. D. Larichkin, DSc (Economics),
A. S. Karpov, PhD (Engineering), Executive Secretary

Editorial Board:
G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhironov, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V. V. Balaganskiy, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
T. B. Bayanova, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
S. G. Verigin, Dr. Sc. (History),
I. Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History),
D. A. Davidov, Dr. Sc. (Biology),
V. A. Dauvalter, Dr. Sc. (Geography),
V. V. Efimova, Dr. Sc. (History),
B. V. Kozelov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
N. E. Kozlov, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
N. A. Konstantinova, Dr. Sc. (Biology),
P. R. Makarevich, Dr. Sc. (Biology),
D. V. Makarov, Dr. Sc. (Engineering),
E. P. Martynova, Dr. Sc. (History),
V. A. Masloboev, Dr. Sc. (Engineering),
I. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
O. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
S. A. Nikonov, Dr. Sc. (History),
I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
A. A. Selin, Dr. Sc. (History),
Yu. P. Shabaev, Dr. Sc. (History),
N. Yu. Shmakova, Dr. Sc. (Biology),
V. B. Belakhovskiy, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Borovichev, PhD (Biology),
D. B. Denisov, PhD (Biology),
I. V. Zenkova, PhD (Biology),
K. S. Kazakova, PhD (History),
D. V. Moiseev, PhD (Geography),
S. V. Mudruk, PhD (Geology & Mineralogy),
K. G. Orlov, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Pivneva, PhD (History),
Yu. V. Fedorenko, PhD (Physics & Mathematics)

Executive Editors:
I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
O. A. Suleymanova, PhD (History)

Founder — Federal State Budget Institution of Science
Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian
Academy of Sciences"

Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-83506 issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
on June, 24 2022

Scientific publication

Editor Yu. N. Yeremeyeva
Technical Editor V. Yu. Zhiganov

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel.: 8 (81555) 7-93-80. Fax: 8 (81555) 7-64-25
E-mail: ksc@ksc.ru
www.ksc.ru

CONTENTS

HISTORY

Chaplygina D. A.	Statistical description of 1785 as a source on the history of Kola uezd.....	5
Kozhevnikova Yu. N.	The conflict of the clergy of the Kola Cathedral parish in the early 19 th century.....	11
Korovkin D. I.	An overview of the activities of the orthodox and lutheran missions among the sami on the Kola Peninsula in the pre-revolutionary period: comparative analysis of approaches.....	17
Nesterova I. S.	The role of seasonal work of the white sea karelians (the second half of the 19 th – early 20 th centuries).....	30
Salimova S. M.	Population structure of the town of Khibinogorsk based on the materials of the 1931 local census.....	39
Panov D. A., Dmitrenok V. N.	Socio-demographic portrait of the Board of Sevgosrybtrest (03/01/1930).....	47
Shachin S. V., Zaitsev A. S.	The Great Patriotic War in the Kandalaksha area (1941–1944).....	54

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Zmeeva O. V.	The staff of the railcar church: biographical sketches (Murmansk Railway, 1916–1919).....	68
Busyreva E. V.	Visual sources and memorabilia in the families of employees of the KSC RAS.....	78
Rybalchenko M. A.	One road for two: «the reserve life» of O. A. Makarova and A. M. Khokhlov (based on documents from the archival family collection).....	95
Travin I. A.	Lighting of Neolithic ceramic vessel in a museum exhibition.....	101

ARCHEOLOGY

Shakhnovitch M. M.	From the history of student archaeological practice at PetrSU: expedition to Lake Kostomukshskoye 1980.....	110
Antsiferov A. A., Potutkin N. S.	Neolithic-Early Metal Monuments of Lake Shikozero and the Vaimuga River (Plesetsky District, Arkhangelsk Region).....	117

REVIEWS

Neyolova M. E.	Review of the funds of the National Archives of the Republic of Karelia containing information on the history of the Kola district of the Arkhangelsk province in documents.....	125
Tsirkunov I. B.	The Book Review Professor P. V. Fedorov "Russia surrounded by water: a review of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991".....	143

SCIENTIFIC LIFE

Suleymanova O. A.	About the XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia	159
-------------------	--	-----

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (470.21) (093.2)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.001

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ 1785 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО УЕЗДА

Дарья Александровна Чаплыгина

Государственный архив Мурманской области, Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия, dariabeattis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0396-015X>

Аннотация

В статье приводится характеристика одного из самых интересных источников по истории Кольского уезда второй половины XVIII века — Статистического описания Архангельской губернии 1785 года. Изучение ведомостей, входящих в состав Описания, открывает перед нами ценный материал по различным аспектам жизни населения Кольского уезда. Мы узнаем о демографических процессах, экономическом укладе, культурных традициях и быте кольских саамов и русского населения.

Ключевые слова:

Кольский уезд, статистическое описание, саамы, поморы, волость, погост, промыслы, демография

Для цитирования:

Чаплыгина Д. А. Статистическое описание 1785 года как источник по истории Кольского уезда // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 5–10. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.001.

HISTORY

Original article

STATISTICAL DESCRIPTION OF 1785 AS A SOURCE ON THE HISTORY OF KOLA UEZD

Daria A. Chaplygina

State Archive of the Murmansk Region, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia, dariabeattis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0396-015X>

Abstract

The article describes one of the most interesting sources on the history of the Kola uезд in the second half of the 18th century, the Statistical Description of the Arkhangelsk province in 1785. The study of the statements included in the Description opens up valuable material on various aspects of the life of the population of the Kola uезд. We will learn about demographic processes, the economic structure, cultural traditions and the way of life of the Kola Sami and the Russian population.

Keywords:

Kola uезд, statistical description, Sami, Pomors, volost, pogost, crafts, demography

For citation:

Chaplygina D. A. Statistical description of 1785 as a source on the history of Kola uезд // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 5–10. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.001.

240 лет назад на свет появилось Статистическое описание Архангельской губернии. Появление данного источника — это часть большого процесса, запущенного с целью изучить социально-экономическое состояние Российской империи. В XVIII веке активно создаются программы описаний губерний, проводятся академические экспедиции в разные части страны. Итогом этих работ стали статистические ведомости, в которых содержатся бесценные сведения о географических особенностях местности, составе дворов, грамотности населения, их быте и многое другое. Так, например, в 1776 году было составлено «Описание всех жительствоющих в Российской империи народов», в 1784 году было опубликовано Описание Вологодской губернии.

В 1780 году Архангелогородская губерния была ликвидирована, образовано Вологодское наместничество, состоящее из трех областей: Вологодской, Великоустюжской и Архангельской,

но уже в 1784 году последняя была преобразована в Архангельское наместничество с сохранением прежнего числа уездов (среди них — Кольский уезд). В этом же году была введена должность генерал-губернатора Олонецкого и Архангельского, но его резиденция находилась не в Архангельске, а в Петрозаводске. Первым в эту должность вступил Тимофей Иванович Тутолмин (1740–1809) — деятельный и разносторонний человек, «сподвижник Екатерины II по установлению и укреплению русских государственных начал в южной Руси»¹. Уже имея опыт организации составления описания, он запустил такую же работу и на новом месте пребывания. Так, им была составлена программа опроса населения, состоящая из 53 вопросов, которая легла в основу исследуемого нами Описания, сбор фактического материала был под его личным контролем².

Исследуемый нами источник хранится в фонде «Канцелярия Архангельского губернатора» в Государственном архиве Мурманской области³. В 1911 году Описание попало в поле зрения известного на Севере библиографа, любителя старины, основателя Архангельского общества по изучению Русского Севера А. Ф. Шидловского. По его инициативе группа статистиков во главе с экономистом, публицистом Н. Н. Гиммером обработала материалы Описания и в 1916 году издала их отдельной книгой под названием «Архангельская губерния по Статистическому описанию 1785 года (Итоги подворной переписи)»⁴. В книге дан общий обзор документальных материалов, проведен археографический анализ, предпринята попытка узнать кем и зачем было инициировано составление данного Описания, каким образом происходил сбор материала. Так, пытаясь в ходе исследования Описания найти ответы на вопросы «Кому и что известно об этом описании?», «Существуют ли в литературе какие-либо указания на его судьбу и на самый факт его существования?», исследователи приходят к выводу, что «о существовании данной подворной переписи никаких сведений в современной науке не имеется; никаких указаний на нее в исторических очерках подворно-статистических исследований встретить не пришлось». Н. Н. Гиммер и его команда свели цифровые данные Описания в таблицы по округам и волостям. Однако полные ответы жителей на вопросы анкеты в издание не вошли.

В 1985 году доктор исторических наук, профессор кафедры истории Мурманского государственного педагогического института И. Ф. Ушаков выступал с докладом об Описании 1785 года на научной конференции профессорско-преподавательского состава института⁵. Он дал краткий обзор истории и содержания Описания, сделав акцент на том, что данный историко-этнографический памятник, несмотря на то что уже был введен в научный оборот, все еще хранит много интереснейших сведений, которые ждут своего исследователя. Текст доклада, как и статьи, написанные историком на материалах Описания 1785 года, хранятся в его фонде личного происхождения в Государственном архиве Мурманской области. Многие исследования историка, основанные на данных Описания, были опубликованы [1].

Сегодня данные Описания 1785 года, относящиеся к Кольскому уезду, используются в работах С. А. Никонова [2, 3] и Д. А. Чаплыгиной [4, 5].

Состоит Описание из трех самостоятельных документов: 1) ведомость о селении; 2) подворная ведомость; 3) ведомость, содержащая ответы на заранее подготовленные вопросы. Первые две ведомости составлены в табличной форме. Первая включает общие сведения о селении (географическое местоположение, количество дворов и душ, сенокосов и пахотной земли). Вторая ведомость содержит информацию о количестве крестьянских дворов, поименный список домохозяев с указанием числа членов семьи, записанных в ревизию 1782 года, сведения о грамотности населения, о количестве пахотной земли для посева ржи и ячменя, количестве сенокосной земли, числе скота (коров, быков, овец, лошадей), о наличии мореходных судов, о морских промыслах и местах продажи товара. Особый интерес представляет третья ведомость, не имеющая формы таблицы и содержащая ответы на вопросы, которые затрагивают различные стороны жизни крестьян. По Кольскому уезду сохранились описания как поморских волостей, так и саамских погостов.

Как отмечает Н. Н. Гиммер, описание волостей Кольской округи (уезда) отличалось от описания других частей Архангелогородской губернии тем, что собственно регистраторы, ведшие записи,

были не из числа местных людей, а пришлые. Это ставится в плюс, так как участие местного коллектива отражалось на качестве получаемого материала. Но при этом это были «лучшие грамотеи и знатоки местной жизни»⁶.

Какие же сведения о саамах и русских крестьянах Кольского уезда содержатся в Описании?

Материалы подворной переписи дают представление о развитии саамского оленеводства и имущественном расслоении саамского общества, содержат сведения о знании саамами русского языка, о ремесленной деятельности, домашнем быте саамов, их взаимоотношениях с русским населением.

Всего опросом было охвачено 243 двора. Общая численность саамского населения в 15 погостах⁷ составляла 1390 человек (709 мужчин и 681 женщина).

В Описании мы встречаем такие определения имущественного состояния саамов: неимущие, имущие и «лутчие». Специального пояснения в источнике нет, но мы понимаем, что неимущими были саамы без оленей, без судов и без самостоятельного рыбного промысла. А вот владельцы крупного поголовья оленей и большого количества скота обозначались «лутчими». Между этими двумя группами находятся «имущие».

В каком состоянии находилось оленеводство у кольских саамов согласно Описанию?

Кольские саамы, в отличие от саамов, населяющих территории современных Норвегии, Финляндии и Швеции, не имели большие оленьи стада, что дает основание говорить о вспомогательной роли оленеводства в хозяйстве этого народа. И. Ф. Ушаков, в частности, отмечает, что на протяжении веков оленеводство кольских саамов так и оставалось транспортным, а не продуктивным скотоводством⁸. Для получения мяса и шкур они довольствовались охотой на диких животных. И все же оленеводство получает распространение во всех саамских погостах Кольского уезда. Сравнение показателей статистических ведомостей 1760–1780-х годов⁹ позволило нам выявить тенденцию к возрастанию численности поголовья скота. Правда распределение оленей среди погостов было неравномерным. Больше всего оленей было у саамов восточной части Кольского полуострова — семиостровских (1295) и терских (1866) — 4713 оленя. На все остальные погосты приходилось 1552 оленя.

Внутри саамских погостов оленьи стада распределялись также неравномерно. В двадцать пятом вопросе Описания 1785 года опрашиваемые саамы должны были показать, сколько оленей имеют рядовые и «лутчие» саамы. По показаниям саамов обычный размер оленьего стада в хозяйстве, в зависимости от погостов, колебался от 5 до 15 голов. «Лутчие» саамы могли владеть от 13 до 30 оленей. Более высокие показатели по минимальному и максимальному количеству голов в стаде даны в показаниях семиостровских и терских саамов. Так, в «обычном» стаде могло быть от 3 до 60 оленей, у «лутчих» — от 100 до 500.

Например, в Кильдинском погосте¹⁰ самыми крупными владельцами были Прокопий Антонов, Иван Антонов, Петр Колданцов. Их стада насчитывали по 20 оленей. У Василия Собакина, Петра Антонова и Ивана Колданцова было по 15 оленей. Меньше всего, 5 оленей, держал Гаврило Юлин¹¹.

А в погостах терской лопи¹² встречаем крупных стадников. У Федора Титова — 500 оленей, у Василия и Степана Матрехиных — по 300 оленей, у Василия Тарусова и Василия Данилова — по 100¹³.

Таким образом, к концу XVIII века оленеводство, хоть так и не стало основной отраслью хозяйства кольских саамов, но все же занимало значимое место, удовлетворяя потребности в транспорте, питании и производстве одежды.

Еще один интересный вопрос — в какой мере саамы знали русский язык. Кольские саамы, по сравнению с народами северной Сибири, жили в непосредственном соседстве с русским населением. Описание 1785 года дает нам сведения о том, что все мужчины-саамы владели русским языком, женщины — частично. Большой процент владеющих русской разговорной речью фиксируется у жителей Масельского, Екостровского, Бабенского, Нотозерского, Кильдинского погостов, а также у терских саамов. Это объясняется как раз тем, что эти погосты активно «коммуницировали» с русским населением. Напротив, в Сонгельском, Нявдемском, Пазрецком погостах русский язык знали только мужчины. В Семиостровском погосте из 40 женщин знали русский только 31,

в Ловозерском погосте — из 15 одна, в Воронежском — из 14 четыре, в Печенгском — из 12 одиннадцать, в Мотовском — из 8 три. И хоть это не стопроцентный охват, но имеющийся уровень знания русского языка кольскими саамами во второй половине XVIII века позволяет говорить о том, что между коренными жителями Кольского края и русским населением шло постоянное и тесное общение.

Посмотрим, какие еще сведения о хозяйстве саамов мы находим в Описании 1785 года. Возьмем для примера Мотовский погост, который был расположен вдоль морского побережья. Основные направления хозяйственной деятельности — морские рыбные и звериные промыслы, речные и озерные рыбные промыслы, охота на лесного зверя, оленеводство, скотоводство, ремесленное производство, торговля.

Пазрецкие саамы промышляли треску, палтуса, пикшу, сайду и небольшое число семги. С лета до осени промышляли нерпу и морского зайца. В реках ловили сига, щуку, окуней, кумжей, хариусов. Охотились на лисиц, горностаев, белок, медведей, волков и оленей. Оленеводство и животноводство не имело большого приоритета, было всего 105 оленей, овец содержали по одной да по две, а «лутчий лопарь и по три»¹⁴. Зимой мастерили лодки и кережки для продажи, вязали сети и невода, шили каньги¹⁵, ткали писяги¹⁶.

Выловленную рыбу пазрецкие саамы продавали приезжающим из Архангельска «на лодьях разным купцам», а лисицу, горностая, медведей, волков и оленей — кольским купцам¹⁷.

Кольские саамы, в отличие от народов северной Сибири и ненцев, не платили ясака¹⁸, а, как и русские крестьяне, были включены в подушный оклад. Типичными ответами на вопрос «Сколько платят ясашной подати?» являются: «Ясачную подать не платят, а платят подушную по три рубля по семидесяти по семи копеек споловиков в году з души»¹⁹ или «Ясачной дани, кроме государственной подати, они не платят»²⁰.

Также в Описании 1785 года имеются сведения о крестьянском домостроении, судовладении, скотоводстве, грамотности, быте, празднествах и увеселениях по 12 русским селениям Кольской округи²¹ и по Кольскому посаду. Русское население отвечало на те же 53 вопроса, как и саамы, но с небольшим отличием. Так, вопросы о саамских погостах до номера 48 совпадали практически полностью (в 11, 31, 37 вопросах были добавления по саамам) с вопросами о русских волостях, а затем с 49 по 53 номер вопросы для саамов идут в ином виде, чем у русских.

Демографическая картина русских селений такова. В Описании приводятся эти сведения по ревизии 1782 года: всего дворов — 552, 3268 душ обоего пола (1559 мужчин, 1709 женщин).

Крестьянское домостроение было представлено тремя типами: одна изба; изба с клетью; изба с горницей. Самым распространенным был второй тип, который представляет из себя жилое здание с русской печью и пристройкой для скота и инвентаря. На втором месте изба с горницей — неотапливаемой светлицей для летнего жилья, приема гостей и хранения ценного имущества. Так, например, в Пялицкой волости 10 домостроений состояли из избы с клетью, 2 — из избы с горницей; в Варзужской волости 137 домостроений состояли из избы с клетью, 15 — из избы с горницей и 3 — из одной избы; в селе Кереть 88 домостроений — избы с клетью, 27 — избы с горницей, 6 — одна изба²².

То, что именно изба с клетью была распространена больше всего, объясняется хозяйственной потребностью. Крестьяне держали в клетях съестные припасы, промысловые снасти, домашний скот. Больше всего было овец (1310), на втором месте олени (705), на третьем — коровы (652). Лошадей было всего 82, а быков — 49.

Сведения о судовладении отражают следующее: больше владельцев судов было среди поморских семей (Варзуга, Кереть, Умба, Кандалакша). Так, в Варзужской волости 11 дворов были с 13-ю судами грузоподъемностью до 500 пуд. (12) и от 501 до 2500 пуд. (1), а в Умбе — 3 двора с 3-мя судами грузоподъемностью от 501 до 2500 пуд. (2) и свыше 2500 пуд. (1)²³. Судовладельцы занимались морским и звериным промыслом, товары отвозили в Архангельск на продажу.

Среди русского населения, как и среди саамов, существовало социальное расслоение. Так, в Умбе одна семья имела три коровы, 3 семьи — две, по одной корове было у 26 семей, и 21 семья — бескоровные; 6 семей имели по одной овце, 4 — 2 и более, 41 семья не имела овец. В Кандалакше из 142 ревизских душ 3 — бездомовые бобыли.

Земледелие практически отсутствует. Сеющие хозяйства были только в Керети, Пяозерском погосте и в селе Пяозерское. Высеивался в основном ячмень. В других селениях крестьяне отсутствие земледелия объясняли, например, так: «Для опыта хлебопашество крестьянами производимо было, но по холодному здесь климату, а особливо и за положением каменистой и болотистой почвы, в урожае было весьма малое число, а ныне уже за таковым обстоятельством и совсем не производится, и другого растения, кроме только как одной репы, никакова не имеется»²⁴.

Описание 1785 года также содержит много интересной бытовой и этнографической информации. Например, жители Княжой Губы «в мясоеды употребляют, когда случится, оленное мясо, а когда птицу дикую, молоко и рыбу, а в пост рыбу, ягоды, репу и губы (грибы), а пьют всегда кто квас и кто воду... Мужчины носят [платье] верхнее и нижнее сермяжного сукна, а женщины крашенинные, китайчатые и кумашные праздничные...»²⁵. Тетринцы об увеселениях сказали: «Бывают дневные игрища, а вечеринки не бывает. Горы бывают, и гуляют на оленях; о святой недели (во время Пасхи) качели, о Троицыне и Покрове днях хоробыды бывают»²⁶.

Таким образом, статистическое описание 1785 года представляет собой ценный историко-этнографический памятник, который содержит разноплановую информацию по демографии, хозяйству, быту и повседневной жизни населения Кольского уезда. Несомненно, эти данные во многом дополняют и расширяют сведения, которые мы получаем, например, из писцовых книг и ревизских сказок.

Примечания

¹ Север: еженедельный литературно-художественный журнал. СПб., 1890. № 6. С. 116–117 // НЭБ / URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_012063567?page=16&rotate=0&theme=white (дата обращения: 01.03.2025).

² ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 72.

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 73–96, 118–132, 134–135, 257–258, 978.

⁴ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: (итоги подвор. переписи). Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1916. 117 с.

⁵ ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 72–82.

⁶ ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 72.

⁷ Бабенский, Воронежский, Кильдинский, Ловозерский, Масельский, Мотовской, Нотозерский, Нявдемский, Екостровский, Орьезерский, Пазрецкий, Печенгский, Пяозерский, Семиостровский, Сонгельский, Терской лопи пять погостов.

⁸ ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 73.

⁹ ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217; ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 762.

¹⁰ Проживало 14 семей, 65 жителей обоего пола, число оленей — 178.

¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 119. Л. 1 об., 2.

¹² Проживало 35 семей, 265 жителей обоего пола, число оленей — 1866.

¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 257. Л. 1 об., 2.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127. Л. 5.

¹⁵ Традиционная зимняя обувь саамов.

¹⁶ Одежда на оленьем пуху.

¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 127. Л. 2–3.

¹⁸ Выбор пушниной.

¹⁹ Например: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 74. Л. 2.

²⁰ Например: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 121. Л. 2.

²¹ Поной, Княжая Губа, Порьегуба, Кандалакша, Ковда, Кереть, Варзуга, Пялица, Умба, Тетринская слободка, Пяозерский погост, Пяозерское присудствие.

²² Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: (итоги подвор. переписи). Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1916. С. 80–81.

²³ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года: (итоги подвор. переписи). Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1916. С. 85.

²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 82. Л. 2 об.

²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 85. Л. 8 об.–9, 10 об.

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 135. Л. 9 об.–10.

Список источников

1. Ушаков И. Ф. Избранные произведения историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 345 с.
2. Никонов С. А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции (Москва, 9–10 ноября 2017 г.). М.: [б. и.], 2017. С. 327–334.
3. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
4. Чаплыгина Д. А. Охота кольских саамов по материалам статистических ведомостей второй половины XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 5, № 3. 2023. С. 18–24. doi:10.37313/2658-4816-2023-5-3-18-25.
5. Чаплыгина Д. А. Хозяйство кольских саамов во второй половине XVIII в. (по материалам статистических ведомостей) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 168–174. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.016.

References

1. Ushakov I. F. *Izbrannye proizvedeniya istoriko-kraevedcheskie issledovaniya. T. 1. Kol'skaja zemlja* [Selected works of historical and local history studies. Vol. 1. Kola land]. Murmansk, 1998, 345 p. (In Russ.).
2. Nikonov S. A. *Morskoe pribrezhnoe hozjajstvo saamov Kol'skogo uezda vo vtoroj polovine XVIII v.* [Marine coastal economy of the Sami of the Kola district in the second half of the 18th century]. *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremja. Vypusk 5: Pjatyje chtenija pamjati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 9–10 nojabrja 2017 g.)* [Rus, Russia: The Middle Ages and Modern Times. Issue 5: Fifth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L. V. Milov. Materials for the international scientific conference (Moscow, November 9–10, 2017)]. Moscow, 2017, pp. 327–333. (In Russ.).
3. Nikonov S. A. “*Kto v more ne hodil, tot Bogu ne malivalsja*”: *promyslovaja kolonizacija Murmanskogo berega i Novoj Zemli krest'janami i monastyrjami Pomor'ja v XVI–XVIII vv.* [“Who did not go to sea, he did not give in to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomerania in the 16–18th centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2020, 496 p. (In Russ.).
4. Chaplygina D. A. *Oxota kol'skix saamov po materialam statisticheskix vedomostej vtoroj poloviny XVIII veka* [Hunting of the Kola Sami based on statistical reports of the second half of the XVIII century] *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences], 2023, Vol. 5, No. 3, pp. 18–24. doi:10.37313/2658-4816-2023-5-3-18-25. (In Russ.).
5. Chaplygina D. A. *Hozjajstvo kol'skix saamov vo vtoroj polovine XVIII v. (po materialam statisticheskix vedomostej)* [The economy of the Kola Sami in the second half of the XVIII century (based on statistical reports)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvenny'e i gumanitarny'e nauki* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2022, Vol. 1, No. 1, pp. 168–174. doi:10.37614/2949-1185.2022.1.1.016. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Чаплыгина — главный методист административно-управленческого аппарата, доцент кафедры истории.

Information about the author

D. A. Chaplygina — Chief methodologist of the administrative and management staff, Associate Professor of the Department of History.

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 21.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.002

КОНФЛИКТ КЛИРИКОВ КОЛЬСКОГО СОБОРНОГО ПРИХОДА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Юлия Николаевна Кожевникова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия,
yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Аннотация

В статье на основании архивных материалов из фондов Национального архива Республики Карелия и Государственного архива Мурманской области впервые рассматривается конфликт, существовавший между клириками Воскресенской церкви уездного города Кола в начале XIX века. Выясняется, что основными причинами возникших раздоров были неравенство материального обеспечения разных членов причта и личная неприязнь двух священников. Напряженные отношения между штатными соборными клириками осложняли их пастырскую работу среди прихожан. Выясняется, что позиция епархиального руководства была обусловлена нехваткой иереев в Кольском благочинии.

Ключевые слова:

Кольское благочиние, Кольский Соборный приход, приходское духовенство, внутриприходовый конфликт

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Кожевникова Ю. Н. Конфликт клириков Кольского Соборного прихода в начале XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 11–16. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.002.

Original article

THE CONFLICT OF THE CLERGY OF THE KOLA CATHEDRAL PARISH IN THE EARLY 19TH CENTURY

Yulia N. Kozhevnikova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>

Abstract

Based on archival materials from the collections of the National Archive of the Republic of Karelia and the State Archive of the Murmansk Region, the article for the first time examines the disagreements that existed between the priests of the Resurrection Church in the county town of Kola in the early 19th century. It turns out that the main reasons for the conflict situation were the inequality of material security for different members of the clergy and the personal hostility of the priests. The strained relations between the staff of the cathedral clergy complicated their pastoral work among the parishioners. The position of the diocesan leadership was determined by the shortage of priests in the Kola deanery.

Keywords:

Kola deanery, Kola Cathedral Parish, parish clergy, conflict within a clergy

Acknowledgments:

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Kozhevnikova Yu. N. The conflict of the clergy of the Kola Cathedral parish in the early 19th century // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 11–16. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.002.

Введение

Отношения между членами причта оказывали существенное влияние на все стороны жизни церковного прихода. В отечественной историографии основное внимание исследователей направлено на изучение споров, возникавших между духовенством и мирянами [1–3]. При рассмотрении

внутрипричтовых связей высказывается мнение о зависимости «доброго согласия» среди клириков от справедливости раздела поступавших доходов¹. Проблематика конфликтного поведения духовенства анализируется в рамках исследования его повседневной жизни на материалах разных регионов [4, 5]. Раздоры внутри причтов представляются «рядовым явлением» для всех российских епархий и объясняются материальной зависимостью клира от мирян. Указывается на значимость межличностных коммуникаций для стабильной жизнедеятельности прихода [5].

Длительный конфликт в причте Кольского Соборного прихода в начале XIX века рассматривается впервые на основе документов, обнаруженных в Национальном архиве Республики Карелия (далее — НА РК), Государственном архиве Мурманской области (далее — ГАМО), Государственном архиве Архангельской области (далее — ГААО).

Соборный приход и его причт в начале XIX века

В уездном городе Кола в начале XIX века действовал один приход. Он входил в состав Кольского благочиния Архангельской и Холмогорской епархии и подчинялся Кемскому духовному правлению. К нему относились Воскресенский собор и четыре приписных церкви: кладбищенская Троицкая, строившаяся рядом с собором Благовещенская, Сретенская на реке Печенга, страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба на реке Паз². Приходская община включала горожан (в 1802 году 833 человека³) и население десяти саамских погостов Русской Лапландии (в 1813 году 712 «лапландцев»⁴).

В начале XIX века соборный причт состоял из четырех человек, не имевших родственных связей: протоиерея Василия Ивановского, иерея Александра Измайлова, дьячка Алексея Федорова и пономаря Филиппа Сидоровского. Священники не принадлежали к старинным династиям духовенства Кольского Севера. Отец Василий, родом из Паниловского прихода Холмогорского уезда, ранее занимал дьяческую позицию при церкви Преображения Господня в Соломбале, историческом районе Архангельска⁵. В 1795 году его рукоположил во священника к кольскому Воскресенскому собору епископ Вениамин (Краснопевков-Румовский). На четвертый год служения Василий Ивановский получил сан протоиерея. В 1799–1807 годах он исполнял обязанности благочинного над уездными приходами⁶. Родиной второго священника Александра Измайлова был Шангальский приход Красноборского уезда Вологодского наместничества. В 1797 году он был возведен во священство и определен в причт Воскресенского собора⁷. Двум кольским пресвитерам помогали два молодых причетника, дьячок Алексей Федоров с 1805 года и пономарь Филипп Сидоровский с 1800 года⁸.

Материальное обеспечение причта в арктической зоне в начале XIX века имело свои особенности. Из-за отсутствия пахотных угодий соборное духовенство не занималось хлебопашеством, как и остальные жители уездного города, про которых говорили: «*Коляне питаются не от земли, а от моря*»⁹. Клирики имели сенные покосы на реке Тулома, «*в пяти доскутах*» и «*на одну корову*», но не пользовались ими, так как не держали домашнюю скотину¹⁰. Основные доходы складывались из нескольких источников: традиционной платы за требоисправление (около 80 рублей в год); денежной руги от жителей Колы (25 рублей) и отдельно от саамов, приписанных к собору (оленьи шкуры и 20 пудов разной рыбы); «*свечного сбора*» и пожертвований, полученных во время хождения причта с крестами и святой водой по домам городских обывателей в праздники¹¹. Средства из «братской кружки» делились по принятой издавна пропорции¹².

Воскресенский клир находился в большей зависимости от своих прихожан, чем духовенство других частей Архангельской епархии. Жизнь духовенства в Коле осложнялась особой дороговизной привозных продуктов питания, прежде всего хлеба. Негативно повлияло на их достаток разорение горожан во время нападения англичан в 1809 году, после которого соборяне жаловались на сокращение обычных доходов¹³. Особенно тяжело приходилось малообеспеченным дьячку и пономарю: они были вынуждены в сезон наниматься к известным кольским купцам Алексею Попову и Андрею Герасимову на тяжелый и опасный промысел трески в Баренцевом море.

Внутрипричтовый конфликт: участники и содержание

Главными участниками конфликта были два пресвитера Воскресенского собора, открыто выступавшие с взаимными обвинениями. Протоиерея Василия Ивановского поддерживали оба местных причетника, неоднократно писавшие «доношения» в Кемское духовное правление с просьбами повлиять на «неистовое» поведение второго священника.

Будучи благочинным протоиерей Василий Ивановский должен был сообщать в духовное правление о поведении каждого клирика своего округа. Его рапорты содержат сведения о многочисленных провинностях Александра Измайлова, засвидетельствованных причетниками. Претензии со стороны отца Василия касались поступков священника в повседневной жизни, а также исполнения им пастырских обязанностей. Наиболее частыми были обвинения в нетрезвости отца Александра, который *«бродя по городу, чинил обиды господину городничему Акимову и земского суда председателю Петру Агапову»*¹⁴ или заводил драку в городском питейном заведении с местным полицейским¹⁵. Если верить свидетельству соборных причетников, в 1806 году в отсутствие благочинного его нерадивый заместитель вместо денег, полагавшихся за венчание лопаря Сергея Юдина, *«вырядил оленя на три дня, на котором и гонял по городу дворами в пьяном виде, чему народ весьма довольно смеялся с поношением его священного чина»*¹⁶.

По словам протоиерея Василия Ивановского, священник Александр Измайлов отказывался от поручений, оставленных на время отъездов благочинного из Колы, и не спешил выполнять предписания, поступающие от духовного правления. Он обвинялся в самовольных длительных отлучках из города; пропусках богослужений (*«в службе у церкви весьма редко, и только когда захочет»*); нарушении чина венчания (*«браки ж многие венчал по солнцу и по какому-то старинному требнику»*); фальсификации исповедных ведомостей (*«не бывших на исповеди пишет бывшими и таких, кои в церковь очень редко ходят, а другие вовсе от роду не бывали»*) и, наконец, в строго запрещенном приходскому духовенству занятии торговлей (*«въезжая в датские местечки и променивая хлеб и прочие русские товары, вывозит оттуда на оные немецкие напитки и разные вещи»*)¹⁷.

Серьезные разногласия между соборными возникали при разделе «братской кружки». Против Александра Измайлова свидетельствовал дьячок Алексей Федоров, утверждавший о несправедливом удержании своей части ружного содержания, полагавшегося от саамов, и денег за совершенные в городе венчания и крещения. Священник также укрывал часть денег от причетников (*«за венчание браков рядился наедине и получал от них всегда втайне и записывал спустя пять дней и неделю»*), нарушая устоявшиеся местные правила при распределении доходов¹⁸.

В свою очередь, отец Александр выступал против существовавшего в Соборном приходе обычая делить прихожан между двумя иереями: *«лопары разделены наравне»*, но *«половина лучших лопарей»* досталась протоиерею *«как из предков водилось»*¹⁹. Священник жаловался на проблему с жильем из-за козней благочинного: из общего причтового дома *«протопоп его вытеснил»*²⁰. Отец Александр не имел *«отводной от общества квартиры»*, поэтому был вынужден для своего семейства, в котором подрастали сын Федор и дочь Анна, в долг купить старую избу, чтобы собственными руками пристроить к ней *«новые покои»*. Священник напоминал Кемскому духовному правлению о том, что Василий Ивановский *«сам ходит в питейные заведения»*, крестит детей *«по солнцу»* и считал его обвинения *«доносами из единой вражды»*²¹. Кроме того, он выражал недовольство по поводу длительных отлучек причетников, уходивших на морской промысел.

В начале XIX века епархиальное руководство, прежде чем принимать жесткие санкции в отношении враждующих священников, стремилось по-отечески вразумить их. Архангельский епископ Евлампий (Введенский) первоначально рекомендовал благочинному воззвать к христианской совести Александра Измайлова: *«Пусть прочтает в присутствии протопопа послание Святого Павла Апостола к Тимофею, какому должно быть священнику»*. В следующей резолюции архиерей оговаривал, что в случае продолжения «нестроений» в соборном причте пострадают обе стороны: *«предписать протопопу, чтобы он прилежнейшее и строгое смотрение имел над священником Измайловым, чтоб он себя вел строго, благопристойно и свято <...> Ежели что до меня противное предписанию сему дойдет, то не только он сана священства лишен будет, но и протопоп подвергнется суду и наказанию»*²².

Архиерейские наставления, однако, не смогли примирить главных участников конфликта. Когда до епископа Евлампия дошли дерзкие слова Александра Измайлова — *«подавайте на меня хотя в Синод, а я не боюсь, не только духовного правления, консистории, но самого Архиерея»*, — в ноябре 1806 года он приказал провести следствие. *«Я и стороною не однажды слышал о непорядочном*

сего священника поведении, а потому и делал предписания к исправлению, но не видно успехов, посему передается он суду», — постановил владыка и поручил разбираться в непростом деле священнику Андрею Ануфриеву, служившему в кемском Успенском соборе и бывшему благочинным над приходами соседнего Кемского округа²³.

Значительная часть допросов по следственному делу касалась самовольных отлучек Александра Измайлова в саамский Печенгский погост, где он обменивал привезенные русские товары на «заповедные». Сам священник объяснял, что ездил с богомольцами для поклонения святому Трифону Печенгскому и «крещения тамошних лопарских детей»²⁴. Благочинный Андрей Ануфриев не смог найти свидетелей, подтверждавших незаконную продажу священником привезенных вещей. При «повальном обыске» горожане заявляли, что отец Александр «по долгу своего звания всегда находится исправен»²⁵. Он признавал свою вину только в том, что по его указанию из печки в кладбищенской церкви был выломан железный заслон с вьюшкой, и пояснял странный на первый взгляд поступок. Ему пришлось это сделать, так как «у купцов в продаже нет заслонок»²⁶.

На время следствия Александр Измайлов был отстранен от священнослужения. Указом Архангельской духовной консистории от 22 января 1809 года его отправили в Онежский Крестный монастырь «в труды» на один месяц. После прохождения епитимии он был переведен в Варзужский Петропавловский приход «для исправления дьяческой должности», но уже в конце мая 1809 года раскаявшийся отец Александр вернулся в Соборный приход «по-прежнему» на штатное иерейское место²⁷.

В 1807 году протоиерей Василий Ивановский был смещен с должности благочинного [6]. В отношении него определенное епископом церковное наказание оказалось более мягким: за нерадивость в приходском документоведении и за пьянство тому предписывалось «в свободное от мирских треб время ходить» из Колы в храм Иоанна Предтечи соседнего Кандалакшского прихода, где служил новый благочинный священник Димитрий Плотников²⁸. Протоиерей Василий Ивановский оставался единственным пресвитером в Коле и не мог покидать город, временно откладывая исполнение наложенной на него епитимии. Также он был оштрафован на 10 рублей в пользу епархиальной богадельни, но отказался выплатить эти деньги. По решению правящего епископа сумма вычислялась частями из «протопопской» доли ружного содержания.

Правящий архиерей использовал все возможные меры в отношении пресвитеров, систематически нарушавших нормы поведения духовного сословия: архиастырские внушения, наложение епитимии, штрафы, отстранение от священнодействия, отправку «в монастырские труды», временный перевод на дьяческое место, за исключением самой строгой и необратимой — «извержения из сана».

Длительный конфликт разрешился зимой 1811 года, когда священник Александр Измайлов и оба причетника умерли во время эпидемии неизвестной болезни, охватившей уездный город Кола. Протоиерей Василий Ивановский остался жив и был переведен по собственному желанию из Кольского собора в церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Яренгского прихода Архангельского уезда. Новым соборным священником стал Иоанн Дьяконов из пономарей Троицкого собора города Онеги. В 1813 году он возглавил Кольское благочиние и заведовал его приходами в течение четверти века. Второй священник в соборном причте долгое время отсутствовал. Только в 1821 году местный дьячок Симеон Плотников был возведен во священство²⁹.

Выводы

Причинами открытого конфликта, существовавшего в начале XIX века внутри причта Кольского Соборного прихода, стали неравенство доходов соборных клириков и напряженность статусно-ролевых отношений благочинного и его помощника, которая усугублялась их взаимной неприязнью. Многолетние «нестроения» обозначили насущные проблемы в Кольском благочинии: дефицит благонадежных в глазах епархиального руководства священников, способных управлять местными приходами, а также недостаточность и неустойчивость материального обеспечения клириков. Серьезные разногласия среди городского духовенства негативно отражались на его профессиональной деятельности. Непростая жизнь в заполярном захолустье накладывала отпечаток на поведение священников в повседневной жизни и их пастырское служение.

Примечания

- ¹ Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Университетская типография, 1873. С. 706–707.
- ² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2 об.
- ³ Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX в. (статистическое описание губернии по современной рукописи) // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск: издание Архангельского губернского статистического комитета, 1908. С. 6.
- ⁴ Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (Исторический очерк) // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 8. С. 203.
- ⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 359.
- ⁶ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1/22. Л. 38.
- ⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 1. Д. 555.
- ⁸ Там же. Д. 1635.
- ⁹ Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С. 15.
- ¹⁰ Попов А. Из г. Колы // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 13. С. 419.
- ¹¹ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 9/224. Л. 130.
- ¹² Только в 1827 году Святейший Синод распространил на все епархии единые правила о разделе доходов причтов. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. 1825 (Декабря 12) – 1835 гг. Петроград, 1915. Т. 1. С. 788.
- ¹³ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 4/24. Л. 22 об.
- ¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2/39.
- ¹⁵ Там же. Д. 3/45.
- ¹⁶ Там же. Д. 4/84. Л. 26 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 27 об. – 28.
- ¹⁸ Там же. Л. 26 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 29.
- ²⁰ В имущественной описи Воскресенского собора 1803–1807 годов сообщается о единственном причтовом доме «на два покоя» со старой баней и амбаром. В нем должны были размещаться оба священника со своими семьями. См.: ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 16. Л. 18 об.
- ²¹ Протоиерей Василий Ивановский также уличался в пьянстве и нарушении общественного порядка. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/80. Л. 7, 25; Д. 4/84. Л. 29.
- ²² НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/84. Л. 26–37 об.
- ²³ Там же. Л. 28.
- ²⁴ Там же. Л. 29.
- ²⁵ Там же. Л. 29 об.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/90. Л. 11 об.
- ²⁸ Там же. Л. 2 об.
- ²⁹ Там же. Д. 6/107.

Список источников

1. Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни (1860–1917). СПб.: Алетейя, 2003. 235 с.
2. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 413 с.
3. Цысь О. П. О взаимоотношениях причта и прихожан на Тобольском Севере в пореформенный период (на примере Березовской Богородице-Рождественской церкви) // Православие. Наука. Образование. 2019. № 1 (7). С. 22–31.
4. Мангилева А. В. Повседневная жизнь сельского прихода в первой половине XIX века: (по материалам «Дневника сельского священника») // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 249–260.
5. Фот А. Г. Конфликт в причте как элемент деловой повседневности приходского духовенства Оренбургской епархии (вторая половина XIX — начало XX века) // В мире научных открытий. 2015. № 3–6. С. 2773–2798.
6. Кожевникова Ю. Н. Благодичный на Кольском Севера в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67–73. doi 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73.

References

1. Rozov A. N. Svjashhennik v duhovnoj zhizni russkoj derevni (1860–1917) [A priest in the spiritual life of a Russian village (1860–1917)]. St. Petersburg, 2003, 235 p. (In Russ.).
2. Bernshtam T. A. Prihodskaja zhizn' russkoj derevni: Oчерki po cerkovnoj jetnografii [Parish Life of a Russian village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg, 2005, 2013 p. (In Russ.).
3. Cys' O. P. O vzaimootnoshenijah prichta i prihozhan na Tobol'skom Severe v poreformennyj period (na primere Berezovskoj Bogorodice-Rozhdestvenskoj cerkvi) [On the relationship between the clergy and parishioners in the Tobolsk North in the post-Reform period (using the example of the Berezovskaya Bogorodit-Rozhdestvensky Church)]. *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie* [Orthodoxy. Science. Education], 2019, No. 1 (7), p. 22–31. (In Russ.).
4. Mangileva A. V. Povsednevnaia zhizn' sel'skogo prihoda v pervoj polovine XIX veka: (po materialam «Dnevnika sel'skogo svjashhennika») [The daily life of a rural parish in the first half of the 19th century: (based on the materials of the Diary of a Rural Priest)]. *Vestnik cerkovnoj istorii* [Bulletin of Church History], 2011, No. 3–4, p. 249–260. (In Russ.).
5. Fot A. G. Konflikt v prichte kak jelement delovoj povsednevnosti prihodskogo duhovenstva orenburgskoj eparhii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Conflict in the clergy as an element of the business routine of the parish clergy of the Orenburg Diocese (second half of the 19th – early 20th century)]. *V mire nauchnyh otkrytij* [Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture], 2015, No. 3–6, p. 2773–2798. (In Russ.).
6. Kozhevnikova Ju. N. Blagochinnyj na Kol'skom Severe v nachale XIX v. (po dokumentam Kemskego duhovnogo pravlenija Nacional'nogo arhiva Respubliki Karelija) [Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem' spiritual collegium of National archive of Republic of Karelia)]. *Izvestija Komi NC UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre. Ural branch of the Russian Academy of Science], 2023, No. 1(59), p. 67–73. doi 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73 (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

Yu. N. Kozhevnikova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 392
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ И ЛЮТЕРАНСКОЙ МИССИЙ СРЕДИ СААМОВ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ

Даниил Игоревич Коровкин

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
korovkin1997@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5111-8802>

Аннотация

Данная статья посвящена ретроспективному обзору деятельности православных и лютеранских миссий на Кольском полуострове, преимущественно в XIX веке, и их взаимодействии с саамским населением региона. В работе рассматриваются основные этапы и особенности миссионерской деятельности обеих конфессий, а также их подходы к проповеди в рамках культурной интеграции саамского населения региона.

Ключевые слова:

саамы, православие, лютеранство, миссионерская деятельность, управление этническим многообразием, интеграция населения, обзор, компаративный анализ, XIX век

Для цитирования:

Коровкин Д. И. Обзор деятельности православной и лютеранской миссий среди саамов на Кольском полуострове в дореволюционный период: компаративный анализ подходов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 17–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003.

Original article

AN OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE ORTHODOX AND LUTHERAN MISSIONS AMONG THE SAMI ON THE KOLA PENINSULA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES

Daniil I. Korovkin

Russian Ethnographic Museum, Saint-Petersburg, Russia, korovkin1997@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5111-8802>

Abstract

This article is devoted to a retrospective review of the activities of Orthodox and Lutheran missions on the Kola Peninsula, mainly in the 19th century, and their interaction with the Sami population of the region. The paper examines the main stages and features of the missionary activities of both faiths, as well as their approaches to preaching within the framework of the cultural integration of the Sami population of the region.

Keywords:

Sami, Orthodoxy, Lutheranism, missionary activity, management of ethnic diversity, population integration, review, comparative analysis, XIX-th century

For citation:

Korovkin D. I. An overview of the activities of the orthodox and lutheran missions among the sami on the Kola Peninsula in the pre-revolutionary period: comparative analysis of approaches // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 17–29. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.003.

Введение

Процессы религиозной конвертации представляют собой сложное явление, неразрывно связанное с динамикой распространения политической и экономической власти в рамках премодерных государств. В этом контексте не вызывает удивления тот факт, что при освоении новых территорий миссионеры зачастую играли ключевую роль в процессе колонизации. Начиная с XIV века, внешние политические и теологические влияния начали активно сказываться на территориях, населенных саамами [1].

С начала XX века вопрос о христианизации саамов и адаптации христианских обрядов и практик получил широкое освещение в историографии. Многие известные ученые-этнографы так или иначе затрагивали этот вопрос в своих работах: А. Я. Ефименко¹, К. В. Козмин², Н. Н. и В. Н. Харузины³, С. И. Сергель⁴ и др.

В советское время изучение христианизации часто проводилось в рамках марксистского подхода. Религия, как правило, рассматривалась в качестве инструмента, используемого правящими элитами для эксплуатации рабочего класса. Подчеркивалось негативное влияние христианизации

на культуру и традиционный образ жизни саамов, особое внимание уделялось экономической эксплуатации и политическому порабощению коренного населения [2: 98–100]. Но это нисколько не умаляет заслуг исследователей тех лет, напротив, такой подход позволил более критично взглянуть на этническую историю саамов. Вопрос религиозного вмешательства в жизнь саамов поднимался в работах: Н. Н. Волкова [3], В. В. Чарнолусского [4], Д. А. Золотарёва [5], А. И. Андреева [6], С. А. Токарева [7], А. А. и Т. А. Киселёвых [8] и других.

Современные зарубежные исследователи, в свою очередь, предлагают иные подходы, включающих в себя, кроме всего прочего, принцип учета взгляда самих саамов на собственную историю, при котором саамы становятся не «объектом», а «субъектом» исследования. Кроме того, прослеживается тенденция критики «колониализма», а также таких явлений, как принудительная «норвегизация», и т. д. Такие именитые ученые, как: Л. Аллеман [2], Д. Сорм [9], Х. Рудвинг [10] и Л. И. Хансен [11, 12] — так или иначе рассматривали развитие религиозного вопроса с учетом этих позиций и явлений на территории саамов в своих трудах.

В целом современные теоретические подходы подчеркивают концепцию устойчивости и адаптивности саамской этнокультурной системы, акцентируя внимание на процессах избирательной интеграции и переосмысления христианских традиций и обрядов в контексте собственной культурной идентичности. Это находит отражение в ряде научных исследований, посвященных динамике культурной трансформации и сохранению этнической самобытности в условиях взаимодействия с внешними религиозными и культурными влияниями, что прослеживается в работах К. С. Казаковой [13–15], М. Г. Кучинского [16–17], О. В. Куропаткиной [18], М. С. Куропятник [19], Ю. Н. Кожевниковой [20], С. А. Никонова [21] и др.

Православная миссия на Кольском полуострове

В XIV–XVI веках распространение христианства на Крайнем Севере Европейской России стало важным фактором как церковной, так и государственной политики, направленной на расширение влияния Русской православной церкви и границ Московского государства. Этот процесс был неразрывно связан с ростом церковного землевладения и укреплением государственного контроля над вновь осваиваемыми приграничными регионами.

Близость церковной и светской власти являлась причиной того, что миссионерство было мощным инструментом интеграции «инородческих» территорий в состав Российского государства. Церковные структуры выполняли функции не только духовного наставника, но и административного органа, способствующего аккультурации местного населения и внедрению новых социальных норм.

Ситуация на Кольском полуострове представляет собой интересный случай, в котором столкнулись две христианские конфессии: православие и лютеранство. Эти конфессии на протяжении XIX века одновременно осуществляли свою миссионерскую деятельность в данном регионе. Вопрос о наличии какой-либо формы «конкуренции» между ними требует более глубокого анализа. Наша гипотеза позволяет предположить, что, учитывая низкую плотность населения и доминирующее положение православной церкви, которая уже успело укорениться в этом регионе, конкуренция между конфессиями либо отсутствовала, либо была крайне незначительной. Лютеранская миссия, возникшая одновременно с прибытием финских и норвежских колонистов во второй половине XIX века, столкнулась с серьезными ограничениями в своей деятельности, обусловленными государственной поддержкой православия. В результате, ее усилия были в значительной степени сосредоточены на самих колонистах, что ограничивало ее влияние на местное население.

В отечественной историографии устоялось мнение, что активное распространение православия на Кольском полуострове началось в XVI веке. Период XVI–XVII веков был временем борьбы за фактическое обладание территориями на Крайнем Севере Европы. Эти земли, богатые природными ресурсами и стратегическим положением, привлекали внимание Российского, Шведского и Датско-Норвежского государств. И утверждение «своей» веры обозначало бы также и утверждение юридического контроля над «лоппскими» землями [21].

В дальнейшем православная миссия как совокупность форм деятельности по постепенному обращению местного населения в христианство во многом опиралась на деятельность монастырей. И именно на монастырях лежал основной пласт работы по обращению саамов в православие. Здесь

ключевыми являются фигуры преподобных архимандрита Феодорита и монаха Трифона, а также иероманаха Ильи (которого также идентифицируют со священником Ильей). Святой Феодорит Кольский предпринимал попытки разработать письменность для саамов для дальнейшего перевода на саамский язык церковных текстов. Святой Трифон Печенгский проповедовал христианство среди скотов — саамов северной Норвегии и северо-запада Кольского полуострова. В 1533 году им был основан Печенгский⁵ монастырь (фин. *Petsamo*). Он также построил небольшую часовню в честь святого Георгия в Нейдене (бывш. *Huevdam*) — саамской деревне, которая сегодня находится на границе Норвегии и Финляндии, где и в настоящее время совершают богослужения приезжающие священники, а немногочисленные православные саамы до сих пор посещают службы [22]. Христианизация как процесс обращения групп населения в православие затрагивала в основном погосты, расположенные близ границ со Шведским королевством (территория современной Финляндии) и Датско-Норвежским. Согласно мнению С. А. Никонова, в этом крылась, скорее, политическая цель: «<...> закрепить присутствие Московского государства на Крайнем Севере Европейской России» [21]. В последующие периоды (с начала XVIII века) темпы направленной христианизации снизились, ввиду того, что большая часть «русских лопарей» числились православными христианами⁶.

Притом нельзя сказать, что процессам христианизации не уделялось должного внимания со стороны государства. Напротив, сохранилось патерналистское отношение империи относительно распространения и «укрепления» веры среди местного населения. Об этом может свидетельствовать именной указ Елизаветы Петровны «О наставлении в вере трех лопарей», носящий скорее программный характер⁷. Данный документ отстаивал две основные идеи в отношении христианизации: необходимость расширения деятельности православной церкви среди «лопи» и просвещении их в религиозном отношении, особенно в плане церковных догм.

Значительная часть саамов являлась монастырскими крестьянами. Будучи приписанными к Печенгскому (упразднен в 1765 году), Воскресенскому, Истринскому, Крестному и Онежскому монастырям [16–17]. А после секуляризации церковных земель, проведенной Екатериной II в 1764 году, уже все саамы были переведены в категорию государственных крестьян (до реформ государственных крестьян П. Д. Киселёва они именовались «экономическими крестьянами» как бывшие монастырские/церковные)⁸.

В целом отношения саамов и монастырей до середины XVIII века нельзя назвать исключительно «добрососедскими». Нередкими были притеснения со стороны монастырей, которые проявлялись в захвате промысловых мест и угодий и сдаче их в аренду; изъятия части дохода; принуждение к определенным работам⁹. Впрочем, монастыри обеспечивали саамов пищей в голодные времена, товарами из южных областей (металл, ткани и прочее), а также юридической защитой от «государственных людей». Из центров миссионерской деятельности монастыри постепенно трансформировались в центры экономические и политические¹⁰.

После секуляризации церковных земель православные саамы Кольского полуострова состояли в трех приходах: Кольском, Кандалакшском и Понойском. К началу XX века на Кольском полуострове Печенгский приход (Печенгский, Мотовский, и восемь колоний становищ: Монастырское, Баркино, Княжуха, Трифонов ручей, Ворьема, Малонемецкое, Столбовое, Китовка), Пазрецкий приход, включавший Пазрецкий и Нявдемский погосты; Нотозерский приход (Нотозерский, Сонгельский), Китовский приход (колонии Китовка, Западная Лица, Вайда-Губа, Мало-Волоковая, Ура и Мотовский погост), Ловозерский приход (Ловозерский, Лявозерский, Воронинский, Семиостровский погосты) и Кильдинский приход (Кильдинский, Масельский (Пулозерский и Разнаволоцкий погосты) [23].

Прихожанами были и русские, и саамы, в основном говорящие на колтском или скотском, кильдинском и его диалектами, бабинском и йокангском саамских языках, а также представители других народностей, исповедующие православие. Как правило, часовни, притчевые дома строились на средства местных жителей. И в их обязанности входило выплачивание «руги» (как аналога десятины) в пользу приходов в виде улова рыбы (семги, сига, трески), оленного мяса, шкур и т. п. [20]. Впрочем, зачастую саамы давали рыбу гнилую или низкого качества, ввиду того, что размер руги был для них высок. Еще одной проблемой низкая плотность населения при довольно больших расстояниях между населенными пунктами. Рассматривая данную проблему в своей диссертации А. С. Давыдова приводит

следующую цитату из труда А. С. Розова¹¹ «В погостах имелись и имеются часовни, в которых определенное число раз в году наезжал священник, который исповедовал и причащал лопарей, совершал таинство брака и крещения. За свои труды священник получал ругу — добровольное приношение от лопарей, обыкновенно состоящее из рыбы. Лопари относились к этим наездам не совсем дружелюбно, так как каждый такой приезд, даже в том случае, если не позволялось по отношению к лопарям никаких злоупотреблений, все-таки обходился им очень дорого; они старались обмануть священников, давая им плохую, подчас никуда негодную, рыбу. Вследствие этого, некоторые священники, прежде чем приступить к совершению треб, объявляли лопарям, что они будут совершать требы лишь после получения определенного количества руги. <...> При таких условиях и отношении к слову Божию не могло идти дальше исполнения тяжелой и неприятной, но необходимой повинности» [24: 58].

Последующие процессы христианизации носили характер постепенного культурно-религиозных аккомодирования и аккультурации¹². Причем «ассимиляторами» (в нашем случае — народами, у которых перенимались те или иные элементы культуры) выступали в равной степени как русские поморы, так и коми-ижемцы, карелы и финны. В первую очередь, перенимались, как правило, хозяйственные или бытовые практики такие, как нарты, крупнотабунное оленеводство, заменившее керёжи и «вольный выпаси» оленей [25]. Вместе с тем саамы активного перенимали религиозные обычаи пришлого и соседствующего населения: русских поморов, карел и коми-ижемцев. Отчасти прослеживается это влияние и в контексте материальной культуры. Вероятно, ряд форм религиозной атрибутики саамов был заимствован у соседствующих карел, русских поморов и пришлого населения. В целом саамское население довольно сильно подвергалось культурной интеграции, особенно с 1860-х годов, когда на Кольский полуостров активно начали проникать русские и коми-ижемцы.

Впрочем, саамское население оставалось объектом целенаправленной христианизации, которая не была сильно централизованна и зачастую являлась местной инициативой, исходившей как от местных светских, так и от церковных администраторов. Однако большой проблемой оставалось недостаточное количество приходов и священнослужителей, особенно образованных. Усложняло ситуацию и отсутствие, по выражению Ю. Н. Кожевниковой, «ученых попов», которые могли бы проповедовать среди саамов, практически не знавших религиозных догм [20]. Показательной является история инициативы введения среди саамов «подвижных церквей». Согласно предложению некоего «помощника Молчанова», церкви, которые летом вместе с саамами передвигались к морскому побережью, были бы весьма полезны для правильного «отпуска культа». Эта идея понравилась Синоду, однако Министерство государственных имуществ не видело смысла выделять на это деньги, ввиду «малого количества людей» и недостаточности средств. Тем не менее были выделены стройматериалы с казенных дач для строительства церквей и домов для причтов в Нотозерском, Ловозерском и Семиостровском погостах. Однако при наличии материалов местные общины саамов не захотели «собирать капитал», и посылались прошения о выделении средств на строительство с 1848 по 1851 года. Церкви построены в эти даты не были¹³.

На протяжении длительного времени степень религиозной вовлеченности у кольских саамов была относительной низкой, ввиду, как уже писалось выше, малого количества священнослужителей и приходов (при общей малой заселенности региона) и специфики кочевого жизненного уклада: «Лопарям в настоящее время неизвестны молитвы, которые должны быть известны каждому христианину. <...> Новорожденные дети часто не получают крещения, а умершие зарываются в землю без обряда, вследствие кочевой их жизни и недостатка церквей, которых в Лапландии мало»¹⁴. Относительно высока была доля и «языческих пережитков», а также разного рода «магических практик», довольно подробно рассмотренных в работах Н. Н. Волкова и В. В. Чарнолуцкого [26]. Так, согласно сведениям Н. Н. Волкова, многие христианские «обряды» воспринимались как магические практики. К примеру, святой водой лечили больных оленей или освящали рыбные тони для лучшего улова [3: 72]

Православное духовенство на протяжении XIX века сыграло значительную роль в распространении грамотности посредством «церковного просвещения» на Кольском полуострове¹⁵. Притом стоит

отметить, что само существование «системы» церковно-приходских школ в отдаленных районах Кольского полуострова было возможно лишь при финансово-материально поддержке местного населения: как русского, так и саамского или коми-ижемского [13]. Церковно-приходские школы сыграли важную роль в повышении грамотности местного населения. Они не только расширяли их кругозор, предоставляя начальное образование, но и параллельно интегрировали в контекст православного вероисповедания. В этом контексте особое внимание заслуживает деятельность настоятеля Борисоглебской церкви на реке Паз К. П. Щеколдина¹⁶ (1845–1916). Он вместе со своей женой в 1894 году перевел «Евангелие от Матфея» на саамский язык, а в 1895 году издал первую в своем роде «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» [15], представлявшую собой учебник и русского, и, отчасти, колтта-саамского языков. Значительной была просветительская деятельность Трифоно-Печенгского монастыря, который был восстановлен в 1886 году указом Святейшего Синода. Таким образом, церковно-приходские школы и миссионерская деятельность священнослужителей способствовали не только распространению религиозных идей, но и культурному и образовательному развитию местного населения. Церковная и светская модели просвещения шли рука об руку в деле аккультурации саамов в пореформенное время.

Лютеранская миссия на Кольском полуострове

В настоящий момент подавляющее число саамов, проживающих на территории Норвегии, Швеции и Финляндии, исповедуют лютеранство, ввиду того, что деятельность православных монастырей и миссионеров ограничивалась территорией Кольского полуострова и отчасти Варяжского полуострова (полуостров Варангер на севере Норвегии). Обращение саамов в лютеранство являлось важным фактором культурной интеграции. Лютеранская церковь, стремясь утвердить свои позиции среди саамов, использовала религиозные практики как инструмент власти и контроля. В то же время нельзя сказать, что православная церковь активно конкурировала с лютеранами «за души саамов», ввиду неясности административных границ и крайне малой плотности населения.

Целенаправленная проповедь протестантизма среди саамов в Скандинавии началась с конца XVI века. С XVII века появились «лаппенстеры» — миссионеры, жившие среди саамов, говорившие на их языках. Нередко это были саамы по происхождению, получившие церковное образование в Шведском королевстве [18]. А в XVIII веке процессы христианизации приняли жесткий, а местами даже репрессивный характер [9]. Так, Карл Линней в своих путевых дневниках упоминает о довольно жестоких практиках принуждения к религиозной конвертации, в частности, о «поливании бубнов кровью». Нойду¹⁷ делались порезы и пускали кровь на его бубен («каннус»). Новые раны наносились до тех пор, пока нойд не «отринет язычество и примет христианство». Впрочем, эти данные труднодоказуемы¹⁸. Однако известно, что бубны сжигались в рамках «борьбы с колдовством» как лютеранами, так и православными [27: 5–7].

Во многом протестантские миссионеры так же, как и православные, коренным населением Кольского полуострова и прилегающих территорий воспринимались благожелательно. Они занимались, кроме своих прямых функций, распространением грамотности среди населения (даже в большей степени, чем православные, поскольку протестантизм подразумевает самостоятельное изучение Писания), интеграцией саамов в систему государственного управления и экономики и т. д. [28]. В этом контексте представляет интерес специфика распространения так называемого «лестадианства». В проповеди пастор Ларс Леви Лестадиус (1800–1864 годы) придерживался синкретической тактики, доводя Писание до слушающих через образы, происходящие из традиционных верований [18]. В итоге, многие скотт-саамы образовывали лестадианские общины, отличавшиеся весьма пуританскими нравами, открыто протестовавшими против продаж алкоголя, праздности, традиционных песен и т. д. С. И. Серегель описывал собрания лестадиан следующим образом: «В воскресенье у кого-нибудь из “кристалиш” устраиваются собрания, где такой “истинноверующий” поясняет присутствующим Св. Писание, верные догмы секты последователей Лестадиуса, к которым принадлежат все карашокцы, совершенно не посещающие кирхи»⁴.

До вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году существовала определенная «борьба за паству» между православной и лютеранской церквями (а в XVI веке отчасти и католической), что отражало более широкие процессы религиозной и культурной конкуренции [29]. После присоединения Великого княжества Финляндского к империи финские духовные лица получили ряд привилегий в области миссионерской деятельности, что позволило им расширить свое влияние не только на территории Финляндии, но и на Кольском полуострове. Это создало дополнительные сложности для православной церкви, которая стремилась сохранить свои позиции среди местного населения Кольского Севера.

Несмотря на утрату территории Финляндии, Швеция продолжала стремиться к контролю над саамским и финноязычным населением на своих территориях. В частности, на территории Норвегии, которая вступила в унию со Швецией в 1814 году [30: с. 84]. Это стремление проявлялось в активных процессах христианизации саамского населения, осуществляемых протестантскими миссионерами в XIX веке на территории Шведско-Норвежского королевства. Эти миссионерские усилия не только способствовали религиозной конверсии, но и служили инструментом аккультурации, направленной на интеграцию коренных народов в шведскую культурную и политическую систему.

Важно отметить, что Синод Российской империи на протяжении длительного времени запрещал переход из православия в другие конфессии. Этот запрет оставался в силе вплоть до выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 году¹⁹, который стал значимым шагом к обеспечению свободы вероисповедания²⁰. Однако влияние этого указа на религиозную ситуацию среди саамов и других коренных народов требует более глубокого анализа.

В 1860-х годах на Кольском полуострове начали формироваться устойчивые лютеранские общины. Они состояли преимущественно из финнов, переселявшихся на Кольский полуостров, в «Годы Великого голода» 1866–1868 годов [31], а также норвежцев, которых также привлекали промысловые места²¹. Основными центрами лютеранства стали прибрежные населенные пункты, расположенные вдоль реки Уры и одноименной губы, где поселенцы занимались преимущественно промысловой рыбной ловлей, а также торговлей с соседней Норвегией.

В этом контексте особый интерес представляют попытки Финляндии (в бытность Великого княжества Финляндского в составе Российской империи) распространения лютеранства не только среди саамов, проживающих в финских областях, но и кольских саамов (они же российские или восточные), проживающих на приграничных территориях. Лютеранская церковь, как и православная, была враждебно настроена к саамским традиционным верованиям и желала искоренить их параллельно с официальными российскими властями, желающими утвердить свое политическое господство над саамскими территориями и использовать их экономические ресурсы. Притом, обращение саамов именно в лютеранство гарантировало приобретение «власти» над саамами. До вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи имела место определенная «миссионерская конкуренция», а, ввиду имперской политики «мягкой силы» в отношении Финляндии, финские духовные лица получили ряд привилегий для миссионерской деятельности, в том числе и на Кольском полуострове.

С 1860 года финским миссионерам было дозволено беспрепятственно заниматься миссионерской деятельностью среди саамов и карелов в Кольском уезде²². В том же году им было дозволено продавать лютеранские молитвенники²³, которые изначально издавались на финском. Затем они были переведены на русско-лопарский (кильдинский саамский)²⁴ и остяцкий (хантыйский) языки и распространялись бесплатно²⁵. Впрочем, распространение лютеранства через продажу и передачу литературы не имело серьезной силы, ввиду того, что саамы преимущественно были безграмотные²⁶, а отданные им бесплатные экземпляры часто пытались продать, но тоже безуспешно. Сыграл свою роль и тот факт, что миссия православной церкви велась уже довольно давно и влияние монастырей было гораздо сильнее деятельности финских миссионеров.

Миссионерская деятельность лютеран вызывала переживания в Синоде, особенно после того, как финские миссионеры начали проникать на северо-восток Кольского полуострова к поселениям русских, выходцев с Поморья. Проповеди среди русских колонистов севера Кольского полуострова были запрещены, в то время как внутренние районы Фенноскандии оставались полем миссионерской деятельности лютеран. Также неопределенным оставался вопрос и с проповедями среди саамов. Проповеди были

запрещены в районах проживания колонистов вдоль по Мурманскому берегу, а значит, и среди саамов, проживающих в непосредственной близости. Запрет не касался саамов, проживающих вдали от русских поселений²⁷.

Тем не менее абсолютное большинство лютеран Кольского полуострова на рубеже XIX–XX веков — это колонисты и промышленники из Норвегии и Финляндии. Некоторые саамы, которые занимались морским рыболовством также записывались в колонисты [32]. Поселения колонистов из Норвегии и Финляндии усилили влияние лютеранской церкви: с 1905 года они имели свой лютеранский приход во главе с пастором Андреем Густавом Вуотилой, приехавшим из Финляндии на постоянное место жительства в город Александровск. В конце XIX века «финны-суоми» (из Великого княжества Финляндского) составляли до 70 % населения колоний по побережью Кольского залива [33]. Александровский приход (учрежден в городе Александровске в 1904 году, перестроен в 1908 году)²⁸ к началу XX века посещало порядка 1440 финнов и 160 норвежцев. Это были люди, которые не только жили в бухте Кола и на Мурманском побережье на постоянной основе, но и приезжали на рыбный лов и прочие промыслы, кочевья.

Активно переселялись на Кольский берег и саамы: саамы-фильманы, проживающие на северном побережье Норвегии (или, как их еще называли, «норги»), исповедующие лютеранство, а также кольские («кильдинские») саамы и «сколты». Саамы вообще легко пересекали границы государств и спокойно меняли места пребывания, жительства и промысла, и изначально официальные власти не обращали внимания на эту ситуацию при условии выплаты пошлин и налогов²⁹.

В целом, период XIX — начала XX века характеризуется развитием добрососедских религиозных контактов между церквями Кольского края, Норвегии и Финляндии. Обе стороны поддерживали высокий уровень толерантности: так, «нявдемские лопари», хотя и проживали с 1826 года на территории Норвегии, продолжали исповедовать православную веру и принимать у себя православных священников из России точно так же, как лютеране-переселенцы жили в соответствии со своим церковным уставом.

Большинство конфликтов, как правило, были основаны на имущественных, земельных и подобного вида отношениях. Например, Кольский земский суд уведомил председателя Архангельского губернского правления, что: «17 февраля 1835 года в пограничных с Норвегией погостах Печенгском, Навденском [Нявдемском], Пазрецком проживают с оленьими стадами норвежские саамы». Аналогичные претензии саамы рассматриваемых погостов высказывали и относительно прикочевывающих саамов из Енарскаго кирхгипиля (финский саамский погост)³⁰.

Примечательной иллюстрацией является история с основанием лютеранского молитвенного дома в селе Ура-Губа (Ура). Сообщество финских и лапландских (саамы-инары, финны-квены) направило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий прошение о дозволении постройки молеельного дома за счет колонистов и разрешении вести службы пастору из Финляндии. Кроме разрешения в 1870 году, колонисты также получили 500 бревен. Финские колонисты отдельно спрашивали: «Не противоречат ли они своей стройкой “букве закона”?»³¹. Основание молеельного дома вызвало опасения у местного православного духовенства. Епархиальный архиерей опасался, что православные верующие, проживающие по реке Уре, будут посещать лютеранский приход и переходить в лютеранство. Сам молитвенный дом был построен в период 1871–1873 годов и включен в Санкт-Петербургскую лютеранскую консисторию³².

Но нельзя сказать, что не существовало конфликтов, подозрений о «перекрещивании» и «смутении умов». Примечательным является случай, произошедший на реке Паз, на границе Норвегии и Российской империи. Оскар Конютцен, выходец из Норвегии, поселился в погосте Фильманское на Мурманском побережье и занимался торговлей и рыбным промыслом, «давая средств к существованию до 100 поморам». Но после разорения в 1900 году, ввиду потопления трехмачтового судна и уменьшения количества рыбы «из-за обилия морского зверя», переезжает на реку Паз и селится близ православной церкви св. Бориса и Глеба. Получив участок на три года, построив двухэтажный дом и дорогу на сумму десять тысяч рублей, он вновь начинает заниматься торговлей,

до тех пор, пока не был обвинен в «распространении лютеранства» среди православных прихожан. После этого начался долгий юридический процесс, где в его защиту, кроме прочих, встали и местные саамы³³.

Выводы

Подводя итоги, можно прийти к ряду выводов. Православная церковь не прибегала к масштабной целенаправленной христианской миссии после XVI–XVII веков и опиралась на монастырскую инфраструктуру, которая функционировала как религиозный, культурный, экономический и административный центр. Такой способ формирования религиозной идентичности саамов на территориях под контролем российского влияния приводил к более плавной и локальной интеграции православия в существующий культурный контекст, что, в конечном счете, способствовало плавному и постепенному распространению православной веры среди российских саамов.

Процессы христианизации на Кольском полуострове, на наш взгляд, происходили в рамках культурной аккомодации. Новые религиозные практики адаптировались к локальным обычаям, языковым условиям и бытовым моделям жизни саамов. Это объясняет устойчивые бытовые и культурные формы синкретизма, где религиозные нововведения сочетались с «языческими пережитками» и бытовыми суевериями.

Основная тенденция у лютеранской миссии заключалась в относительно активной миссионерской деятельности в приграничных регионах, в том числе среди православных саамов. Впрочем, эти попытки не увенчались успехом, даже несмотря на тот факт, что имперские власти не слишком сильно ей противодействовали. Это обуславливается и тем, что крещенные по православному обычаю саамы, как правило, теснее контактировали с православными русскими поморами, карелами и коми-ижемцами, чем с лютеранами финнами, хотя контакты с норвежцами и были весьма значительными. Справедливо может возникнуть вопрос: была ли как таковая полноценная лютеранская миссия среди кольских саамов? Нам видится, что попытки распространения лютеранства имели место быть, однако они оказались неуспешными и малозначительными.

Кроме того, на наш взгляд, как таковой конкуренции не было. Опасения, которые высказывали редкие чиновники и служители церкви мало меняют картину — к концу XVII века большая часть саамов по обе стороны границ уже были крещены, а переход из одной христианской конфессии в другую не имел для них большого смысла и значения. Кроме того, тот факт, что российские власти позволяли и открывать лютеранские приходы, и распространять лютеранскую литературу, а кольские саамы, проживающие на территории Норвегии, оставались православными и имели возможность посещать свои часовни, говорит о том, что «две церкви» вряд ли были серьезными соперниками.

В 1920-е — конце 1980-х годов миссионерская деятельность на Кольском полуострове как православная, так и лютеранская были практически сведены на нет, ввиду антирелигиозной политики советского государства. С 1990-х годов и по настоящее время на Кольском полуострове действует целый ряд миссионерских миссий, в том числе лютеранских: Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии (ориентирована на финнов), Всенорвежская саамская миссия (ориентирована на саамов) и другие [34]. Более того, часть современных саамов отстаивает идею возвращения к «вере предков» — синкретическому виду неоязычества, основанному на псевдоэтнографических и литературно-публицистических источниках [35].

Примечания

¹ Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб: тип. В. Киршбаума. 1877. 231 с.

² Козмин К. В. Лапландия и лапландцы: (из жизни Архангельского Севера). Архангельск: Губернская типография, 1915. 13 с.

³ Харузина В. Н. Лопари: очерк В. Харузиной. СПб.: Н. Морев, 1902. 38 с.

⁴ Сергель С. И. Экскурсия к норвежским лопарям (публикация А. Ю. Заднепровской) // Материалы по этнографии. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья / науч. ред. О. М. Фишман. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 290–334.

⁵ Полное название: Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь. Чаще: Трифоно-Печенгский.

⁶ Козьмин Н. Н. Распространение христианства среди русских лопарей // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1900. № 2. С. 44–52.

- ⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 21. Д. 241. Канцелярия синода. 1740 г. По именному Высочайшему указу, о наставлении в вере трех крещеных лопарей.
- ⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 34. Дело по представлению Архангельского военного губернатора, об увольнении лопарей Кольской округи от платежа Датскому королю. 1806 г. Л. 28–30.
- ⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 278. По отношению Сената о спорных рыбных ловлях между лопарями и Воскресенским и Крестным Онежским монастырями Архангельской губернии.
- ¹⁰ Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб: тип. В. Киршбаума. 1877. 231 с.
- ¹¹ Розонов А. С. Лапландия и лапландцы Ком. для помощи поморам Русского Севера. Санкт-Петербург: Тип. И. Усманова, 1903. 116 с.
- ¹² Аккомодация — это процесс, при котором этническая группа усваивает и видоизменяет культурные элементы (религия, материальная культура и системы хозяйствования и т. д.) другой этнической группы, сохраняя при этом свою изначальную культурную идентичность и язык. Аккультурация — аналогичный аккомодации процесс, который предполагает также частичную смену идентичности. При ассимиляции одна этническая группа полностью утрачивает свои отличительные черты и усваивает культуру, язык и обычаи другой, доминирующей группы.
- ¹³ РГИА. Ф. 383. Оп. 14. Д. 15764. 1851 г. Первый департамент Министерства государственных имуществ. По отношению господина обер-прокурора священного синода об устройстве в Лопарских погостах Архангельской губернии подвижных церквей.
- ¹⁴ Дергачев Н. Этнографический очерк // Русская Лапландия: Статистические, географические и этнографические очерки. Архангельск, 1877. С. 27.
- ¹⁵ Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). М.: 1890. 482 с.
- ¹⁶ К. П. Щеколдин также собирал саамский фольклор, который впоследствии передал Н. Н. Харузину.
- ¹⁷ Нойды выполняли религиозные и врачебные функции у саамов. Зачастую являлись лидерами сообществ, исполняли роли судей и т. д.
- ¹⁸ С. v Linné. *Lachesis lapponica*; or, A tour in Lapland, now first published from the original manuscript journal of Linnaeus. London: White and Cochrane. 1811. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/71547#page/5/mode/1up> (дата обращения: 25.03.2025).
- ¹⁹ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. СПб., 1905. 17 апреля (№ 63, Отд. 1, ст. 526). С. 710–712.
- ²⁰ ПСЗРИ. 1908. Т XXV: 1905 г. Отд. 1. Ст. 26125. С. 257–258.
- ²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 24 Д. 37604. 1861–1868 гг. Первый департамент Министерства государственных имуществ. О переселении в Кольский уезд Архангельской губернии колонистов из Норвегии.
- ²² РГИА. Ф. 821. Оп. 5. 1860 г. Д. 964. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 11. Религиозные общества и секты, миссионерская деятельность духовенства. Дело о разрешении финскому духовному лицу объезжать лопарей, проживающих в Кольском уезде Архангельской губернии.
- ²³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1 1860 г. Д. 5529. Дело о разрешении финляндским служителям культа производить продажу молитвенников и других книг религиозного содержания финляндским лопарям в Архангельской губернии.
- ²⁴ Многими современными исследователями саамские диалекты выделяются в качестве отдельных языков.
- ²⁵ РГИА. Ф. 733 Оп. 170 Д. 1175. Дело о рассмотрении составленных одним из членов общества распространения священного писания семи книг на остяцком и русско-лопарском языках.
- ²⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. 1871–1872 г. Д. 98. Вольное экономическое общество. Записки корреспондента Шабунина и волостного старшины Камского земского уезда о распространении грамотности среди лопарей на Мурманском берегу.
- ²⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 5 1887–1904 гг. Д. 162. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 3. Образование и разделение пробстских округов и приходов и управление ими. Переписка с архангельским губернатором и обер-прокурором Синода о запрещении Финляндским проповедникам посещать мурманские колонии в связи с их миссионерской деятельностью, о командировании туда проповедников Ингерманландского округа и разрешении образования Мурманского лютеранского прихода в Архангельской области.
- ²⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 618. Статистические сведения о церковных советах Петроградского консисториального округа.

- ²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 1828 г. Д. 910. Дело по донесению Архангельского гражданского губернатора об отнятых у лопарей участках земли соседственными норвежскими подданными. Л. 3–10.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6 1836 г. Д. 80. Дело по донесению Архангельского военного губернатора о проживающих в Кольском уезде финляндских и норвежских лопарях. Л. 5–6; 11–15.
- ³¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 567. Л. 3–4; 6–9. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. I. Протестантское исповедание в России. 7. Строительство и ремонт церквей. Дело о разрешении постройки филиальной лютеранской церкви на реке Уре в Архангельской губернии.
- ³² Там же.
- ³³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 74 1907 г. Д. 160. Л. 2–3. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1907 г. По прошению уполномоченного от крестьян финляндцев Печенгского и Чалмозерского сельских обществ, а также жителей Пазрецкого погоста, Кольско-Лопарской волости, Александровского уезда Дмитрия Епиматьева, об оставлении колониста Оскара Конютцен на занимаемом им участке земли. Архангельская губерния.

Список источников

1. Котлова Е. С. Христианизация как элемент этнической интеграции саамов на Кольском полуострове (По материалам Архангельских епархиальных ведомостей) // Альманах современной науки и образования. 2011. № 6. С. 28–31.
2. Allemann L. Soviet–time Indigenous displacement on the Kola Peninsula // Routledge Handbook of Indigenous Peoples in the Arctic. 2020. pp. 92–105.
3. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / под ред. Ларс-Нила Ласку и Ч. М. Таксами. СПб.; Каутокейно, 1996. 109 с.
4. Чарнолуцкий В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Таллин: Тартуский государственный университет. 1966. Вып. 11. С. 301–314.
5. Золотарёв Д. А. Кольские лопари: труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: Изд. Академии наук СССР, 1928. 207 с.
6. Андреев А. И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л.: 1930. С. 3–19.
7. Токарев С. А. Религия лопарей // Религия в истории народов мира. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1976. С. 179–180.
8. Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, этнография, культура. Мурманск: 1987, 208 с.
9. Storm D. A. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century, The Protracted Reformation in Northern Norway, Vol. 2: Towards a Protestant North. Wehrhahn Verlag. 2016. pp. 173–203.
10. Rydving H. The End of Drum–Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s. Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum, Uppsala. Vol. 12. 1993.
11. Hansen L. I. Sámi Naming Customs in the Post–Reformation Period, The Protracted Reformation in Northern Norway, Vol. 2, Towards a Protestant North / eds. Berg S.H., Bergesen R. H. and Kristiansen R. E. Hannover, TROLL: Tromsøer Studien zur Kulturwissenschaft. Vol. 14. Wehrhahn Verlag. 2016. pp. 153–171.
12. Hansen L. I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian–Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders / eds. Jackson T. and Nielsen J. P., Moskva: Languages of Slavonic Culture. 2005. pp. 40–61.
13. Казакова К. С. Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX — начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14.
14. Казакова К. С. Учитель и/или наставник: участие священников в деле народного просвещения на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 247–259.
15. Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 2–13. С. 23–30.
16. Кучинский М. Г. Саамы Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры. Kautokeino: Diedut, Sámi Allaskuvla. 2008. 310 с.
17. Кучинский М. Г. Социальная роль облагаемых угодий для саамы Кольского уезда в XVI–XVIII вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: 152–140. С. 2 № .2010. Гуманитарные исследования
18. Куропаткина О. В. Лестадиянство у саамов: влияние на самосознание и социальную позицию // Международный научный журнал «Вестник науки». 2018. № 8, Т. 4. С. 51–54.

19. Куропятник М. С. Современные транснациональные стратегии саамов Северной Европы // Скандинавские чтения 2002 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред.: А. А. Хлевов, Т. А. Шрадер; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 110–117.
20. Кожевникова Ю. Н. Церковное проповедничество в приходах Кольского благочиния в конце XVIII — начале XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 3, № 2. С. 55–61.
21. Никонов С. А. О начале христианизации саамов Кольского полуострова во второй четверти XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3. С. 60–69.
22. «We are united by Christ in his Church, not by your origin, culture or language». URL: <https://orthochristian.com/139709.html> (дата обращения: 12.12.2024).
23. Зайцев О. А. Лопарские приходы в церковно-приходской системе Кольского Севера конца XIX — начала XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. С. 154–166.
24. Давыдова А. С. Строительство православных храмов на Кольском Севере в кон. XX — нач. XXI вв.: представления и практики: дис. на соиск. уч. степ. кандидата исторических наук. Апатиты, 2016. 218 с.
25. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимодействия коми и саамов в кон. XIX — перв. четв. XX вв. // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар: 1976. С. 32–43.
26. Зайцев О. А. «Древнейшие верования» кольских саамов в работах советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 105–111.
27. Демкин А. Символика лапландского шаманского бубна петровского времени. СПб., 2009. 42 с.
28. Storm D. A. Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space, Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond // Finno-Ugrian Society. 2012. №265. pp. 263–283.
29. Rasmussen Siv. «Post-Reformation Religious Practices among the Sámi». The Protracted Reformation in the North: Vol. III from the Project «The Protracted Reformation in Northern Norway». Berlin, Boston: De Gruyter. 2020. pp. 265–285.
30. Мейнадер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: «Весь мир», 2016. 256 с.
31. Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 68–76.
32. Кучинский М. Г. Правовой статус кольских саамов: краткая история // Go Arctic. 2021. URL: <https://goarctic.ru/society/pravovoy-status-kolskikh-saamov-kratkaya-istoriya/> (дата обращения: 02.02.2023).
33. Орехова Е. А. Саамское население и колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — начале XX век // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2; Вып. 1. С. 250–258.
34. Кучинский М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114–128.
35. Филатов С. Б. Загадка уникального религиозного сознания саамов // Современная Европа. 2020. № 6. С. 163–173.

References

1. Kotlova E. S. *Hristianizaciya kak element etnicheskoy integracii saamov na Kol'skom poluostrove (Po materialam Arhangel'skih eparhial'nyh vedomostej)* [Christianization as an element of the ethnic integration of the Sami on the Kola Peninsula (Based on materials from the Arkhangelsk Diocesan Gazette)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2011, No 6, pp. 28–31. (In Russ.).
2. Allemann L. Soviet-time Indigenous displacement on the Kola Peninsula. *Routledge Handbook of Indigenous Peoples in the Arctic*, 2020, pp. 92–105.
3. Volkov N. N. *Rossijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and Ethnographic Essays]. SPb., Kautokeino, 1996, 109 p. (In Russ.).
4. Charnoluskij V. V. O kul'te Myandasha [About the cult of Myandash]. *Skandinavskij sbornik* [Scandinavian collection]. Tallin, Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1966, Issue 11, pp. 301–314. (In Russ.).
5. Zolotaryov D. A. *Kol'skie lopari: trudy Loparskoj Ekspedicii Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po antropologii loparej i velikorusov Kol'skogo poluostrova* [Kola Lapps: Works of the Lapp Expedition of the Russian Geographical Society on the anthropology of the Lapps and Great Russians of the Kola Peninsula]. L., Izd. Akademii nauk SSSR, 1928, 207 p. (In Russ.).
6. Andreev A. I. *Istoricheskie materialy o Kol'skom poluostrove, hranyashchiesya v Leningrade* [Historical materials about the Kola Peninsula stored in Leningrad]. *Sbornik materialov po istorii Kol'skogo poluostrova v XVI–XVII vv.* [Collection of materials on the history of the Kola Peninsula in the 16th–17th centuries]. L., 1930, pp. 3–19. (In Russ.).
7. Tokarev S. A. *Religiya loparej* [Religion of the Lapps]. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the history of peoples of the world]. M.: Politizdat, Izd. 3–e, ispr. i dop., 1976, pp. 179–180. (In Russ.).
8. Kiselev A. A., Kiseleva T. A. *Sovetskie saamy: istoriya, etnografiya, kul'tura* [Soviet Sami: history, ethnography, culture]. Murmansk, 1987, 208 p. (In Russ.).

9. Storm D. A. The Complex Religious Situation in Southern Troms in the First Half of the Eighteenth Century. The Protracted Reformation in Northern Norway, 2016, Vol. 2, pp. 173–203.
10. Rydving H. The End of Drum–Time. Religious Change among the Lule Saami, 1670s–1740s. Acta Universitatis Upsaliensis, historia Religionum, Uppsala, 1993, Vol.12.
11. Hansen L. I. Sámi Naming Customs in the Post–Reformation Period, The Protracted Reformation in Northern Norway, Wehrhahn Verlag, 2016, Vol. 2, Vol. 14, pp. 153–171.
12. Hansen L. I. The Overlapping Taxation areas of the North and the Nature of the Russian–Norwegian Border in Medieval and Early Modern times, Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders. Moskva: Languages of Slavonic Culture. 2005, pp. 40–61.
13. Kazakova K. S. *Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi i korennoho naseleniya severo-zapadnyh arkticheskikh territorij v dele narodnogo prosveshcheniya v konce XIX — nachale XX vekov* [The interaction of the Russian Orthodox Church and the indigenous population of the northwestern Arctic territories in public education in the late 19th — early 20th centuries]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2023, No 1, pp. 5–14. (In Russ.).
14. Kazakova K. S. *Uchitel' i/ili nastavnik: uchastie svyashchennikov v dele narodnogo prosveshcheniya na severnykh okrainah Rossijskoj imperii v konce XIX — nachale XX veka* [Teacher and/or mentor: the participation of priests in public education on the northern outskirts of the Russian Empire in the late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2024, No 3, pp. 247–259. (In Russ.).
15. Kazakova K. S. *Pervonachal'noe obuchenie detej korennoho naseleniya Kol'skogo Severa v konce XIX — nachale XX vv.* [Primary education of children of the indigenous population of the Kola North in the late 19th — early 20th centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center], 2018, Vol. 9, No 2–13, pp. 23–30. (In Russ.).
16. Kuchinskij M. G. *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vv. Model' social'noj struktury* [The Sami of the Kola District in the 16th–18th centuries. Model of social structure]. Kautokeino, Diedut, Sámi Allaskuvla, 2008, 310 p. (In Russ.).
17. Kuchinskij M. G. *Social'naya rol' oblagamyh ugodij dlya saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vv.* [The Social Role of Taxable Lands for the Sami of the Kola District in the 16th–18th Centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya «Gumanitarnye issledovaniya* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series "Humanitarian Research"], 2010, No 2, pp. 140–152. (In Russ.).
18. Kuropatkina O. V. *Lestadianstvo u saamov: vliyaniye na samosoznanie i social'nyu pozitsiyu* [Laestadianism among the Sami: influence on self-awareness and social position]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik nauki»* [International scientific journal "Bulletin of Science"], 2018, No 8, Vol. 4, pp. 51–54. (In Russ.).
19. Kuropatnik M. S. *Sovremennye transnacional'nye strategii saamov Severnoj Evropy* [Contemporary transnational strategies of the Northern European Sami]. *Skandinavskie chteniya 2002 goda: Etnograficheskie i kul'turno–istoricheskie aspekty* [Scandinavian readings 2002]. SPb, MAE RAN, 2003, pp. 110–117. (In Russ.).
20. Kozhevnikova U.N. *Cerkovnoe propovednichestvo v prihodah Kol'skogo blagochiniya v konce XVIII — nachale XIX veka* [Church Preaching in the Parishes of the Kola Deanery in the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i humanitarnye nauki* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2023, Vol. 3, No. 2, pp. 55–61. (In Russ.).
21. Nikonov S. A. *O nachale hristianizacii saamov Kol'skogo poluostrova vov vtoroj chetverti XVI v.* [On the beginning of the Christianization of the Sami of the Kola Peninsula in the second quarter of the 16th century] *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Issues of Medieval Studies], 2019, No 3, pp. 60–69. (In Russ.).
22. «We are united by Christ in his Church, not by your origin, culture or language». (In Eng.) Available at: <https://orthochristian.com/139709.html> (accessed 12.12.2024).
23. Zajcev O. A. *Loparskie prihody v cerkovno–prihodskoj sisteme Kol'skogo Severa konca XIX — nachala XX vekov* [Lappish parishes in the church-parish system of the Kola North in the late 19th — early 20th centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, Vol. 9, pp. 154–166. (In Russ.).
24. Davydova A. S. *Stroitel'stvo pravoslavnyh hramov na Kol'skom Severe v kon. XX — nach. XXI vv.: predstavleniya i praktiki* [Construction of Orthodox churches in the Kola North in the late 20th — early 21st centuries: ideas and practices]. Cand. Sci. (History) dis.]. Apatity, 2016, 218 p. (In Russ.).
25. Zherebcov L. N. *Istoriko-kul'turnye vzaimodejstviya komi i saamov v kon. XIX — perv. chetv. XX vv.* [Historical and cultural interactions between the Komi and the Sami in the late 19th — first quarter of the 20th centuries] *Etnografiya i fol'klor komi* [Ethnography and folklore of the Komi.]. Syktyvkar, 1976, pp. 32–43. (In Russ.).
26. Zajcev O. A. «Drevnejšie verovaniya» kol'skih saamov v rabotah sovetskih etnografov V. V. Charnoluskogo i N. N. Volkova ["The most ancient beliefs" of the Kola Sami in the works of Soviet ethnographers V. V. Charnolusky and N. N. Volkov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2020, Vol. 42, No 2, pp.105–111. (In Russ.).
27. Demkin A. *Simvolika laplandskogo shamanskogo bubna petrovskogo vremeni* [Symbolism of the Lapland shamanic drum of the Peter the Great era]. SPb. 2009. 42 p. (In Russ.).

28. Storm D. A. Network of Missionaries and the Establishment of Knowledge: Creating Space, Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond. *Finno-Ugrian Society*, 2012, No 265, pp. 263–283.
29. Rasmussen Siv. «Post-Reformation Religious Practices among the Sámi». *The Protracted Reformation in the North*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020, Vol. III from the Project «The Protracted Reformation in Northern Norway», pp. 265–285.
30. Mejnader H. *Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye moment* [The History of Finland: Lines, Structures, and Turning Points]. M., 2016, 256 p. (In Russ.)
31. Busyreva E. V. *Istoriya semej s finskimi korniyami v kontekste etnosocial'nyh processov (na primere Murmanskoy oblasti)* [The history of families with Finnish roots in the context of ethnosocial processes (using the Murmansk region as an example)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2016, Vol. 26, Issue 1, pp. 68–76. (In Russ.).
32. Kuchinskij M. G. *Pravovoj status kol'skih saamov: kratkaya istoriya//GoArctic* [The Legal Status of the Kola Sami: A Brief History]. *GoArctic* [GoArctic], 2021. (In Russ.) Available at: <https://goarctic.ru/society/pravovoy-status-kolskikh-saamov-kratkaya-istoriya/> (accessed 02.02.2023).
33. Orekhova E. A. *Saamskoe naselenie i kolonizaciya Murmanskogo berega Kol'skogo poluostrova vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka* [The Sami population and colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], 2008, Ser. 2, Issue 1, pp. 250–258. (In Russ.).
34. Kuchinskij M. G. *Saami Murmanskoy oblasti: ocherk sovremennogo polozheniya* [The Sami of the Murmansk Region: an outline of the current situation]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences.], 2011, No 6, pp. 114–128. (In Russ.).
35. Filatov S. B. *Zagadka unikal'nogo religioznogo soznaniya saamov* [The Mystery of the Unique Religious Consciousness of the Sami]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, No 6, pp. 163–173. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. И. Коровкин — научный сотрудник II категории отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики.

Information about the author

D. I. Korovkin — researcher of the II category of the Department of Ethnography of the North-West Russia and the Baltic.

Статья поступила в редакцию 20.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 20.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 93, 930
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004

РОЛЬ ОТХОЖИХ ПРОМЫСЛОВ БЕЛОМОРСКИХ КАРЕЛОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ирина Сергеевна Нестерова

Кафедра зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия, ines@petsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>

Аннотация

Статья посвящена изучению отхожих промыслов жителей Беломорской Карелии, которые получили развитие в поисках ими путей выживания в сложных природно-климатических условиях. Преимущественное значение в ряду отхожих промыслов для населения карельских волостей, прилегающих к Поморью, имело морское рыболовство на Мурмане и побережье Белого моря. Извозничество служило другим видом отходничества, являясь характерным для населения северных, западных и южных волостей Беломорской Карелии. Жители западных волостей, прежде всего Ухтинской и Вокнаволоцкой, в большей степени были ориентированы на ведение корабейнической торговли на территории Финляндии. При этом занятие извозом у населения этих регионов вполне можно считать механизмом корабейнической торговли. Исследование осуществлено на базе отечественных и зарубежных источников и исследовательской литературы, позволяющих сделать вывод о преобладающем значении отхожих промыслов в экономике региона. Земледелие имело второстепенное значение, являясь лишь дополнительным источником пропитания карельских семей.

Ключевые слова:

беломорские карелы, отхожие промыслы, морское рыболовство, извозничество, корабейническая торговля

Для цитирования:

Нестерова И. С. Роль отхожих промыслов беломорских карелов (вторая половина XIX — начало XX века) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 30–38. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004.

Original article

THE IMPORTANCE OF SEASONAL WORK OF THE WHITE SEA KARELIANS (THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Irina S. Nesterova

Department of Foreign History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, ines@petsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>

Abstract

The article is devoted to the study of the importance of seasonal work of the inhabitants of the White Sea Karelia, the search for ways of survival by the population of the region in difficult natural and climatic conditions. Marine fishing in Murmansk and the White Sea coast was of primary importance among the latrines for the population of Karelian volosts adjacent to Seaboards. Haulage served as another type of seasonal work, being characteristic of the population of the northern, western and southern volosts of the White Sea Karelia. The population of the western volosts, primarily Ukhta and Voknavolotsky, was more focused on peddling trade in Finland. At the same time, the occupation of haulage by the population of these regions, in our opinion, can be considered a mechanism of peddling trade. The study was carried out on the basis of domestic and foreign sources and research literature, which allow us to conclude about the predominant importance of latrines in the economy of the region. Agriculture was of secondary importance, being only an additional source of food for Karelian families.

Keywords:

White Sea Karelians, seasonal work, sea fishing, haulage, peddling trade

For citation:

Nesterova I. S. The role of seasonal work of the white sea karelians (the second half of the 19th — early 20th centuries) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 30–38. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.004.

В рамках нашего исследования рассматривается хозяйственная деятельность жителей территории так называемой Беломорской Карелии, включавшей в себя центральные и западные волости Кемского уезда. Преимущественное внимание уделяется изучению отхожих промыслов в Ухтинской и Вокнаволоцкой волостях. Хронологические рамки охватывают период второй половины XIX — начала XX века. Источниковой базой послужили неопубликованные документы, представленные делами фондов Национального архива Республики Карелия (город Петрозаводск) и фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Национального архива Финляндии (город Хельсинки).

Наибольший интерес среди отечественных архивных материалов по изучаемой теме представляют рапорты волостных старшин податному инспектору Кемского и Кольского уездов Архангельской губернии¹, представляющие сведения о занятиях жителей Кемского уезда. Важно отметить, что разносная торговля в Финляндии как главное занятие жителей в обеспечении продовольствием и уплате податей упоминается в рапортах только Вокнаволоцкого и Ухтинского волостных старшин. Ценнейшим источником о численности занятых коробейным промыслом жителей Вокнаволоцкой волости стала подворная перепись волости за 1884–1885 годы², содержащая данные о количестве крестьян, занимавшихся коробейнической торговлей, о числе паспортов, выданных на ведение промысла, и суммах заработка отходников. В фондах Канцелярии генерал-губернатора³ содержатся сведения об истории развития разносной торговли на территории Финляндии; о правилах и принципах ведения торговли, приводятся поименные списки карельских торговцев-разносчиков Архангельской и Олонецкой губерний.

По причине суровости климата Беломорской Карелии прожить одним земледелием было невозможно, крестьянское население было вынуждено искать дополнительные источники дохода. Разносная торговля в Финляндии стала основным отхожим промыслом для большинства карельских семей приграничных и центральных волостей Кемского уезда. Именно этот вид промысла определял ситуацию в экономике региона. Коробейническая торговля для жителей указанных регионов имела такое же значение, как и морские промыслы для населения территорий, прилегающих к Поморью.

Первые сведения о приграничной торговле карельских крестьян на территории соседней Финляндии появились в путевых заметках, письмах, воспоминаниях ученых и писателей, отправлявшихся в Беломорскую Карелию искать утраченные элементы архаики «Калевалы». Например, Э. Лённрот⁴, предпринявший несколько поездок в Беломорскую Карелию, считавший карелов потомками легендарных бьярмов, отрицательной чертой развития коробейничества считает отвлечение крестьян от занятия сельским хозяйством.

Из группы опубликованных источников наиболее ценными, на наш взгляд, являются работы Н. Голубцова⁵, Н. Камкина⁶ и П. П. Чубинского⁷. Широкое развитие отхожих промыслов, по мнению Н. Голубцова, приводило к сокращению размеров и запустению пахотных земель, что, в свою очередь, способствовало угасанию и без того слабо развитого в крае сельского хозяйства. Н. И. Камкин в качестве одной из причин развития отхожих промыслов беломорских карелов указывает на запрет подсечного земледелия. П. И. Чубинский подробно характеризует развитие промысловой деятельности населения, выделяя внутренние и внешние (отхожие) промыслы жителей карельских волостей. Следует отметить, что представленные работы насыщены статистическим материалом, позволяющим проанализировать определенные аспекты хозяйственной деятельности беломорских карелов.

Общая характеристика экономического положения волостей Кемского уезда представлена в коллективных исследованиях [1, 2] и публикациях отдельных авторов⁸, так или иначе касающихся изучения промысловой деятельности населения Беломорской Карелии. Именно слабо развитое земледелие и скотоводство волостей Беломорской Карелии обуславливало необходимость поиска дополнительных путей заработка. Преимущественное значение получило сезонное отходничество.

Специального, комплексного исследования, посвященного отхожим промыслам беломорских карелов, в настоящее время не имеется. Обзору промыслов населения Беломорской Карелии посвящена статья И. П. Шаскольского [3], хронологические рамки которой охватывают период XVIII века. Среди исследований, посвященных изучению отдельных видов промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии, следует выделить статьи Н. А. Кораблева, одна из которых посвящена

развитию рыболовного промысла в Карелии во второй половине XIX века [4]. Автор подробно рассматривает трансформацию промысловой деятельности в рамках морского рыболовства, касаясь вопроса изменения условий труда отходников. История развития приграничной торговли на территории соседней Финляндии также стала предметом отдельных исследований автора⁹. Помимо этого, необходимо отметить статью Н. А. Кораблева, вышедшую на финском языке и посвященную хозяйственной деятельности беломорских крестьян в пореформенный период [5]. Основное внимание в ней уделяется изучению приграничных отношений населения Олонецкой губернии и Великого княжества Финляндского. Извоз как промысловое занятие беломорских карелов пока не стал объектом исследования историков, упоминания об этом виде промысла представлены весьма фрагментарно. Извозничество обычно перечисляется в ряду прочих отхожих крестьянских промыслов. Нам представляется весьма вероятным рассмотрение извозного промысла крестьян Беломорской Карелии в направлении Финляндии как механизма корабейнической торговли.

Диссертация Д. В. Базегского¹⁰ посвящена изучению характера и динамики основных форм экономических связей Беломорской Карелии и Северной Финляндии. Наряду с анализом безвозвратной миграции, автор определяет корабейничество как сезонную миграцию карельского населения. Статья, опубликованная автором на финском языке, посвящена развитию торговых отношений приграничного населения России и Финляндии¹¹.

Зарубежные исследователи¹² называют причиной отходничества карельского населения для ведения корабейнической торговли на территории Финляндии слабое развитие сельского хозяйства, обуславливающее необходимость поиска дополнительного заработка на стороне. Особенно хотелось бы выделить исследования Т. Хямюнена, посвященные судьбам карельских корабейников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей [6]¹³.

Исследованиями, специально посвященными теме корабейной торговли на территории соседней Финляндии, являются монографии финских авторов М. Наакка-Корхонена [7] и П. Невалайнена [8]. К настоящему моменту это единственные работы, в которых интересующая нас тема рассмотрена в наиболее полном объеме. Наряду с анализом промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии, в них изучаются вопросы организации, правил и традиций торговли карельских корабейников, пути и маршруты передвижения торговцев, отношение к ним финского населения.

Беломорская Карелия представляла собой глухой, изолированный край, лишенный дорожного сообщения. Летом передвижение было возможно пешком сквозь глухие леса по тропинкам, заросшим толстыми корнями, или по тонким жердям, затонувшим в топких болотах. Передвижение верхом затруднялось наличием множества речек и ручьев с парой переброшенных бревен, заменяющих мосты. Главной водной магистралью была река Кемь, ее притоки и система озер Куйтто. Зимой обычным способом передвижения служили лыжи. От Вокнаволока до первого населенного пункта в Финляндии — Раатэ — в начале XX века существовала выселочная¹⁴ дорога, пролегающая по озерам, болотам и лесам, на финской стороне переходящая в шоссе, ведущее вглубь края. В летнее время сообщение по этой дороге было развито слабо. Ситуация менялась с наступлением зимы. Установление санного пути делало этот маршрут востребованным. Крестьяне Ухтинской, Вокнаволоцкой, Кондожской волостей отправлялись на сопредельную территорию за покупкой муки, соли, пшена, чая, сахара, кофе, спичек, сельскохозяйственной продукции. Для продажи везли с собой рыбу, мясо, шкуры, дичь¹⁵.

В Беломорской Карелии земледелие никогда не составляло основу экономического благосостояния населения. По причине суровости климата оно было развито крайне слабо и имело скорее второстепенное значение, являясь своего рода подспорьем отхожим промыслам. В урожайные годы своего хлеба жителям Беломорской Карелии хватало на 3–4 месяца в году, а нередко население довольствовалось им лишь 1,5–2,5 месяца¹⁶. Даже в начале XX столетия степень развития земледелия оставалась крайне слабой. Дефицитность сельского хозяйства в Архангельской губернии составляла почти четверть от необходимого количества хлеба на душу населения. Из необходимых 18 пудов показатель по урожайности составлял всего 4,7 пуда¹⁷.

Хлебопашество для архангельских карелов являлось возможным лишь в силу применения подсечной (нивной) системы земледелия. Нивы устраивались в лесу на высоком месте, обращенном

к югу, защищенном от холодных ветров и удаленном от болот. Как правило, подсеки разрабатывались артельно, товариществами по два-три дома, с разделением урожая в соответствии с числом рабочих и количеством семян от каждого дома. Однако возделывание земли при так называемом нивном хозяйстве было делом весьма трудозатратным. Для посева каждый раз выбиралось новое место, поросшее смешанным, преимущественно лиственным (осина, береза, ольха), редколесьем, обработка которого затягивалась на три летних сезона, хлеб собирали лишь на четвертый год. Землю не пахали, сеяли рожь и бороновали. Ниву использовали только один раз, на второй год хлеб на ней не родился. На старые подсечные места возвращались через 15–20–30-летний период времени¹⁸.

К 70-м годам XIX века древесина стала важным источником экспорта, в результате чего правительство запретило использование системы подсечно-огневого земледелия. В особом положении оказались лишь крестьяне Кемского уезда, которым в виду малоземелья (на двор приходилось не более четырех десятин сельхозугодий), разрешались расчистки под постоянную пашню и сенокос в размере 15 десятин на душу с правом пользования без уплаты оброка в течение 40 лет. Однако население уезда практически не пользовалось предоставленной льготой в связи с ограниченностью рабочих рук, нехваткой удобрений, отсутствием удобных мест под расчистки вблизи мест проживания, а также ограничительным сроком использования. К началу XX века размер полевых угодий крестьянских дворов в Кемском уезде составлял в среднем 5 десятин наделных угодий и 0,5 десятины расчистки [1: 101]. На подсеках сеяли исключительно рожь, на полях преимущественно ячмень и овес. Из овощей выращивали брюкву, лук, репу и картофель. Неплохим подспорьем для карельских семей, особенно в неурожайные годы, служили дары леса: ягоды (брусника, вороника, незначительное количество черники, а в урожайные годы собирали морошку) и грибы (волнухи и грузди)¹⁹.

Помимо природно-климатических условий, на урожайность влияли другие факторы. Плохая обработка земли была связана, с одной стороны, с малочисленностью скота в крестьянских хозяйствах, с другой стороны, с отсутствием рабочих рук, связанным с широким участием мужского населения в отхожих промыслах. Летом полторы-две сотни карельских крестьян нанимались к богатым поморам на сенокос, получая за свои труды от 5 до 10 рублей на человека. Мужчины, побывавшие в Финляндии в качестве торговцев-коробейников, почти отвыкли от трудной физической работы. Те, кому в торговле не повезло, были вынуждены заниматься ведением хозяйства. Работа шла с неохотой, что сказывалось на качестве обработки почвы и на получение урожая²⁰.

Скотоводство также было развито слабо. Даже самые зажиточные карелы имели в своем распоряжении 4–5 коров, десятков овец и 1–2 лошади. У бедного населения Кемского уезда 1 корова приходилась на пятерых, одна овца — на трех, одна лошадь — на 15 жителей²¹. Неудовлетворительное состояние лугов и в целом недостаток сенокосов, поскольку более 90 % их приходилось на низкокачественные, заболоченные и лесные места [2: 262], сказывались на питании скота. Сеном кормили только лошадей. Коровам и овцам в корм шла солома, осока и пойло из березовых и ивовых листьев, различных трав, квашеных грибов и рыбных костей²². Помимо нехватки лугов, причиной недостатка сена являлись отлучки местного населения на промыслы, главным образом, на морские, приходящиеся как раз на период заготовки сена [3: 65].

Малочисленность домашнего скота вызывала отсутствие производства органических удобрений, которые можно было бы использовать для подкормки пашенной земли. Недостаток сенокосов, сказывавшийся на питании скота, в свою очередь, влиял на производство молочной продукции, которая могла бы стать прочным подспорьем в хозяйстве беломорских крестьян, особенно в неурожайные, голодные годы. Однако чаще всего домашний скот использовался в качестве обеспечения хозяйства тягловой силой и не рассматривался как источник получения дополнительного питания.

Домашней промышленностью карельское население занималось мало. Традиционным было плетение рыболовных снастей и изготовление туесков, предназначенных для сбора даров леса. Имеющиеся источники свидетельствуют, что выделка сукна из овечьей шерсти, выделывание кожи и овчины, ткачество не имели характера промыслов, а служили удовлетворению домашних нужд. В связи с введением пошлины на дрова потерял свою силу некогда значительно развитый в Беломорской Карелии кузнечный промысел. К концу XIX столетия им занимались лишь несколько человек в селе Маслозеро²³.

Среди основных подсобных промыслов беломорских карелов следует выделить рыболовство и лесную охоту. Рыболовством занимались круглый год, однако промысловое значение имели только весна и осень. Рыбы, выловленной весной, хватало на прокорм в течение всего лета, а осенний улов частью заготавливался на зиму в соленом и сушеном виде, а частью предназначался к продаже. Лов рыбы, в силу дороговизны неводов, стоимость которых составляла от 60 до 100 рублей, часто осуществлялся совместно двумя, а иногда и тремя-четырьмя, соседними домами. Неводы закидывались один за другим по очереди, выловленную рыбу делили между собой поровну, даже если в каком-либо неводе улова не оказывалось совсем. Принцип общинности признавался за закон²⁴.

Промысел лесной охоты в центральных волостях Беломорской Карелии не имел решающего значения. В рапорте вокнаволоцкого волостного старшины содержится прямое на это указание — лесной промысел птицы и зверей не имел «никакого значения для существования»²⁵. Лесным промыслом занимались преимущественно жители Кестенгской и Юшкозерской волостей Кемского уезда. Ограничительный характер промысла был связан с необходимостью наличия ружья, поскольку применение петель, силков и сетей было строго воспрещено.

Таким образом, существовать за счет рыболовства и охоты при слаборазвитом сельском хозяйстве жители карельских волостей просто не могли, они были вынуждены искать источники дохода за пределами мест своего проживания. Главными отхожими промыслами беломорских карелов стали рыбные промыслы на Мурмане и на побережье Белого моря, извозный промысел и корабельническая торговля — на территории соседней Финляндии.

Для населения карельских волостей Беломорской Карелии, прилегающих к Поморью, самым популярным был отход на рыбные промыслы побережья Белого моря. «С окрестностей Кемь, с. Сумы... едут люди — так называемые мурманские — в Кандалакшу и оттуда к Ледовитому океану на рыбную ловлю... рыбак за лето может заработать 100–200 рублей и даже больше»²⁶. Во второй половине XIX века в ловле рыбы на Мурмане были задействованы от 500 до 2.500 карельских крестьян. Если в начале пореформенного периода преобладала внутрисемейная или межсемейная кооперация (артели), то на рубеже XIX–XX столетий преобладающей формой организации труда стал наем рабочих с повременной оплатой труда. Промышленники собирались к морю в марте. На промысел, наряду со взрослыми мужчинами, отправлялись мальчики 7–15 лет. На берегу устраивались становища — небольшие жилые избы — темные, тесные и сырые помещения, а также амбары для соления и хранения рыбы. Промысел производился артелями под главенством богатого помора — владельца судна и рыболовных снастей; 2/3 улова получал хозяин и 1/3 — работник. На Мурманском берегу в огромном количестве ловили треску, палтус, сайду, пикшу и камбалу. Основную часть выловленной рыбы у промышленников приобретали скупщики, которые перепродавали ее торговым дельцам, приезжавшим из Олонецкой и Вологодской губерний, либо самостоятельно вывозили в Архангельск, Петербург, Москву или на Шуньгскую ярмарку Олонецкой губернии, продавая ее со значительной для себя выгодой [4: 133–136].

Крестьяне целого ряда карельских волостей Кемского уезда занимались извозом. Жители северо-восточных карельских волостей (Кестенгской, Вычатайбольской) привозили хлеб для местной продажи в казенных магазинах из Поморья. В обратном направлении, на оленях, осуществлялась перевозка промышленников, отправлявшихся на Мурманский берег. Население пограничных с Олонецкой губернией волостей, а также жители Карельского перешейка преимущественно занимались извозом и отходничеством в столичный город Петербург. Крестьяне южных волостей — Тунгудской и Юшкозерской — занимались доставкой в Олонецкую губернию, прежде всего на Шуньгскую ярмарку и обратно, товаров местных богачей: рыбы, птицы, пушного товара, льна, пеньки, мыла и прочего. Жители западных, приграничных с Финляндией регионов — Вокнаволоцкой, Ухтинской волостей — в зимнее время занимались извозным промыслом, доставляя продукцию на ярмарки в финские города — Куопио, Торнио и Каяни. За зиму сумма дохода извозчика достигала 15–24 рублей на человека²⁷. На наш взгляд, доставку товаров на ярмарочные торги в Финляндию жителями Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей вполне можно рассматривать как механизм корабельничества. Известно, что наиболее состоятельные торговцы использовали для доставки товаров на сопредельную

территорию лошадь и сани или обоз, что позволяло увеличить ассортимент предлагаемых к продаже товаров, а также способствовало расширению географии ведения торговли.

По мнению ряда исследователей, в конце XIX века побочные заработки приносили беломорским карелам около 70–80 % всех доходов [5: 69; 6: 99]. В ходе изучения материалов, относящихся к началу XX века, мы пришли к выводу, что средняя доходность отхожих промыслов составляла примерно 60–70 %. Доход от земледелия населения карельских волостей Кемского уезда в этот период составлял 231.025 рублей (34 %), тогда как побочные заработки (внутренние и отхожие промыслы) достигали 452.956 рублей (66 %)²⁸. Преобладание промысловой деятельности определяло профиль экономики региона. Занятие отхожими промыслами приносило более стабильный, в сравнении с земледелием, доход.

Для жителей центральных волостей Кемского уезда — Ухтинской и Вокнаволоцкой — основным видом промысла в приграничье, единственным источником дохода и решающим фактором развития экономики региона являлась коробейническая торговля в Финляндии²⁹. Торговля велась на всей территории Финляндии: на юге края ее развитие было обусловлено более высоким уровнем зажиточности и плотности населения. Основными же районами торговли были Вазаская, Абоская, Санкт-Михельская губернии на севере и в центральной части страны, напротив, с менее плотной заселенностью территорий и часто отдаленностью от мест ведения стационарной торговли. Общей чертой, характерной для территории всего края, служила неразвитость сельской торговой сети. В середине XIX века крестьяне одного только Кемского уезда ежегодно от продажи товаров выручали до 20.000 рублей [9: 84]. Согласно подворной переписи Вокнаволоцкого волостного правления за 1884–1885 годы доход от разносной торговли составлял от 25 до 150 рублей на двор в зависимости от количества промысловиков³⁰. Ассортимент предлагаемых коробейниками товаров был достаточно широким. Преимущественное значение имели товары для женщин: кружева и ленты, иглы, пуговицы, наперстки, крючки для вязания, нитки и ножницы; для мужчин предлагались рыболовные крючки, курительные трубки и табак. Главную статью продаж в Финляндии составляли ткани.

Процветанию коробейничества способствовало отсутствие таможенной охраны на границе. Таможни располагались лишь на берегу Белого моря и Ботнического залива. Вся пограничная территория представляла собой открытую возможность для ведения контрабандной торговли³¹. Этническая и языковая близость также способствовали развитию промысла. Те, кто ходили в Финляндию, финский язык знали «не хуже своего»³².

Немаловажной причиной коробейничества можно считать силу традиции промысла, передаваемого из поколения в поколение. Обучать мальчиков коробейничеству начинали с 14–15-, а иногда и 12-летнего возраста. Период обучения составлял один-два торговых цикла. Участие мальчиков в торговле в разное время вместе с отцом, дядей или братом способствовало знакомству с профессией коробейника, маршрутами передвижения и местами отдыха. Главное, чему должен был научиться юный торговец — уметь представить товар, вести торг и отмерять ткань.

С изданием в 1859 году указа, разрешившего финским гражданам благонадежного поведения основание лавок в сельской местности, карельские коробейники оказались в ситуации конкуренции. Однако они сумели использовать изменившуюся ситуацию в своих интересах, став разносчиками товаров городских и сельских купцов края³³. Это обстоятельство можно считать специфической чертой разносной торговли второй половины XIX столетия. Преимущественным способом ведения торговой деятельности в первой половине века была доставка товаров для продажи с территории России.

Коробейниками были мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Торговать отправлялись осенью, когда сельскохозяйственные работы были завершены. Коробейники каждой местности группами начинали путь на веслах по озерам и порогам рек, пешком по дремучим лесам. Финляндия была разделена на торговые округа. У каждой карельской деревни была своя собственная торговая территория и свой маршрут. Сын часто наследовал торговый путь своего отца, который затем мог передаваться из поколения в поколение. Каждый из приходов своего маршрута коробейник посещал обычно 3 раза за год. Весенний цикл использовался для получения долгов, образовавшихся у местных жителей за осенний и зимний период. Для торговца-разносчика наиболее желательной была сделка за наличные деньги, однако особенно в отдаленных местностях, наличные были редкостью, чаще всего практиковалась меновая торговля. Свой товар коробейники меняли главным образом на шкурки лесных зверей — белок, горностаев, лисиц. Иногда карельские торговцы вели торговлю в долг. Но делали они это только в том случае, если хорошо знали своих клиентов [8: 186].

Сельское хозяйство не стало ведущей отраслью Беломорской Карелии, оно имело второстепенное значение в экономической жизни региона. Суровый климат не способствовал развитию земледелия, недостаток лугов отразился на слабом развитии скотоводства. Отсутствие крупных промышленных и торговых центров, малопродуктивность внутренних промыслов, а порой полное их отсутствие, обуславливали необходимость поиска путей дополнительных заработков. Территориально-климатические условия предопределили промысловый профиль экономического развития Беломорской Карелии. Определяющей в контексте хозяйственного уклада жителей карельских волостей стала стратегия выживания в процессе приспособления к окружающим условиям жизни. Инструментами выживания в данном случае служили отхожие промыслы, оказавшие свое влияние в том числе на мировоззрение и культурные традиции карельских крестьян.

Список сокращений

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии (город Хельсинки))

ККК — Kenraalikuvernöörinkanslia (Канцелярия генерал-губернатора)

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Примечания

¹ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41.

² НА РК. Ф. 665. Оп. 2. Д. 1/1.

³ КА. ККК. Fa 92, 130, 224, 422, 797, 1093, 1178, 1411... etc.; Fb 6, 40, 46, 47, 87, 305, 788... etc.; Hd 8.

⁴ Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 гг. Петрозаводск, 1985. 318 с.

⁵ Голубцов Н. Кемский уезд // Памятная книжка. Архангельская губерния на 1912 г. Архангельск, 1913. С. 92–132.

⁶ Камкин Н. 1) Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. Ежемесячный исторический журнал. 1880. XVI, 2. С. 293–296; 2) Из Кемского уезда // Труды императорского вольного экономического общества. 1875. Т. 3. С. 446–553.

⁷ Чубинский П. П. Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 65–134.

⁸ Нефёдова Г. А. Краткая характеристика сельского хозяйства и расслоения карельской деревни во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. VII. Вып. 1. Петрозаводск, 1958. С. 27–40; Тароева Р. Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX — начало XX вв.) // Труды Карельского филиала академии наук СССР. 1959. Вып. XXII. С. 39–51; Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX — начале XX в. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, 1989. 24 с.; Кораблёв Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 51–60.

⁹ Кораблёв Н. А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 62–68; Кораблёв Н. А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Петрозаводск, 2003. С. 24–31.

¹⁰ Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX — начале XX в. Диссертация. Петрозаводск, 1998. 173 с.

¹¹ Bazegski D. Vienan karjalaisten laukkukauppa Venäjän ja Suomen kauppasuhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 77–89.

¹² Heinänen H. Laukkukauppaa Kainuun rajaseutukunnissa 1880–1918 // Scripta historica XXVII. Rohkea, reima ja horjumaton. Oulu, 1998. S. 173–186; Heinänen H. Kainuun laukkukauppaa autonomian ajan lopulla // Rihma — aineksia. Kajaani, 1999. S. 13–18; Heinänen H. Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla // Karjalan heimo. 2002. № 5–6. S. 71–73; Hämynen T. Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen mailmansotaan / Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 153–206; Nuutinen H. Maakauppias. 1907–1920. Tampere, 1966. 280 s.; Ranta R. Vienan ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina // Rajamailta III. Vammala, 1997. S. 125–152; Rytölä H. Karjala Kainuussa. Rajakyläiden vaiheita 1700-luvun lopulta 1920-luvulle. Jyväskylä, 2005. 416 s.; Ranta R. Vienan kauppayhteydet Suomeen/karjalan heimo. 1994. № 5–6. S. 90–92; Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa // Karjalan heimo. 2004. № 5–6. S. 76–82; Vuoristo S. Vienan ja Aunuksen miehiä kauppiaina Keski-Suomess // Karjalan heimo. 1990. № 3–4. S. 36–40.

¹³ Hämynen T. Raja ei erottanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 55–74.

¹⁴ Выселочные дороги соединяли самые глухие места Карелии, находящиеся вне трактов и проселочных дорог. Особенностью таких дорог являлось то, что они не сразу были заметны глазу. В особенности, передвигаясь по болотам, путнику приходилось ориентироваться по солнцу, а в случае его отсутствия — по деревьям, располагавшим более густые ветви в южном направлении.

¹⁶ Бубновский М. Пути сообщения в Архангельской Карелии. Петрозаводск, 1917. С. 19.

¹⁷ ККК. Fa 1798/15V. S. 37–38.

¹⁸ Петров М. Общий взгляд на кустарную промышленность Русского Севера // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. №14. 15 июля. С. 629.

¹⁹ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 297–299; Н. К. Из Кемского уезда // Труды императорского вольного экономического общества. 1875. Т. 3. С. 451.

²⁰ Чубинский П. П. Указ. соч. С. 77–78.

²¹ Б-ков М. О Карелии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1913. № 3. 1 февраля. С. 108; Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 4. С. 653.

²² Н. К. Указ. соч. С. 447.

²³ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 300–301.

²⁴ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 74 об.

²⁵ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 2. С. 303–305.

²⁶ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41. Л. 41.

²⁷ Путешествия Элиаса Лённрота... С. 197–198.

²⁸ Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. XVI, 4. С. 652–653.

²⁹ Посчитано по: Голубцов Н. Указ. соч. С. 125.

³⁰ Посчитано по: Чубинский П. П. Указ. соч. С. 86–87, 90, 93–94; Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 36; Голубцов Н. Указ. соч. С. 125.

³¹ НА РК. Ф. 665. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 2–10 об.

³² КА. ККК. Fb 788/7–13.

³³ Бубновский М. И. Контур Архангельской губернии. Архангельск, 1914. С. 30.

³⁴ КА. ККК. Fa 1791/IVb.

Список источников

1. Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю. История экономики Карелии. Книга 1. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. С. 192 с.
2. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 944 с.
3. Шаскольский И. П. Промыслы Беломорской Карелии в XVIII в. // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвузовский сб. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1997. С. 65–73.
4. Кораблев Н. А. Морское рыболовство Карелии во второй половине XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 132–136.
5. Korablev N. Vienan Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 91–102.
6. Hämynen T. Rajako railona aukeaa? // Karjalan heimo. 1997. № 5–6. S. 69–71.
7. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: Suomal. kirjall. seura, 1988. 294 s.
8. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika, 2016. 294 s.
9. Heikkinen A. Raja railoutuu. Vienan laukkukaupan kriisi 1830-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden riikin riitamaalla. Tampere, 1994. S. 77–87.

References

1. Badanov V. G., Korablev N. A., Zhukov A. Yu. *Istoriya e'konomiki Karelii. Kniga 1. E'konomika Karelii so vremeni vxozhdeniya kraya v sostav edinogo Russkogo gosudarstva do Fevral'skoj revolyucii. Konec XV-nachalo XX vekov* [History of the Economy of Karelia. Book 1. The Economy of Karelia from the Time of the Region's Incorporation into the Unified Russian State to the February Revolution. Late 15th–Early 20th Centuries]. Petrozavodsk, PetroPress, 2005, 192 p.
2. *Istoriya Karelii s drevnejshix vremyon do nashix dne j* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk, Periodika, 2001, 944 p.
3. Shaskol'skij I. P. *Promy'sly' Belomorskoj Karelii v XVIII v.* [Crafts of White Sea Karelia in the 18th century]. *Istoricheskaya e'tnografiya: Russkij Sever i Ingermanlandiya: Mezhvuzovskij sbornik* [Historical Ethnography: Russian North and Ingria: Interuniversity Collection]. SPb., 1997. pp. 65–73.
4. Korablev N. A. *Morskoe ry'bоловство Karelii vo vtoroj polovine XIX v.* [Marine fisheries of Karelia in the second half of the 19th century]. *Voprosy' istorii Evropejskogo Severa* [Questions of the history of the European North]. Petrozavodsk, 1980, pp. 132–136.
5. Korablev N. Vienan Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla. Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997, pp. 91–102.
6. Hämynen T. Rajako railona aukeaa? Karjalan heimo, 1997, no. 5–6, s. 69–71.
7. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki, Suomal. kirjall. seura, 1988, 294 s.
8. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki; Riika, 2016, 294 s.
9. Heikkinen A. Raja railoutuu. Vienan laukkukaupan kriisi 1830-luvulla. Kahden Karjalan välillä. Kahden riikin riitamaalla. Tampere, 1994, pp. 77–87.

Информация об авторе

И. С. Нестерова — старший преподаватель.

Information about the author

I. S. Nesterova — Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 06.08.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 06.08.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 314.9(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.005

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ХИБИНОГОРСКА ПО МАТЕРИАЛАМ ЛОКАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ 1931 ГОДА

Светлана Миназемовна Салимова

Государственный архив Мурманской области в городе Кировск, Россия, svetlanasalimova@inbox.ru

Аннотация

Статья рассматривает материалы переписи населения, проходившей в городе Хибиногорске Кольско-Лопарского района Мурманского округа Ленинградской области в октябре 1931 года, в качестве исторического источника для изучения структуры населения. Материалы переписи находятся на хранении в Государственном архиве Мурманской области в городе Кировске. В статье проанализированы результаты локальной переписи населения, раскрыты цели и обстоятельства ее проведения. Эта перепись имеет большой информационный потенциал, так как содержит уникальные сведения для изучения структуры населения города в первые годы его существования.

Ключевые слова:

перепись населения, статистические сведения, численность населения, социальные категории, половозрастной и национальный состав населения

Для цитирования:

Салимова С. М. Структура населения города Хибиногорска по материалам локальной переписи 1931 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 39–46. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.005.

Original article

POPULATION STRUCTURE OF THE TOWN OF Khibinogorsk BASED ON THE MATERIALS OF THE 1931 LOCAL CENSUS

Svetlana M. Salimova

State Archive of the Murmansk Region in the town of Kirovsk, Kirovsk, Russia, svetlanasalimova@inbox.ru

Abstract

The article examines the materials of the population census that took place in the town of Khibinogorsk, Kolsko-Loparsky District, Murmansk Okrug, Leningrad Region in October of 1931, as a historical source for studying the population structure. The census materials are stored in the State Archive of the Murmansk Region in the town of Kirovsk. The article analyzes the results of the local census, reveals the goals of the census, the circumstances of its implementation. This census has great information potential, as it contains unique data for studying the structure of the city's population in the first years of its existence.

Keywords:

population census, statistical data, population size, social categories, age, gender and national composition of the population

For citation:

Salimova S. M. Population structure of the town of Khibinogorsk based on the materials of the 1931 local census // Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural and human sciences. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 39–46. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.005.

В истории СССР 1930-е годы занимают особое место. Это был важный и одновременно сложный период, когда в стране осуществлялись ускоренная индустриализация и насильственная коллективизация. В ходе этих процессов происходили массовая миграция населения, чаще всего принудительная, кардинальные изменения в составе населения и появление новых городов.

Одним из многочисленных городов, появившихся на карте страны в годы первых пятилеток, был город Хибиногорск (с декабря 1934 — Кировск). Освоение Хибин, создание апатитовой промышленности, строительство города на базе вновь созданной промышленности прочно вошли в историю индустриализации страны.

Кировску посвящено немало книг, статей, монографий. История геологоразведочных исследований, становление апатитовой промышленности, строительство города являются достаточно изученными. История же городского населения не получила должного внимания исследователей, хотя она является достаточно

интересной. Возникший в 1931 году город Хибиногорск стал местом, где не по своей воле оказались тысячи людей — жертвы раскулачивания. В то же время здесь были люди, призванные коммунистической партией для решения грандиозных задач по строительству в необжитой тундре промышленного центра.

Виктор Яковлевич Шашков в книге «Спецпереселенцы в истории Мурманской области» [1] рассматривает спецпереселенцев в Хибинах, которые составляли лишь часть городского населения, хотя и самую значительную. Статистические сведения об учете спецпереселенцев даны в указанном издании только с 1935 года.

Основным источником при изучении истории населения, демографических процессов являются переписи населения — всесоюзные, всероссийские и локальные. Предметом нашего исследования стала первая перепись населения, проходившая в 1931 году, которая не попадала в поле зрения исследователей и не являлась предметом специального анализа.

Нами были изучены документы архивных фондов государственных архивов Мурманской области: исполнительного комитета Мурманского окружного Совета рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов, плановой комиссии Мурманского окружного исполнительного комитета, исполнительного комитета Кировского городского Совета народных депутатов, Кировского городского отдела государственной статистики Мурманской области, производственного объединения «Апатит». Материалы региональной газеты «Хибиногорский рабочий» также послужили ценным источником информации.

В совокупности эти архивные документы представляют достаточную картину обстоятельств проведения и результатов локальной переписи населения в Хибиногорске в октябре 1931 года.

Материалы переписи оформлены в виде «Сборника таблиц по местной переписи населения г. Хибиногорска и его окрестностей». Данное архивное дело представлено в двух экземплярах, один из которых отложился в фонде производственного объединения «Апатит», а второй — в фонде отдела сводных статистических работ в городе Кировске Мурманской области¹. К сожалению, первичные материалы, то есть заполненные переписные листы, не сохранились, так же, как и инструкции по составлению и заполнению переписных карточек и сводных форм.

Предваряет Сборник объяснительная записка, составленная техническим руководителем переписи, фамилию которого назвать не можем, так как подпись в документе дана без расшифровки.

16 октября 1931 года Малый Президиум Хибиногорского городского Совета постановил провести 25 октября перепись населения. Этот день объявлялся выходным для всех предприятий и учреждений². Для организации и проведения переписи данным постановлением был сформирован штаб, в состав которого вошли представители от ОГПУ, горкома ВКП(б), милиции, а возглавил его зам. Председателя горсовета.

Горсовет рекомендовал привлечь к проведению переписи только вольнонаемных служащих, педагогов и средний медперсонал, утверждались расценки за выполненную работу: так, за заполнение личной карточки предлагалось платить 8 копеек, а семейной — 5 копеек. Этим же решением была утверждена смета расходов на сумму 12 тысяч рублей. В тресте «Апатит» по этому случаю был издан специальный приказ³.

Чем было вызвано проведение переписи? Каковы были ее цели? Вот как на этот вопрос отвечали авторы статьи в газете «Хибиногорский рабочий» от 21 октября 1931 года: «Вырос и бурно развивается Хибиногорск. Растут расположенные вокруг него поселки. Высокие темпы развития нашей новостройки, огромное увеличение числа жителей ставят перед хибиногорскими организациями ответственнейшую и сложнейшую задачу по наиболее полному обслуживанию населения... Но для того, чтобы конкретно знать в каких цифрах выразится потребность во всех этих мероприятиях необходимо точно знать сколько же людей нужно будет обслужить. У нас в новом городе численность населения неизвестна. А выяснение точного числа жителей Хибиногорска и всех его окрестностей является необходимым условием для планирования и проведения в жизнь всех мероприятий по коммунально-жилищному и социально-культурному строительству»⁴.

Итак, проведение переписи было вызвано потребностью местных властей в достоверных сведениях о численности и составе населения молодого города, возникшего на базе апатитовых разработок.

Общее руководство проведением переписи осуществляла плановая комиссия Мурманского окружного исполнительного комитета. При плановой комиссии в июле 1931 года был создан сектор народно-хозяйственного учета, в обязанности которого входила в том числе и работа по учету населения. Большую помощь

в организации, проведении, составлении итоговых таблиц переписи оказал Алымов Василий Кондратьевич, занимавший с 1930 года должность старшего экономиста окружной плановой комиссии. В объяснительной записке к Сборнику указано, что в основу составления таблиц легли личные инструктивные указания Василия Кондратьевича.

22 октября 1931 года, накануне проведения местной переписи, в Хибиногорский горисполком пришло письмо Мурманской окружной плановой комиссии⁵, которая рекомендовала провести перепись в виде административного учета населения. Для образца направлялся примерный опросник и сообщалось, что для руководства переписью в Хибиногорск выедет ответственный представитель из сектора учета окрплана. При этом организаторы переписи в Хибиногорске были вправе добавить к переписным листам все, что считают нужным, не перегружая при этом переписные листы большим числом вопросов. Сравнительный анализ вопросов, предложенных окрпланом, и таблиц переписи дает основания утверждать, что никаких дополнительных вопросов в переписные листы добавлено не было.

Для проведения переписи горкомом ВКП(б) и горкомом ВЛКСМ были выделены специальные люди, так называемые переписчики. Всего их было 55 человек, городская газета в статье «Мобилизуются на проведение переписи» опубликовала их фамилии⁶. Среди них известные в истории города люди, к примеру, Решетов Александр Ефимович, первый поэт, прибывший на хибинскую стройку, или Китов Георгий Андреевич, заведующий школой ФЗУ и первый директор горно-химического техникума.

В целях успешного проведения переписи она освещалась в местной региональной газете «Хибиногорский рабочий», где разъяснялось ее значение для развития города.

Несмотря на большие трудности, выразившиеся в низком уровне грамотности переписчиков, в отсутствии специально приспособленного помещения, отсутствии перед началом обработки утвержденных форм сводок и инструкций по их заполнению, перепись прошла без происшествий. Работа по систематизации и обработке материалов переписи заняла 22 рабочих дня вместо предполагавшихся 28 дней и при меньшем количестве работников, занятых обработкой и систематизацией переписных карточек, — 13 человек вместо 30, как предполагалось по смете⁷. Таким образом, организаторы переписи очень постарались, чтобы она прошла успешно.

В Сборнике все население района представлено в 8 основных таблицах и 2 дополнительных. Перейдем к их рассмотрению.

В таблице № 1 приведены общие итоговые сведения о распределении населения по населенным пунктам и социальным категориям. В октябре 1931 года в окрестностях Хибиногорска было 9 населенных пунктов: Хибиногорск (19 км), горный поселок 25 км, Юкспориок, поселок 20–21 км, поселок 18 км, 16 км, 13 км, станция Апатиты, Нефелиновое управление, совхоз «Индустрия» (табл. 1).

Таблица 1

Общие итоговые сведения о распределении населения по населенным пунктам и социальным категориям

Населенный пункт	Административно-социальные категории			Всего		
	В	СП	А-В	М	Ж	ОП
Хибиногорск	2155	1340	66	1988	1573	3561
Горный поселок	2305	3277	316	3619	2279	5898
Юкспориок	175	724	4	488	415	903
Поселок 20–21 км	1548	6195	42	4321	3464	7785
Поселок 18 км	20	3018	17	1454	1601	3055
13, 16 км	202	1601	10	907	906	1813
Ст. Апатиты	487	31	2	312	208	520
Нефелиновое управление	31	37	—	52	16	68
Совхоз «Индустрия»	280	591	11	538	344	882
Всего	7203	16814	468	13679	10806	24485

Самым густонаселенным пунктом был поселок 20–21 км (7785 человек), затем горный поселок — 5898 человек, сам город — 3561 человек, поселок 18 км — 3055 человек. На станции Апатиты в октябре 1931 года проживало 520 человек, а в поселке совхоза «Индустрия» — 882 человек.

Все население, представленное в таблицах, разделено на 3 социальные категории: вольнонаемные, спецпереселенцы, административно-высланные. Решение проблемы обеспечения трудовыми ресурсами развернувшегося строительства в Хибинах происходило двумя путями — вербовкой рабочей силы по вольному найму (вольнонаемные) и высылкой сюда раскулаченных из районов сплошной коллективизации.

В конце 1930 года Ленинградский Обком ВКП(б) объявил мобилизацию членов партии на хозяйственное и культурное строительство в хибинской тундре. Первыми покорителями суровой Кольской земли были большевики Ленинграда [1: 97] Это и были первые вольнонаемные жители города.

Спецпереселенцы — это раскулаченные и депортированные органами ОГПУ и НКВД в регионы спецпоселений [1: 5].

Под категорией «административно-высланные» учитывались как высланные в порядке исполнения особых указов высших органов власти, то есть непосредственно административно-высланные, так и ссыльные — высланные в места ограниченного режима проживания по решению суда, среди них были высланные на срок или без указания срока. В отличие от спецпереселенцев административно-высланные и ссыльные высылались не семьями, а поодиночке [2: 10].

По состоянию на 25 октября 1931 года в указанных поселках проживало 24485 человек (для сведения: в 1929 году население Хибин было всего 200 человек)⁸, из них 16817 человек — спецпереселенцы, что составляет 68,7 %; 7203 человек — вольнонаемные (29,4 %) и 468 человек — административно-высланные.

В таблице № 2 показано распределение населения по полу, возрасту и грамотности. Согласно данным таблицы в возрастном отношении преобладало взрослое трудоспособное население от 16 лет и старше, их численность составляла 17765 человек, или 72,6 % от общего числа. Этот показатель имел большое социально-экономическое значение, так как лица, достигшие 16 лет, могли полноценно трудиться на тяжелых работах (рудник, фабрика, строительство и т. д.).

Анализ структуры населения будет неполным без указания соотношения полов: мужское население — 13679 человек, женское — 10806, то есть мужская часть населения превалировала над женской, мужчин на 21 % было больше.

Что касается грамотности, то подавляющее большинство жителей были грамотными: 16502 человек (67,4 %) — грамотные; 7983 человек (из них 3585 в возрасте до 7 лет) — неграмотные (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения по полу, возрасту и грамотности

	Менее 1 года	1–3 лет	4–7 лет	8 лет	9–11 лет	12–13 лет	14–15 лет	16–17 лет	18–24 лет	25–29 лет	30–31 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет	50–54 лет	55–59 лет	60 лет и свыше	Неназ. возр.	Всего
Грамотные				281	949	581	539	997	4007	2241	1352	220	1029	1000	744	613	644	305	16502
Неграмотные	397	1319	1869	353	234	91	58	86	338	242	152	170	189	317	395	516	911	192	7829
				28	12	9	5	12	3	1	3	9	8	7	16	35	6	154	
Всего	397	1319	1869	634	1211	684	606	1064	4098	2486	1505	1393	1227	1325	1068	1145	1599	503	24485

К сожалению, из-за отсутствия уже упомянутых инструкций к заполнению переписных листов мы не можем точно знать, что в этой переписи включалось в понятие «грамотность». Согласно Инструкции к Всесоюзной переписи населения 1926 года грамотность определялась как умение читать хотя бы по слогам и умение написать свою фамилию [3: 17].

По данным переписи выясняется, что чем старше возрастная группа, тем выше % неграмотных. Например, в возрастной группе от 30 до 34 лет число неграмотных составляло 153 человек, а в возрастной группе 60 лет и старше — таких уже 946 человек.

Анализ данных таблицы показывает, что у мужчин грамотность выше, чем у женщин. Если брать мужское население в возрасте от 16 лет, то количество неграмотных среди них составляло 10,4 %, а у женщин аналогичный показатель составлял 34 %.

В таблице № 3 мы видим распределение населения по «народности» и грамотности (табл. 3).

Таблица 3

Распределение населения по народности и грамотности

Народность	Количество	% от всего населения	Количество грамотных	% грамотных
Русские	18428	72,27	12244	66,4
Украинцы	1750	7,15	1251	71,5
Финны	1205	4,92	869	72,1
Эстонцы	775	3,17	573	73,9
Белорусы	640	2,61	424	66,2
Немцы	391	1,6	334	85,4
Латыши	329	1,34	264	80,2
Татары	283	1,14	135	47,7
Евреи	145	0,6	132	91,0
Поляки	131	0,5	96	73,3

В объяснительной записке к сборнику таблиц по переписи населения указано: «По постановлению штаба переписи должны были быть показаны национальности, насчитывающие не менее 30 человек, кроме нацменов Севера. Тем не менее ради интереса к истории развития г. Хибиногорска во всех сводках указаны все национальности независимо от их числа»⁹. Таким образом, таблица дает точное представление о национальном составе населения в 1931 году.

Национальный состав первых жителей Хибиногорска был чрезвычайно пестрым — 24 национальности, то есть заселение и хозяйственное освоение Хибинского промышленного узла осуществлялось представителями разных национальностей. В числе жителей Хибиногорска в 1931 году, кроме русских, украинцев и белорусов, проживали болгары, молдаване, литовцы, латыши, немцы, норвежцы, шведы, финны, эстонцы, карелы, лопари, зыряне, вотяки, чувашы, мордва, татары, киргизы, башкиры, узбеки, китайцы, корейцы, греки, евреи, армяне. Обращает на себя внимание то, что в таблице название северных народностей даны в старом варианте, то есть удмурты названы вотяками, а коми — зырянами. Из таблицы также видно, какие народности из проживающих в то время в Хибиногорске составляли самые крупные группы.

Самыми малочисленными в составе населения были армяне, башкиры, чувашы, шведы, норвежцы. Кроме них были также 1 индус, 1 грек, 2 лопаря, 2 китайца, 2 молдаванина и 4 болгарина.

Таблица также дает представление об уровне грамотности представителей различных национальностей, проживавших на тот момент в Хибинах. Самый высокий уровень грамотности был у евреев и немцев, затем идут латыши, эстонцы, поляки, финны, украинцы, уровень грамотности русских и белорусов почти одинаков.

Для экономического развития любого города рабочая сила является особо ценным ресурсом. Что представлял собой данный показатель по материалам переписи? Об этом — в таблице № 4. В ней указано распределение населения по предприятиям, учреждениям и занятиям. Таблица содержит перечень рабочих профессий и служащих того времени (всего 52 профессии). Из нее мы можем узнать, кем работали жители района. Так, среди них были камнебойцы, пыльщики, печники, запальщики, откатчики, разборщики, кочегары, возчики, конюхи, тягловики (локомотивщик) и др. Самыми многочисленными рабочими профессиями были чернорабочие, плотники, землекопы, возчики. Врачей было всего 20 человек, остальной медперсонал составлял 154 человека, а педагогов и воспитателей — 67 человек.

Самыми распространенными профессиями среди мужчин были чернорабочие (1478), плотники (1305), землекопы (576), слесари (399), грузчики (318). Среди женщин самые многочисленные группы составляли также чернорабочие (2043), младший обслуживающий персонал (538), домохозяйки (326),

официантки (151), посудомойки (122). Надо отметить, что занятость женщин наблюдается почти во всех профессиях, кроме каменщиков, камнебойцев, шоферов, бурильщиков, запальщиков.

В таблице № 5 представлен численный состав трудоспособного и нетрудоспособного населения в возрасте от 16 лет Трудоспособных, работающих по найму, оказалось 12577 человек; трудоспособных, не работающих по найму, — 1996. Остальные — нетрудоспособные.

Из таблицы № 6 можно узнать уровень заработной платы рабочих и служащих. Эта информация к теме статьи не относится, потому на ней не останавливаемся.

Таблица № 7 содержит сведения о месте проживания людей до приезда в Хибиногорск от 16 лет (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о месте проживания людей до приезда в Хибиногорск

Место выхода	Вольнонаемные	Спецпереселенцы	Адм.-выслан.	Всего
Ленинградская область:				
Ленинград;	1014	136	12	1162
Ленинградский округ;	357	3136	27	3520
Мурманский;	153	68	—	221
Череповецкий;	123	72	1	196
Новгородский;	171	947	20	1138
Боровичский;	37	222	—	259
Псковский	224	1290	6	1528
Уральская область	632	2873	9	3614
Украинская ССР	318	527	303	1148
Северо-Кавказский край	167	629	10	806
Белорусская ССР	85	476	3	564
Северный край	359	86	3	448
Крымская АССР	12	113	—	125

Согласно этой таблице люди прибывали из различных республик, краев и областей Советского Союза. Наибольшее их количество прибыло из Ленинградской области — 8198 человек. Далее регионы расположились следующим образом (чел.): Уральская область — 3614; Украинская ССР — 1148; Северо-Кавказский край — 806; Белорусская ССР — 564; Северный край — 448; Крымская АССР — 125.

В таблице указано еще много других регионов (Поволжье, Московская и Ивановская области, Сибирь, Дальневосточный край, Карельская, Казахская, Киргизская АССР и др.), из которых прибыли жители в количестве менее 100 человек. Всего в таблицу вписаны 25 мест, что дает основание говорить о довольно обширной географии приезжих. Данные показывают, что наибольшее количество вольнонаемных прибыло из Ленинграда и Ленинградского округа, а также из Уральской области, Северного края, а спецпереселенцев — из Ленинградской области (Ленинградский, Новгородский, Псковский округа) и Уральской области.

В таблице № 8 указано занятие населения до приезда на Север. Вполне ожидаемо, учитывая, что преобладающее население города составляли спецпереселенцы, по роду деятельности они изначально были земледельцами и не имели никакой технической квалификации. Так, земледелием занимались 14080 человек (79,3 %), строительством — 522, кустарно-ремесленным промыслом — 380, рыболовством — 114, 152 человека работали на железнодорожном транспорте.

Есть в сборнике еще дополнительная таблица, очень важная с социально-демографической точки зрения, содержащая сведения о численном составе семей. Важность не только общей численности горожан, но и числа семей состояла в том, что сохранение семей позволяло строить долгосрочные планы по «освоению и закреплению» людей в местах высылки.

Всего в Хибиногорске и прилегающих поселках в октябре 1931 года проживали 5138 семей, в том числе 1166 семей по 2 человека, 1164 семей по 3 человека, 1007 — по 4 человека, 939 — по 6 и более человек. В Апатитах проживала 141 семья, в совхозе «Индустрия» — 157.

Итак, первая в истории Хибиногорска перепись является достоверным источником о городе и его населении, имеет большой информационный потенциал, так как содержит уникальные сведения для изучения структуры населения города в первые годы его существования. Кроме данных о численном составе населения, в ней также имеется информация о социально-профессиональных группах жителей города, их занятиях.

В 1933 году в Хибиногорске прошла вторая местная перепись, материалы которой также хранятся в Кировском госархиве. Исследователи имеют возможность провести сравнительный анализ результатов двух этих переписей для определения демографических процессов, произошедших с момента первой переписи.

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков

ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи

ГОКУ ГАМО в городе Кировске — Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске»

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

ФЗУ — Фабрично-заводское ученичество

Примечания

¹ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 179. Оп. 1. Д. 87; Ф. 187, Оп. 1. Д. 1.

² ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 7. Оп. 1. Д. 9. Л. 10, 12, 13.

³ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 179. Оп. 1. Д. 59. Л. 113.

⁴ 25 октября — перепись жителей Хибиногорска. Население должно помочь переписи // Хибиногорский рабочий. 1931. 21 окт. С. 2.

⁵ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

⁶ Мобилизуются на проведение переписи // Хибиногорский рабочий. 1931. № 96. 21 окт. С. 4.

⁷ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 179. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2.

⁸ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 189. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

⁹ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

Список источников

1. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 317 с.
2. Игнатова Н. М. Численность и половозрастной состав спецпереселенцев в Республике Коми в 1930-е годы // Историческая демография. 2020. № 2(26). С. 8–14.
3. Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

References

1. Shashkov V. Ya. *Spetspereselentsy v istorii Murmanskoy oblasti* [Special settlers in the history of the Murmansk region]. Murmansk: Maksimum, 2004. 317 p.
2. Ignatova N. M. Chislennost' i polovozrastnoy sostav spetspereselentsev v Respublike Komi v 1930-ye gody [The number and age and sex composition of special settlers in the Komi Republic in the 1930s]. *Historical demography*, 2020, No. 2 (26), pp. 8–14.
3. Zhyromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. *Polveka pod grifom «sekretno»: Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a century under the heading "secret": All-Union population census of 1937]. Moscow: "Nauka", 1996, 152 p.

Информация об авторе

С. М. Салимова — историк-краевед, Почетный архивист РФ, Почетный гражданин города Кировска.

Information about the author

S. M. Salimova — local historian, honorary archivist, honorary citizen of Kirovsk.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 908
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.006

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРАВЛЕНИЯ «СЕВГОСРЫБТРЕСТА» (01.03.1930 Г.)

Дмитрий Александрович Панов¹, Виктория Николаевна Дмитренко²

¹Независимый исследователь, Мурманск, Россия, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

²Мурманский областной краеведческий музей, Мурманск, Россия, viktoriadmitrenok@yandex.ru

Аннотация

Изучение истории местных рыбохозяйственных организаций Мурманска не относится к разработанным темам региональной истории. В статье показаны результаты социально-демографического исследования одной из таких организаций. Данное исследование позволит затронуть и другие сферы социальной истории: партийность на Мурмане, уровень образования местного общества в рассматриваемый период, гендерную историю Мурманска, а также «перекинуть» мостик к таким специфичным историческим темам, как «вредительство» и «репрессии».

Ключевые слова:

Севгосрыбтрест, трест, партийность, сословность, образование, национальность

Для цитирования:

Панов Д. А., Дмитренко В. Н. Социально-демографический портрет правления «Севгосрыбтреста» (01.03.1930 г.) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 47–53. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.006.

Original article

SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF THE BOARD OF SEVGOSRYBTREST (03/01/1930)

Dmitry A. Panov¹, Victoria N. Dmitrenok²

¹Independent researcher, Murmansk, Russia, dmipanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0879-4130>

²Murmansk Regional Museum of Local Lore, Murmansk, Russia, viktoriadmitrenok@yandex.ru

Abstract

The study of the history of local fisheries organizations in Murman is not related to the developed topics of regional history. The article shows the results of a socio-demographic study of one of these organizations. This study will allow us to touch upon other areas of social history: party membership in Murman, the level of education of local society in the period under consideration, the gender history of Murman, and also to "throw" a bridge to such specific historical topics as "sabotage" and "repression".

Keywords:

Sevgosrybtrest, trust, party affiliation, class, education, nationality

For citation:

Panov D. A., Dmitrenok V. N. Socio-Demographic Portrait of the Board of Sevgosrybtrest (03/01/1930) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 47–53. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.006.

Северный Государственный рыбопромышленный трест

Изучение истории становления органов управления различных уровней власти и отраслей промышленности является одним из перспективнейших направлений исследований в региональной истории. Однако до сих пор остаются малоизученными управленцы и соответствующий аппарат узкорегionalных государственных организаций отдельных отраслей промышленности. Между тем их социально-демографический портрет на разных этапах истории страны имеет большое значение, так как именно такие организации нередко и проводят государственную политику на местах.

Северный Государственный рыбопромышленный трест был организован постановлением СТО от 19 апреля 1924 года.¹ Трест подчинялся Наркомпроду, потом Наркомвнешторгу, а впоследствии — ВСНХ СССР. Трест имел следующую структуру: 1) 2 промысловые конторы в Мурманске

и Архангельске; 2) агентства в Сороке, Вологде, Новгороде — торговый пункт; управление находилось в Ленинграде. Сфера деятельности — от Вайда-губы до Печоры.

Постановлением СТО от 19 июня 1924 года к участию в «Севгосрыбтресте» разрешалось привлекать местные органы. В уставе треста, утвержденном СТО 3 декабря 1924 года, говорилось, что трест учрежден для добычи, скупа и обработки рыбы, морского зверя и их продуктов в районе Белого моря и Северного Ледовитого океана, для эксплуатации всякого рода подсобных предприятий к рыбозвериному промыслу, для торговли всякими, в том числе и заграничными, рыбами, а равно всякими товарами, потребными для организации и производства рыбозвериного промысла и снабжения промыслового населения [1: 287].

15 августа 1928 года правление треста, в целях приближения к производству, было переведено в город Мурманск².

1 января 1929 года бывшая Мурманская контора треста была ликвидирована и взамен ее организованы две конторы: контора промфлота, охватывающая операции по улову до момента сдачи на берег добытой продукции с самостоятельной отчетностью и контора Траловой базы, охватывающая операции по выгрузке, обработке и затариванию добытой продукции с самостоятельной отчетностью³. Эти конторы входили в состав «Севгосрыбтреста».

После шести лет работы «Севгосрыбтрест» был реорганизован. Этап реорганизации рыбной промышленности на Мурмане был вызван выполнением задач пятилетнего плана развития рыбной промышленности, необходимостью специализации и отдельного руководства двумя видами лова — тралового и прибрежного (кустарного) [2: 227].

Принимая во внимание эти обстоятельства, бюро Мурманского окружного комитета партии разработало предложения о реорганизации Северного государственного рыбопромышленного треста. Суть их сводилась к следующему — траловый лов и все с ним связанное целесообразно выделить в отдельное самостоятельное предприятие — Северный траловый трест. В зону ответственности другого самостоятельного предприятия — Мурманского Государственного рыбопромышленного треста — входило бы: развитие колхозного и государственного лова на побережье; оперативная обработка рыбы, принимаемой от кооперационных организаций; создание моторного флота для активизации лова; заселение побережья; транспортировка готовой рыбопродукции в Мурманск и ее реализация [2: 228].

22 августа 1931 года приказом по Народному комиссариату снабжения СССР были созданы Северный траловый трест («Севтралтрест») Всесоюзного объединения рыбной промышленности и хозяйства Севера («Севсоюзрыба») Народного комитета снабжения СССР и Мурманский Государственный рыбопромышленный трест (Мургосрыбтрест) объединения «Севсоюзрыба» Народного комитета снабжения СССР⁴.

Описание исследования

Источником для данного исследования послужил документ из Государственного архива Мурманской области, Ф.Р-403 — Мурманская промысловая контора Северного рыбопромышленного государственного треста «Севгосрыбтрест» ВСНХ РСФСР. Документ называется «Список сотрудников Правления Севгосрыбтреста на 01 марта 1930 г.» (Л. 73–78). Выбор объекта исследования — особенность источниковой базы. Анализируемые данные в подобной компоновке встречаются не так часто, это объясняется спецификой учета и особенностями делопроизводства довоенного периода: не было четко выработанных правил делопроизводства, статистика велась не так жестко и объемно, частые реорганизации не способствовали сохранению архива. Помимо этого, выбор именно этого периода интересен еще и тем, что в этом же году в «Севгосрыбтресте» начнутся «чистки».

Анализ осуществлялся по следующим параметрам: половозрастной состав, партийность, образование, место рождения, национальность, бывшее сословие, род занятий до революции, должность, профессия. Последние три анализировались одним блоком.

Половозрастной состав

Для удобства анализа возрастного состава были выделены 4 возрастные группы: 1) 6–17 лет; 2) 18–29 лет; 3.) 30–49 лет; 4.) 50 лет и старше. Были получены следующие данные (табл. 1).

Сотношение групп к общему количеству в процентах представлено в табл. 2.

Таблица 1

Половозрастной состав возрастных групп

Возрастная группа	Число	Количественно-половой состав группы	Средний возраст по группе: общий/мужчины/женщины
1 (6–17)	1	1 м	14/14/–
2 (18–29)	46	29 м/17 ж	24,8/25,9/23
3 (30–49)	54	48 м/6 ж	36,5/36,5/36,1
4 (50 и старше)	8	8 м	53,2/53,2/–
Общее число и цифры	109	86 м/ 23 ж	32,6/34,3/26,4

Таблица 2

Процентное отношение возрастных групп к общей численности правления

Группа	Процентное отношение к общему числу, %
1 (6–17)	0,91
2 (18–29)	42,2
3 (30–49)	49,54
4 (50 и старше)	7,3

Очевидно превалирование мужчин по отношению к женщинам: 3,7 к 1. Процент мужчин и женщин от общего числа: 78 и 22 % соответственно. Состав правления достаточно молодой, средний возраст — 32,6 года. Наиболее многочисленна третья возрастная группа (30–49 лет). Среди руководящего состава (14 человек) средний возраст — 37,5 лет. На наш взгляд, данные показатели можно объяснить прежде всего постоянной текучестью кадров. В архивных материалах неоднократно упоминаются частая смена места работы или нехватка персонала из-за тяжелых природных условий (это подтверждают сведения о болезнях, которые вызывают природные особенности Мурманска), а также нежелание людей работать в Мурманске и вообще на полуострове. Гендерная диспропорция связана с малой вовлеченностью женщин в трудовую деятельность в рыбопромышленной сфере.

Партийность

Анализ данной категории проводился по следующим параметрам: беспартийный, член ВКП(б), член ВЛКСМ, кандидат ВКП(б). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Партийность аппарата правления «Севгосрыбтреста»

Уровень партийности (109 человек из 109)	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Беспартийный	73	67
Член ВКП(б)	25	23
Член ВЛКСМ	9	8
Кандидат ВКП(б)	2	2

Партийность в руководящем составе выглядит так: из 14 лиц руководящего состава 8 были беспартийными. Председатель правления — партийный. Соотношение — 57/43 %.

Низкий уровень партийности аппарата правления «Севгосрыбтреста» не был чем-то исключительным. Видимо, это можно объяснить еще не отлаженной системой партийного аппарата в регионе в целом.

Образование

Категория «образование» анализировалась по следующим параметрам: отсутствие образования, низшее образование, среднее образование, высшее образование.

Образовательный уровень правления и руководящего состава показан в табл. 4, 5.

Налицо высокий процент низшего и среднего образования. Председатель Правления имел среднее образование. На наш взгляд, это можно объяснить спецификой рыбной промышленности того периода на Мурмане: преобладанием ручного труда во всех видах работ, степенью технологической

оснащенности, при которой используется не самая сложная техника, не требующая специальных знаний средне-профессионального и высшего уровня, а также общим уровнем образованности местного общества.

Таблица 4

Образовательный уровень правления

Уровень образования	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Отсутствие образования	1	0,91
Низшее	46	42,2
Среднее	52	47,7
Высшее	10	9,1

Таблица 5

Образовательный уровень руководящего состава

Уровень образования	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Отсутствие образования	–	–
Низшее	8	57
Среднее	4	28,6
Высшее	2	14,3

Место рождения

Из 109 человек, данные о месте рождения имеются в отношении 97 (табл. 6).

Таблица 6

Распределение состава правления по месту рождения

Место рождения	Количество
Ленинград	28
Архангельск и губерния	21
Северо-Двинская губерния	7
Мурманск	6
Саратов и губерния	3
Пенза и губерния	3
Вологда и губерния	3
Автономная Карельская ССР	2
Череповец	2
Новгород	2
Тверь и губерния	2
Москва	1
Одесса	1
Порт-Артур	1
Керчь	1
Сувальская губерния	1
Полтава	1
Ярославль	1
Владимир	1
Симбирск	1
Виленск	1
Псковская губерния	1
Смоленск	1
Нижний Новгород	1
Гомель	1
Астрахань	1
Моздок	1
Воронеж	1
Свердловск	1

Из 14 человек руководящего состава данные о месте рождения имеются о 12 (табл. 7).

Таблица 7

Распределение руководящего состава по месту рождения

Место рождения	Количество
Ленинград	4
Архангельск и губерния	7
Мурманск	1

Четко выделяется Северо-Запад против остальной территории страны: 62 против 35, или 64 и 35 %. Мурманчан было всего 6,2 %. Данные пропорции, очевидно, связаны с тем, что своего, оседлого, населения было крайне мало, как и «коренных» жителей, если иметь в виду рожденных в самом Мурманске; миграционные подвижки были постоянными. Преобладающий процент уроженцев Северо-Запада закономерен — население этого региона ближе всего находилось к объекту промысла. Достаточно большой разброс представителей других областей (от Польши до Сибири и Крыма) также легко объясним. Страна социально и экономически «бурлила», люди могли ехать с одного ее конца в другой ради лучшего заработка или условий труда и жизни.

Национальность

По данной категории есть 109 показателей из 109. Национальный состав правления за единичными исключениями однороден (табл. 8).

Таблица 8

Национальный состав правления

Национальность	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Русский	103	94
Еврей	4	3,7
Русско-голландец ⁵	1	1
Эстонец	1	1

Руководящий состав (14 человек) — полностью русский.

Бывшая сословная принадлежность

Бывший сословный состав правления, напротив, оказался достаточно разнородным. По данной категории имеется 106 показателей (табл. 9).

Таблица 9

Сословный портрет правления

Сословие	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Крестьянство	50	47,2
Рабочие (в т. ч. сын мастера; сын/дочь рабочего)	15	14,1
Мещанское сословие	18	17
Служащий (в т. ч. сын чиновника)	15	14,1
Почетные граждане	3	2,8
Рыбак/рыбачка	2	1,9
Сын дворянина	1	0,9
Сын/дочь священника	2	1,9

В отношении руководящего состава (14 человек) ситуация следующая (табл. 10).

Таблица 10

Сословный портрет руководящего состава правления

Сословие	Количество	Процентное отношение к общему числу, %
Крестьянское сословие	4	28,6
Рабочий класс	4	28,6
Мещанское сословие	3	21,4
Служащие	3	21,4

Председатель правления — рабочий.

Род занятий до революции/должность/профессия

Было обработано 109 показателей. Анализ данных по этим параметрам весьма проблематичен. Уточняющих данных в виде рабочих карточек или личных дел пока не выявлено (и, на наш взгляд, это вряд ли произойдет). По параметру «профессия» делать заключения особенно затруднительно, так как на текущий момент по большинству показателей мы не можем сказать, когда была приобретена «профессия» — до революции или после. По тем же показателям, где это представляется возможным, обнаруживается аналогичный недостаток уточняющей информации.

Из 109 показателей триада (род занятий до революции/должность/профессия) совпадает в 20 случаях, что составляет 18,3 %. Сделать категоричный вывод о том, кто управлял предприятием на заявленную дату, профессионалы или непрофессионалы, проблематично. Из 109 показателей только у 5 (4,6 %) в графе рода занятий указана информация, относящаяся к специфике предприятия. Однако по другим архивным данным на тот период предприятие работало, рыба ловилась. На наш взгляд, к оценке уровня профессионального мастерства правления применима следующая формулировка — это опытные управленцы, уровень которых соответствовал историческому моменту.

По отношению к руководящему составу триада совпала в 6 из 14 случаев (42,8 %). Председатель правления (не совпало) — слесарь, из рабочих.

Вывод

Таким образом, социально-демографический портрет представителя правления «Севгосрыбтреста» предстает перед нами в следующих данных: 32,6 лет, в основном беспартийный, с образованием не выше среднего, рожденный, скорее, на Северо-Западе, русский, вышедший, вероятнее всего, из крестьянско-рабочего сословия.

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

Наркомвнешторг — Наркомат внешней торговли

Наркомпрод — Народный комиссариат продовольствия

СТО — Совет Труда и Оборона

«Севгосрыбтрест» — Северный государственный рыбопромышленный трест

Примечания

¹ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р.-534. Оп. 8. Д. 2. Л. 1.–1 об.

² ГАМО. Ф. Р.-403. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

³ ГАМО. Ф. Р.-534. Оп. 8. Д. 2. Л. 11.

⁴ ГАМО. Ф. Р.-534. Оп. 8. Д. 3. Л. 2

⁵ Возможно под данной национальностью имелось в виду: переселенец из Голландии, потомок переселенцев из Голландии, голландец получивший советское гражданство и т. п.

Список источников

1. Производительные силы Северо-Западной области. Рыбопромышленность на Мурмане. Том 1. Изд. Севзап — ЭКОСО, 1927. 335 с.
2. Пятковский В. П. Преображенный Север. Ленинская программа развития производительных сил Европейского Севера СССР в действии. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 416 с.

References

1. *Proizvoditel'nye sily Severo-Zapadnoj oblasti. Rybopromyshlennost' na Murmane* [The productive forces of the North — Western region. Fishing industry in Murmansk]. Izd, Sevzap — JeKOSO, 1927, Vol. 1, 335 p.
3. Pjatovskij V. P. *Preobrazhennyj Sever, Leninskaja programma razvitija proizvoditel'nyh sil Evropejskogo Severa SSSR v dejstvii* [The transformed North. Lenin's program for the development of the Productive Forces of the European North of the USSR in action]. Murmansk, Kn. izd-vo, 1974, 416 p.

Информация об авторах

Д. А. Панов — кандидат исторических наук;

В. Н. Дмитренко — хранитель музейных предметов.

Information about the authors

D. A. Panov — Candidate of Historical Sciences;

V. N. Dmitrenok — curator of museum objects.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 24.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 24.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 908, 930
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.007

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА КАНДАЛАКШСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (1941–1944 ГОДЫ)

Святослав Вячеславович Шачин¹, Андрей Сергеевич Зайцев²

¹Мурманская академия экономики и управления, Мурманск, Россия, s_shachin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

²Кадетская школа города Мурманска, Мурманск, Россия, andrey.zaytsev.9696@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования является Кандалакшская операция, которая распадается на два основных этапа: оборонительный (июль — сентябрь 1941 года) и наступательный (сентябрь 1944 года), между которыми происходили позиционные бои. Целью исследования было разрешение ряда проблем в понимании хода боев и определения причин победы советских войск в боях на юге Кольского Заполярья. В работе использовался историко-эвристический метод, позволивший выявить важные проблемы в исследовании данной темы и найти пути их решения посредством обращения к документам и воспоминаниям участников событий. Также использовался историко-типологический метод, позволивший распределить разные виды подвигов по классам и разграничить подвиг и подвижничество. Победа в боях на Кандалакшском направлении сложилась из нескольких факторов: продуманной государственной политики освоения юга Кольского полуострова и военного строительства; умелого руководства войсками, что позволило обескровить врага на трех последовательных рубежах обороны; глубокой солидарности советского общества и коллективного подвига советских войск на заключительном этапе боев. Результаты данного исследования могут послужить основой информационно-справочного аппарата для будущего военно-мемориального комплекса в районе реки Верман, где проходил рубеж линии обороны Кандалакши с сентября 1941 года по сентябрь 1944 года.

Ключевые слова:

Кандалакшская оборонительная и наступательная операции, три рубежа обороны, два способа наступления, подвиг, подвижничество

Для цитирования:

Шачин С. В., Зайцев А. С. Великая Отечественная война на Кандалакшском направлении (1941–1944 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 54–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.007.

Original article

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE KANDALAKSHA AREA (1941–1944)

Svyatoslav V. Shachin¹, Andrey S. Zaitsev²

¹Murmansk Academy of Economics and Management, Murmansk, Russia, s_shachin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3959-5585>

²Cadet School of Murmansk, Murmansk, Russia, andrey.zaytsev.9696@mail.ru

Abstract

The object of the study is the Kandalaksha operation, which is divided into two main stages: defensive (July — September 1941) and offensive (September 1944), between which there were positional battles. The purpose of the study was to solve problems in understanding the course of the battles and determining the reasons for the victory of the Soviet troops in the battles in the south of the Kola Peninsula. Our work used a historical and heuristic method, which made it possible to identify important problems in the study of this topic and find ways to solve them by referring to documents and memoirs of participants in the events. The historical and typological method was also used, which made it possible to classify different types of feats and distinguish between feat and asceticism. The victory of Soviets in the battles in the Kandalaksha direction was due to several factors: a well-thought-out state policy for the development of the south of the Kola Peninsula and military construction; skillful leadership of the troops, which made it possible to bleed the enemy on three consecutive lines of defense; deep solidarity of Soviet society and the collective feat of the Soviet troops at the final stage of the battles. The results of this study can serve as the basis for an information and reference device for the future military memorial complex in the area of the Verman River, where the line of defense of Kandalaksha passed from September 1941 to September 1944.

Keywords:

Kandalaksha defensive and offensive operations, three lines of defense, two ways of attack, feat, asceticism

For citation:

Shachin S. V., Zaitsev A. S. The Great Patriotic War in the Kandalaksha area (1941–1944) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 54–67. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.007.

Введение

Мы — мурманчане, граждане России, которая имеет славное боевое прошлое. Мурманск — город-герой, и на Кольском полуострове проходила одна из самых кровопролитных битв во время Великой Отечественной войны. Однако мурманским историкам и тем более сообществу школьников и учителей недостаточно известны бои на юге Кольского полуострова, в районе Алакуртти, из которого родом один из авторов работы (А. Зайцев). Поэтому была исследована данная тема и проработана следующая литература.

Прежде всего это сборник документов и материалов, вышедший 50 лет назад, под названием «На Кандалакшском направлении». Он позволяет ознакомиться с данной темой и понять ее суть [11]. В книге собраны военно-исторические очерки, описывающие Кандалакшскую оборонительную операцию лета — осени 1941 года [13], и наступательную операцию сентября 1944 года [3], а также воспоминания основных действующих лиц (как руководителей государства местного уровня и полковников (например, работа [5]), так и рядовых участников боев), описывающие подвиги и повседневную жизнь на фронте и в тылу. Кроме того, использовалась книга А. Крячкова, в которой прояснялись некоторые важные моменты, касающиеся хода боевых действий [4]. Книга Е. Мироничева — молодого историка из Мурманска, живущего в Беломорске, позволила изучить предвоенную ситуацию и боеспособность армий противника, а также первый — оборонительный — этап боев на Кандалакшском направлении [8]. В последнее время Е. Мироничев опубликовал ряд ценных статей, которые предлагают систематическую картину всей ситуации на Кандалакшском направлении как в преддверии боев, так и в ходе них, а также обосновывают значимость именно этого участка войны для обороны Советской Арктики в целом [9, 10]. Интересна лекция видного московского военного историка А. Исаева¹. Она поставила ряд вопросов перед исследователями нашей темы, которые были решены до определенной степени в данной работе. Представляет интерес немецкий документальный фильм про войну в Арктике, где приведены кадры из любительских съемок солдат вермахта, участвовавших в боях на юге Кольского полуострова и севере Карелии, а также рассказывается о восприятии войны на севере Европы и в советском Заполярье нашим противником². Раздел статьи, посвященный подвигам, написан на основе материалов сборника «Не просто имя — биография страны» [12] и книги известного мурманского журналиста В. Белоусова [2].

Предметом исследования были оборонительная операция на Кандалакшском направлении летом–осенью 1941 года и наступательная операция сентября 1944 года. Целью было понять, за счет чего советские войска сумели отстоять южное Заполярье и, в конце концов, нанести врагу поражение. Задачами исследования были постижение общей логики обеих описанных операций: сначала оборонительной, а затем и наступательной, и выявление типичных подвигов, совершенных советскими людьми, которые и позволяют понять причины победы нашего государства в суровой войне с сильным врагом. Эти материалы о подвигах могут использоваться в патриотической работе. Также задачей исследования было нахождение тех белых пятен, в которых необходимо проводить поисковую работу на местности и исследовательскую — в архивах.

В работе использовался историко-эвристический метод, то есть были найдены ответы на вопросы, которые были поставлены в лекции А. Исаева, на основе исследовательской литературы и воспоминаний участников тех событий, а также ответы на вопросы, касающиеся исхода наступательной операции в сентябре 1944 года. Нами применялся и историко-типологический метод, на основе которого сначала весь материал о подвигах был разделен на группы согласно родам войск, а затем были выявлены примеры как собственно подвигов, так и подвижничества и сопоставлены друг с другом. Этот материал о подвигах может быть полезным именно для подростков, задумывающихся о смысле жизни и занятых поиском позитивных примеров для подражания.

Статья состоит из трех разделов: (1) про предвоенную ситуацию — подготовку к битве на Кандалакшском направлении и оборонительную операцию наших войск (июль — сентябрь 1941 года); (2) про подвиги и подвижничество советских бойцов во время битвы и (3) о разгроме врага на юге Кольского полуострова — Кандалакшскую наступательную операцию (сентябрь 1944 года).

Подготовка и начало войны на Кандалакшском направлении

А. Накануне войны

Если мы рассмотрим географическую карту Кольского полуострова и примыкающих к нему районов Республики Карелия, то можем обнаружить интересную закономерность. Мурманск с Петербургом связывают железная и автомобильная дороги, идущие, хотя и петляя, с севера на юг. Однако в некоторых местах от них построены отвороты на запад, к границе с Финляндией: например,

от станции Ручьи Карельские — до Алакуртти (в настоящее время дальше железнодорожная ветка заброшенная); от станции Лоухи — до поселка Кестеньга и далее — поселка Пяозеро; от станции Кочкома, лежащей на Беломорско-Балтийском канале, — до станции Ледмозеро. Задумавшись о логике подобного расположения обжитых мест на Севере, можно понять замысел руководителей государства в конце 1930-х годов и перед самой Великой Отечественной войной. О нем написал в воспоминаниях Г. Н. Куприянов, бывший тогда первым секретарем Карельского республиканского комитета ВКП(б) [5: 35–36].

После Советско-финской войны 1939–1940 годов стало очевидно, что финны могут быть потенциальными противниками СССР во время грозящего столкновения с германскими фашистами. В связи с этим, на основе знаний географов и местных жителей, были выбраны самые проблемные участки, угрожающие целостности основных путей сообщения на Севере, проходящих с севера на юг, как уже говорилось. Именно в этих участках в разные годы началось строительство железных дорог и параллельно с ними — автодорог (для начала хотя бы грунтовых) на запад, в сторону Финляндии. Те поселения, к которым проводились эти дороги, превращались в важные опорные пункты советского военного присутствия на Севере. Тем самым армия стала застрельщиком полноценного освоения Севера. Параллельно решались и другие задачи. Например, под Алакуртти было найдено месторождение слюды, к разработке которого не приступили до сих пор.

Именно таким и было направление, на котором находится поселок Алакуртти. Оно прикрывало прямой выход к Белому морю, а также на Кандалакшу, которая находится несколько севернее, но к которой можно легко выйти уже по основным дорогам, если их захватить. В свою очередь, Кандалакша — важный транспортный узел, где встречаются железные, автомобильные дороги и морской путь по Белому морю, а также промышленный центр по производству алюминия. (Можно поразмышлять о том, что в будущем, когда закончится противостояние России и Запада, Кандалакша станет важным транспортным узлом, так как, если продолжить дорогу от поселка Алакуртти в сторону Финляндии и по ней самой, до поселка Салла — от последнего на запад она уже имеется, то можно попасть на север Ботнического залива Балтийского моря в порты Кеми и Оулу, — так можно будет возить грузы через порт Кандалакшу и по сухопутным дорогам, которые потом приведут сразу к финским портам Северной Балтики.)

Согласно воспоминаниям Г. Н. Куприянова, в 1939 году началось активное строительство описанной железной дороги от Белого моря до финской границы, на которой важным опорным пунктом был поселок Алакуртти. И если в 1940 году строители жили еще в землянках, то в 1941 году руководитель компартии Карелии был удивлен, какие добротные деревянные дома были построены в поселке: жилые, бани, клубы, куда приезжали артисты местного и даже всесоюзного уровня из Ленинграда. Далее в сторону границы продолжалась железнодорожная ветка, и обустраивались оборонительные сооружения — система дотов и дзотов, прикрывающая пути между сопками и болотами. Параллельно возводились вторая и третья линии обороны — в самом Алакуртти перед поселком и за его пределами, то есть восточнее [5: 37].

Поняв эту логику советских властей, мы можем разрешить тот парадокс, который в своей лекции о боях на Кандалакшском направлении обозначил А. Исаев¹ (3). Московский историк задается вопросом: «Почему, хотя тогдашнему командующему Карельским фронтом В. Фролову была придана целая танковая дивизия (и она была переброшена в Кандалакшу перед войной), тем не менее в боях на Кандалакшском направлении был задействован только один танковый полк, а два других стояли в резерве, даже когда нашим войскам приходилось отходить от дальних линий обороны к ближним?» На этот вопрос получаем ответ на основе воспоминаний Куприянова [5: 37–38]. Мы предлагаем такое логичное объяснение: поскольку командующий армией В. А. Фролов обладал целостным видением происходящего, он хранил свои резервы на случай прорыва немцев в союзе с финнами на других направлениях, названных в нашей статье выше, а именно на Кандалакшском задействовал только треть своих танков.

Б. Планы врагов на Кандалакшском направлении

Операция по захвату юга Кольского полуострова в планах фашистского командования называлась «Чёрно-бурая лиса». В свою очередь, этот план входил в качестве частного случая в широкий план фашистского наступления на Кольский Север, который назывался «Серебристая лиса» (другие варианты перевода — «Полярная лиса», «Песец») и подразумевал захват всего Кольского

полуострова, вместе с незамерзающим Мурманском и ценными ресурсами всей заполярной земли. Согласно собственному плану «Чёрно-бурая лиса», враг должен был двигаться вдоль дороги Куолаярви — Алакүртти и далее, выйти к Белому морю, взять Кандалакшу, отрезать Мурманск от большой земли и тем самым способствовать его захвату, поскольку наступающие войска должны были пройти по основной железной дороге на север и соединиться с горно-егерскими частями, атаковавшими Мурманск со стороны Норвегии [13: 8–9].

Далее процитируем Е. Мироничева: «27 января 1941 г. армия “Норвегия” подготовила разработку замысла операции “Silberfuchs” (“Серебристая лиса”). Предлагалось на основе общих указаний командования нанести главный удар на кандалакшском направлении и выйти к Белому морю, затем разгромить остатки советских сил на Кольском полуострове во взаимодействии с войсками, наступающими со стороны Киркенеса, а после этого двигаться на юг вдоль Кировской железной дороги, занимая сухопутные участки от Белого моря до Финского залива. Штаб при этом считал, что операция против Кандалакши будет иметь характер прикрытия с севера финской группировки, ведущей основные боевые действия» [10: 190]. Е. Мироничев в целом считает, что деятельность врага на Кольском полуострове рассматривалась высшим гитлеровским руководством, скорее, как работа экспедиционного корпуса, а основной ареной боевых действий должно было стать Приладожье. Но это не умаляет подвига наших войск на Севере России, а также мудрость советского руководства, которое как раз очень четко оценило значимость Кольского полуострова для СССР в целом — именно эти факторы и привели к тому, что наша земля стала неприступной крепостью для врагов.

В. Кандалакшская оборонительная операция (июль – сентябрь 1941 год)

Сражение с фашистами на территории от финской границы до половины пути к Белому морю (именно столько земли врагу удалось занять) состояло из трех этапов, а также предварительного боестолкновения. Сначала расскажем о последнем. Оно происходило 28–30 июня 1941 года и заключалось в попытках немецко-фашистских и финских войск овладеть стратегическими высотами и провести разведку боем, которые провалились в силу их авантюристичности: «...начавшиеся 28 июня бои на кандалакшском направлении являются примерами успеха советских войск на фоне неудач — противник здесь не достиг своих целей» [9: 915].

Теперь назовем три этапа оборонительной фазы сражения: (1) первая неделя июля 1941 года: приграничные бои; (2) 9–28 июля 1941 года: отход нашей армии, неудачные попытки закрепиться на втором рубеже обороны около поселка Алакүртти и укрепление на третьем рубеже обороны — по реке Верман; (3) сентябрь 1941 года — попытка прорыва нашего главного рубежа, закончившаяся для фашистов неудачей, что привело к позиционным боям (растянувшимся на три года, до сентября 1944 года).

Предлагаем ознакомиться с картой оборонительного этапа войны на Кандалакшском направлении (рис. 1).

На 1-м этапе (1–9 июля 1941 года) 122-я стрелковая дивизия в течение недели отстаивала опорные пункты около границы, причем 6 июля удачная советская танковая атака в предрассветном тумане рассеяла отборную эсэсовскую дивизию «Норд» и вынудила фашистов совершить поспешное бегство в направлении Финляндии. Однако противник имел двухкратное превосходство в пехоте и четырехкратное — в авиации [13: 12]. Этим, возможно, и объясняется еще одно кажущееся парадоксальным решение советского командования, на которое указывает в своей лекции А. Исаев: после отражения очередной атаки немцев и финнов 7 июля отвести советские части на второй оборонительный рубеж, причем сами агрессоры в это время не располагали серьезными резервами для продолжения атак, о чем свидетельствует анализ документов противника¹⁽⁴⁾. Также стало обозначаться окружение нашей группировки с востока, так как фашисты на короткий срок овладели дорогой Куолаярви — Алакүртти [13: 14–15].

На второй полосе обороны от поселка Кайрала до горы Полкуваара оборонительные бои продолжались дольше, с 9 июля по 28 августа (это был второй этап сражения). Смыслом наступательных операций фашистов в союзе с финнами были обходные маневры в сочетании со стремлением к захвату стратегических высот, а целями этих маневров был выход в поселок Алакүртти в тыл советских войск и их окружение. В ответ наше командование должно было направлять подразделения 104-й стрелковой дивизии во встречный бой с целью недопущения потери

инициативы и выигрыша времени, необходимого для сосредоточения войск уже на 3-й оборонительной линии, западнее самого Алакуртти. Врагу все же удалось прорваться в конце августа к Алакуртти и тем самым окружить нашу дивизию. Ей пришлось выходить к станции с 20 по 31 августа 1941 года без техники [13: 23–24]. Как отмечает в этой связи известный поисковик М. Грабовской⁵, на тот период приходится основные наши потери, причем отступающие части хоронили погибших в братских могилах, а командиры не всегда успевали вести счет павшим борцам. Это является большим объемом работы для исследователей и поисковиков.

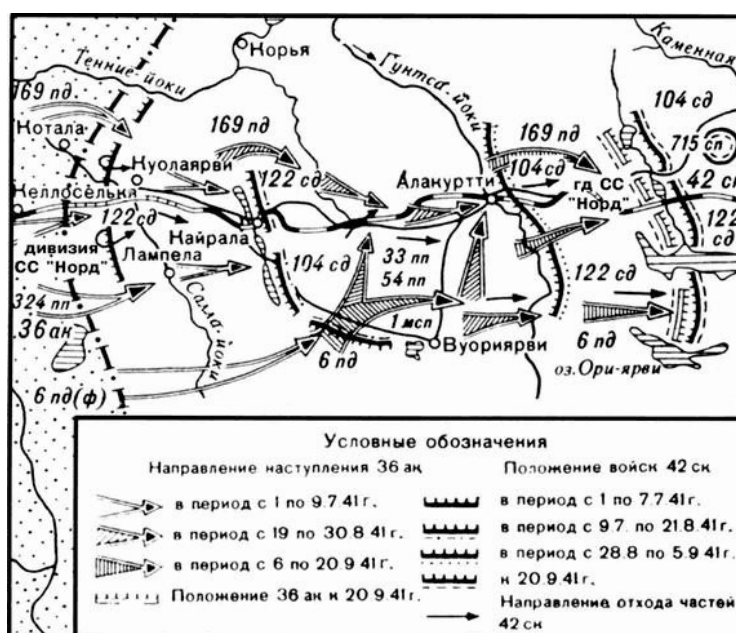

Рис. 1. Боевые действия на Кандалакшском направлении (июль – сентябрь 1941 год) [13: 9]

Следует оценить вклад разных войск врага в ведение боевых действий. С точки зрения Е. П. Мироничева, именно финны были более проблемными для наших войск в силу лучшего знания ими местности, более свободной тактики, несмотря на сравнительно более легкое вооружение, в то время как для немцев была характерна стойкость во время наших фланговых ударов, которые пытались отсечь наступающие части вермахта — попытки контрнаступления, предпринимавшиеся на всем втором этапе оборонительной операции, успеха не имели. На том этапе войны враг имел превосходство в авиации и артиллерии [8: 75].

Тем не менее, невзирая на общую тяжелую ситуацию, основным советским силам удалось вырваться из окружения и организованно отойти на восточный берег реки Тунтсаяоки, протекающей по поселку Алакуртти, а саму станцию и поселок пришлось оставить. Там, восточнее поселка Алакуртти, вдоль берега следующей (к востоку) реки Ворман была приготовлена третья линия обороны, которую уже никак нельзя было терять. В этом и состоит суть сражения на 3-м этапе оборонительной операции. Сосредоточив в едином кулаке силы разных подразделений как танковых, так и мотострелковых вместе с приданной им артиллерией, наши войска сумели удержать самую удобную линию обороны вдоль реки Ворман, причем эта линия с двух сторон была окружена сопками, которыми гитлеровцам так и не удалось овладеть до конца войны. Бои на третьей линии обороны продолжались с 1 по 20 сентября 1941 года. В конце сентября враг был вынужден сам возводить свою линию обороны, поскольку советские войска осмеливались совершать контратаки. Бои приняли позиционный характер и продолжались до сентября 1944 года — времени разгрома врага под Кандалакшей [13: 29–30].

Таким образом, итогом оборонительной операции стало закрепление советских войск на самом выгодном рубеже обороны. Противник за 3 месяца боев, по нашим оценкам, потерял 20 тысяч

убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести. Мы потеряли 75–80 км своей территории, в том числе и основные поселения, где стояли защищавшие границу гарнизоны: Куолоярви, Кайрала и Алакуртти. В поселке Алакуртти был сооружен фашистский аэродром, что позволило им вести бомбежки с воздуха железной дороги на юге Кольского полуострова и самой Кандалакши. Это приводило к неизбежной войне в воздухе, происходившей в том числе и над Кировской железной дорогой (Мурманск — Ленинград). Тем не менее ни о каком выходе фашистских войск к железной дороге и захвате Кандалакши речи теперь не велось [13: 29–30].

Подвиги советских людей в ходе войны на Кандалакшском направлении

При изучении боев на Кандалакшском направлении особое значение имеет изучение подвигов, совершенных как воинами, так и мирными жителями, которые обеспечивали бесперебойную работу тыла. Именно анализ подвигов позволяет подросткам найти примеры для подражания, поскольку они задумываются над тем, как они сами действовали бы в подобной ситуации. Под подвигами имеются в виду как героические поступки, так и выполнение своего долга в невыносимых условиях, что можно обозначить уже другим термином: подвижничество. Это разграничение необходимо для понимания того, что боевые действия — это прежде всего ратная тяжелая работа. Именно успех в этой повседневной работе закладывает фундамент для победного окончания всего сражения. Поэтому далее приводятся примеры не только героических поступков, но и подвижничества.

А. Подвижничество и подвиг пехотинцев

С описаний героических поступков пехотинцев мы и начнем, памятуя о поговорке: «Пехота — это бог войны». Обратим внимание на очерк «Победный счет капитана Тучина» из книги В. Белоусова, в котором рассказывается о фронтовом опыте жителя поселка Умбы Якова Петровича Тучина [2: 27–30]. Его боевое мастерство отмечал даже маршал Советского Союза Родион Малиновский в своих воспоминаниях. В первые дни войны он пошел добровольцем защищать Кольский полуостров и был направлен под Кандалакшу: «Без малого три года мы обороняли подступы к этому городу, сдерживали фашистов. Жили в землянках, в сырости и холоде. Но враг не сломил упорства и силы духа моих земляков. Почти все, кто остался жив, вернулись домой с боевыми наградами... Вместе со мной долгое время на фронте были Илья Косков и Александр Ширяев. Оба, скажу вам, были бойцами отличнейшими. Многих фашистов настигли их пули. Да и в послевоенное время мои земляки не уходили от трудностей. Косков, например, даже став пенсионером, продолжал плотничать на стройках Терского берега» [2: 26–27]. Эта речь ветерана войны может служить примером боевого товарищества, которое сохраняется на протяжении всей жизни, а также характеризует дух поколения победителей фашистов, успешно восстановивших разрушенную страну, в том числе и Кольский полуостров, после Великой Отечественной войны.

Далее рассказывается о встречах Я. Тучина со школьниками поселка Умбы в мирное время. Прежде всего он обращал внимание на тесную связь подготовки к труду и обороне, которые дополняют друг друга: например, тракторист может стать отличным водителем боевых машин, стрелок-разрядник научится бить без промаха по врагу, самбист станет хорошим разведчиком [2: 28]. Сам Я. Тучин был первоклассным лыжником и комиссаром лыжного перехода Умба — Мурманск перед войной. Когда же школьники спросили, какой предмет наиболее важно знать будущему солдату, то фронтовик ответил, не задумываясь: «Все! Без знания физики и математики из вас не получится артиллериста, летчика, связиста. Плохо будете знать географию — не сумеете быстро и правильно сориентироваться на местности. Иностранный язык важен для знакомства с документами противника, прослушивания его радио- и телефонных разговоров. Словом, настоящим солдатом, защитником Родины, можно стать, только обогатив себя знаниями. И мой вам совет: не пренебрегайте учёбой! Чем выше и разносторонней будут ваши общеобразовательные знания, тем больше они пригодятся вам в жизни. Это — наш отцовский наказ вам» [2: 29].

Когда же школьник спросил героя, что такое храбрость и героизм, тот ответил, что это не бесстрашие, как думали молодые люди до войны, а умение в нужный момент преодолеть страх и победить. А если у юноши не получается к призывному возрасту стать настоящим мужчиной, то Я. Тучин советовал ему

запастись терпением, и рано или поздно к нему придет второе дыхание, как к спортсменам [2: 29–30]. Следовательно, у каждого своя судьба и свой возраст готовности к защите Родины, однако важно на пике своих сил ставить перед собой большие задачи, стремясь принести пользу нашему обществу.

Это пример подвижничества, который заслуживает внимания с позиции его влияния на школьников. Теперь обратимся к подвигу.

Сержант С. П. Кондрашкин в январе 1944 года участвовал в бою за стратегическую высоту вокруг озера Ругозеро, находящегося на юге Мурманской области, на нынешней границе с Республикой Карелия (рядом с селом Поякондой). Он повторил подвиг Александра Матросова, закрыв вражескую амбразуру своим телом, после чего его товарищи сумели ворваться в расположение врага и взять данную высоту. Накануне С. Кондрашкин подал заявление о вступлении в партию большевиков. За этот подвиг он был посмертно награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени [14: 203–204]. В поселке Нивском под Кандалакшей поисковый отряд школьников во главе с учителем Людмилой Михайловной Усик в 1980-е годы собрал большой материал для школьного музея о жизни и подвиге героя. Здесь и свидетельства товарищей по оружию, и воспоминания матери, и письма брата, а также стихотворный альбом, в котором собраны слова песен о С. Кондрашкине, сочиненные после его подвига. Такое воздействие оказал сержант своим поступком на войска Кандалакшского направления [14: 205]. К сожалению, судьба данного музея в настоящее время авторам статьи не известна, однако мы знаем, что в этом поселке есть улица, названная именем героя.

Б. Подвиг и подвижничество летчиков

Скажем сначала о подвиге Леонида Иванова [7], а затем о подвижничестве Леонида Гальченко [6].

Леонид Иванов встретил Великую Отечественную войну уже опытным летчиком. Он участвовал в войне с финнами и имел свой боевой счет сбитым самолетам. В первые дни войны он был назначен начальником авиаэскадрильи и переброшен из Мурманской области в Кандалакшу. Молодой командир 25 июня организовал налет на вражеские аэродромы далеко в Финляндии, в город Рованиemi. В ответ фашисты нацелились на Кандалакшу. Первый воздушный бой Л. Ивановым был выигран 26 июня, причем он лично с помощью ведомого летчика Филимонова сбил «Мессершмит-110». На следующий день воздушный бой продолжался весь день. Летчикам приходилось находиться в воздухе почти без передышки — еле успевали заправлять машины горючим и перекусить, и снова взлетали.

Ключевой момент настал уже вечером. Фашисты придумали тактику выслеживания советских самолетов в тот момент, когда они, возвращаясь с боевого задания, будут садиться на аэродром. Будучи руководителем эскадрильи, Л. Иванов продолжал кружить в воздухе, пока остальные самолеты заходили на посадку. И тут со стороны озера он увидел семерку вражеских истребителей. Решали секунды: подмогу летчик вызвать не успеет, а подпустить врага к аэродрому — значит дать ему нанести бомбовый удар по беззащитным самолетам, вырубившим на стоянку. Выходом было вступить в бой одному против превосходящих сил противника и тем самым выиграть время своим товарищам для взлета. Ловко маневрируя, то взмывая ввысь, то бросая самолет в пике, Леонид выманивал фашистов подальше от аэродрома. Те пытались взять его в «клещи», но им это никак не удавалось. Наконец Леонид решил сам атаковать. В одном из виражей с полуперевернутого положения он выстрелил по брюху ближайшего к нему «Мессершмидта», подбив его. Однако через несколько секунд по его корпусу ударила смертельная очередь, выпущенная из остальных самолетов [7: 162–164].

По данным книги 1990 года [7], могила Героя Советского Союза Л. Иванова не найдена, хотя имеются свидетельства того, что к месту гибели командира эскадрильи добралась поисковая группа, которая предала земле его останки. Существует предположение, что они покоятся под памятником авиаторам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, установленным на кладбище города Полярные Зори. Однако этот город находится на удалении в 25 км от той воинской части, где служил герой. Следовательно, мы выходим на важную тему дальнейшей поисковой работы [7: 165–166].

У каждого героя своя судьба. Возможно, Леониду Иванову не хватило времени, чтобы стать прославленным руководителем фронтовой авиации. Тем интереснее фронтовая биография Леонида Акимовича Гальченко. Этот герой известен не только в поселке Молочный, поскольку

именно на маленьком пятачке около реки Кола к югу от Молочного (там, где сейчас находится мост автодороги через новую железную дорогу) располагался военный аэродром, откуда Л. Гальченко совершал вылеты в тыл врага. В ноябре 1943 года авиационный полк Л. Гальченко перебазировался в Прибалтику, а сам Л. Гальченко отправился воевать на Кандалакшское направление. Следовательно, герой, который известен на севере, отметился и в боях на юге Кольского полуострова.

В этой связи обратим внимание на особую технику, «почерк» Гальченко, которой он обучал молодежь. Смысл ее состоит в четком взаимодействии всех участников воздушного боя. Необходимо выдерживать строй и исполнять определенную командиром роль — особенно это касается разделения летчиков на ведущих и ведомых, причем ведомые должны были защищать хвост ведущих. Нельзя было отвлекаться на различные маневры врага, в том числе и такие, при которых вражеские летчики заманивали наших в ловушки. Необходимо было победить врага в тактическом смысле, а также превосходить в военной технике. Поэтому Гальченко детально обучал летчиков бою из любых положений, в том числе и при исполнении фигур высшего пилотажа, а на тренировочных занятиях поражал мишень лучше всех. Если же эскадра под руководством Гальченко встречала превосходящие силы противника, то она могла уйти в облака и потом совершить парадоксальный шаг — полететь в сторону их аэродрома. Далее было соревнование нервов — фашисты поджидали наших на нашей территории, а мы в это время — на их. И Гальченко мог неожиданно-негаданно обрушиться на врага, когда тот возвращался к себе. После этого он мог возвращаться к себе домой «на одном честном слове», даже при недостатке горючего или с поврежденной машиной, и тем не менее удача всегда была на стороне советского летчика [6: 86–87]. Следовательно, Л. Гальченко сумел творчески обобщить тактику врагов, благодаря которой они подбили самолет Л. Иванова, и направил их же оружие против них самих.

После войны Л. А. Гальченко продолжал служить и учиться в Академии Генштаба до тяжелой болезни, которая случилась с ним в 1952 году. Он не сдался судьбе и занялся патриотической работой с молодежью, рассказывая о профессии летчика. Он дожил в родной Махачкале до глубокой старости — до 1986 года. В поселке Молочном есть мемориальная доска и улица его имени; также в честь него имеется экспозиция в музее школы поселка Килпъявр; наконец, улица Гальченко имеется и в родном для него городе Махачкале [6: 88–89].

В. Подвиг танкиста

Алексей Михайлович Борисов [1] участвовал в отражении атак гитлеровцев на самом переднем краю обороны в первые дни их наступления от государственной границы. Бой был жарким вплоть до вечера 5 июля 1941 года. А. Борисову удалось совершить первый подвиг — под непрерывным огнем врага эвакуировать с поля боя подбитый танк с экипажем внутри, скрытно подобравшись снизу и подцепив машину на трос. На второй день боя танкистам было поручено удерживать переправу через реку Куслайоки во время отхода пехотных соединений. А. Борисов со своим экипажем с ходу врезался во вражескую колонну, раздавив пехоту в составе около шестидесяти человек и технику врага, однако сам был подбит и продолжал бой в окружении, пока хватило патронов. Затем уже коллега отважного танкиста сержант Садыков проделал с танком Борисова то же самое — скрытно подобрался и сумел взять машину на прицеп, вывезя экипаж с поля боя. Тем не менее подоспевшие товарищи увидели, что А. М. Борисов тяжело ранен. В госпитале спасти героя не удалось. За этот подвиг танкисту было присвоено звание Героя Советского Союза. Очевидно, что смелый маневр Борисова в самый тыл врага был на тот момент единственной возможностью расстроить порядки наступающего противника в решающем месте и времени боя. Следовательно, герой четко понимал смертельный риск этого предприятия, но он сознательно пожертвовал собой ради выполнения боевого задания. В Кандалакше в северной части города есть улица, названная его именем [1: 31–32].

Г. Подвижничество и подвиг медиков

На плечи медиков ложился особо тяжелый труд. Им нельзя было показывать своей раздраженности или усталости, хотя причин для этого было предостаточно. Во время тяжелых оборонительных боев 1941 года или нашего наступления сентября 1944 года им иногда приходилось спать по одному

часу в течение 20 суток. Они даже не снимали с себя ватных полушубков или одежду, спали в землянке по очереди, а мужчины-врачи не успевали побриться, как вспоминает Д. Н. Тимохина про работу полевого госпиталя в 1944 году на берегу реки Канда [4: 63]. Это можно назвать подвижничеством, так как условия труда были на грани человеческих возможностей, но это еще не подвиг.

А подвиг описан далее. Санитарка полевого госпиталя А. Д. Суханова 22 августа 1941 года сначала замещала врача и оказывала раненым первую помощь. Затем фашисты окружили лес, в котором находился ее перевязочный пункт. Надо было выходить через топкое болото и выносить раненых. Отважная девушка в течение 6 дней непрерывно переводила раненых, способных ходить, и вывела из окружения 400 человек. Когда остались 120 тяжелораненых, А. Д. Суханова решила самостоятельно, совместно с группой санитарок, проложить дорогу к своему пункту, чтобы смогли пройти машины. Через несколько суток машины начали вывозить раненых, и на подножке последней ехала сама главная санитарка. Однако последние 500 м дорога оказалась простреливаема. Машину А. Сухановой подбили, и она начала, несмотря на контузию, выносить из нее раненых и здесь же оказывать им помощь, поскольку они могли получить новые ранения. Всех перенесла в другую машину. Затем по ходу движения колонны появилась вражеская авиация. Еще часть машин было подбито. Однако отважная санитарка одна отправилась в сопки за помощью и привела обоз из 60 лошадей, который за ней выслало командование дивизии. На них ей с ранеными удалось добраться до места назначения. Вручая за данный подвиг орден боевого Красного Знамени в конце 1941 года, член Военного Совета сказал, что А. Д. Суханова первая женщина на Карельском фронте, удостоенная столь почетной награды [4: 63–64].

Д. Трагическая сторона войны

Война — это не только подвиги. У войны есть трагическая сторона: она требует жертв, которые кажутся бессмысленными, и приносит невыносимые страдания. Можно привести такой пример. Летом 1942 года группа немецких и финских диверсантов пересекла линию фронта; они прошли 30 километров и, имея при себе только холодное оружие (другое оружие не взяли в связи с его тяжестью), вырезали полностью советский госпиталь. На его месте находится памятник, который ко времени написания статьи не был отремонтирован. Этот эпизод авторы восстановили по устным рассказам. Именно он объясняет то обстоятельство, что финнов и немцев после этого практически перестали брать в плен. Такими были рассказы местных жителей, которые были услышаны одним из автором статьи А. Зайцевым во время его путешествия в Алакуртти в сентябре 2022 года.

Наступление на Кандалакшском направлении и изгнание врага (сентябрь 1944 года)

К середине 1944 года стратегическая инициатива прочно перешла в руки Красной Армии. Помимо освобождения Белоруссии и боев в Европе (на территории Болгарии, Румынии и Югославии), были достигнуты серьезные успехи на Северо-Западе: сначала в январе 1944 года победоносно окончилась битва под Ленинградом, затем в июне 1944 года стремительным ударом армии и вновь образованной Карельской флотилии было очищено от врага побережье Ладожского озера, а далее, двигаясь вдоль рек и дорог (железной и автомобильной), Красная Армия выбила финские войска из Южной Карелии и Карельского перешейка, освободила Петрозаводск, взяла Выборг (его финны очень ценили, считая своим вторым по значимости городом после Хельсинки) и, наконец, отбросила врага до южной границы, установленной в 1940 году по итогам советско-финской войны.

Наступлению советских войск на севере предшествовали начавшиеся еще в марте 1944 года тяжелые учения, в ходе которых некоторые генералы (например, В. А. Фролов) были на переднем крае и форсировали замерзшие речки вместе с солдатами, проваливаясь по пояс в ледяную воду⁶. Руководил учениями новый командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков (который осенью 1944 года станет полководцем, освободившим Кольский Север от врага). Это делалось для того, чтобы предотвратить ошибки, описанные в поговорке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Учения продолжались неделями и подразумевали марш-броски по неосвоенной и даже непроходимой местности.

Далее велись бои местного значения с целью обеспечения контроля над местностью, на которой будет удобно начать последующее наступление. Надо особо отметить, что эти бои имели также символический характер, то есть они повышали боевой дух советских войск. Уже повествовалось о подвиге С. П. Кондрашкина, про который были написаны песни, популярные в войсках. Уместно вспомнить еще об одном символическом эпизоде, рассказанном в книге Е. Белоусова [2: 121–122]. В июле 1944 года, «в прекрасный летний день, пропитанный запахом трав и цветов (сенокосный день)», солдаты пошли освобождать поселок Сальми. Вдруг в воздухе раздалось звучание церковного колокола. Осторожно подойдя поближе, солдаты поняли, что звонил немецкий корректировщик огня, сидевший на церковной колокольне. Этим звоном он звал на помощь, так как лестницу на колокольню взорвали артиллерийским огнем, а прыгать с нее на 15 м было самоубийственно. Когда солдаты это поняли, они сначала расхохотались, а потом задумались: по кому же звонит колокол? По ему и остальным любителям «жизненного пространства».

Наступление советских войск было намечено на сентябрь 1944 года. Мы превосходили противника по пехоте в 1,2 раза, по артиллерии — в 1,4 раза, по минометам — в 2 раза. Кроме того, в распоряжении была авиадивизия и два бомбардировочных авиаполка, а также танковая бригада [3: 207].

О ходе наступательной операции свидетельствует карта (рис. 2).

Рис. 2. Наступательная операция на Кандалакшском направлении (сентябрь 1944 год) [13: 31]

Боевые порядки советских войск были выстроены в две линии. При разработке операции тщательно учитывался характер местности. На первый взгляд она была совершенно непроходимой для тяжелой техники: болота перемежались со скалами, а также валунами, которые легко могли повредить, например, гусеницы танка. Однако путем тщательного анализа были найдены скрытые пути движения, которые были хорошо известны только местным жителям, а также разведаны в результате действий партизан. Согласно планам командования, должны были быть нанесены два удара: вспомогательный, на южном направлении, около Верманских рубежей обороны, и основной, который должен был быть совершен максимально скрытно, с севера и по такой местности, откуда враг никак не мог ожидать появления наших войск. В результате, часть сил должна была выйти в тыл немцев и создать тем самым окружение, перерезав единственную сеть дорог (железную и грунтовую), ведущую из Алакуртти на запад. На операцию отводилось 4–5 суток [3: 207–209].

Движение по северному обходному маршруту было начато 9 сентября 1944 года. Оно совершалось следующим образом. Шедший впереди пехотный батальон вел разведку маршрута, намечал трассу, так сказать, вчерне. Солдаты валили деревья, расчищали завалы, на топких местах прокладывали

гати. Танки иногда применялись для валки деревьев. Второй батальон улучшал путь, а третий завершал работу. Эта тактика была отработана в ходе летних учений и способствовала скорости: 39 км прокладывали за 41 час. В реальности обходной маневр продолжался с 9 по 12 сентября. За это время войскам удалось пройти 80 км по полному бездорожью. Как позже заметил К. А. Мерецков, «по трудности совершённый переход может быть сравним только с самыми выдающимися переходами в истории войн» [цит. по: 4: 144].

О коллективном подвиге советских бойцов может свидетельствовать такой эпизод. В боях за поселок Миокалахти фашистам удалось подбить вырвавшийся вперед советский танк и захватить в плен советского танкиста. Его немедленно доставили в штаб 36-го армейского корпуса. «Как вы сюда попали? — задал вопрос фашистский генерал, ткнув пальцем в карту. — Где ваш воздушный десант?» «У нас не было десанта, мы прошли по тундре!» — ответил танкист с гордостью. Изумлению и растерянности генерала настолько не было предела, что сразу же после этих слов в штабе поднялся переполох и даже забыли охранять пленного. Пользуясь неразберихой, тот совершил дерзкий побег и вернулся к своим [3: 219].

В воспоминаниях Г. К. Козлова [3] приводится и свидетельство противной стороны — немецкого генерала Г. Хельтера. Он признает, что маневр русских «был хитро задуман и смело начат». Немецкое командование считало местность к северу от Алакургти неприступной, тем более для военной техники, и не допускало мысли о том, что советские войска сумеют пройти к району Кайралы, приграничного поселка, где в 1941 году проходила 2-я линия обороны [3: 218].

Итоговый этап советской наступательной операции тоже содержит в себе загадку. 12 сентября противник уже дрогнул и стал беспорядочно отходить со своих позиций, бросая технику. В то же время на западе от него фактически было замкнуто кольцо. Для разгрома окруженного противника были подведены резервы — 67-я стрелковая дивизия. Однако генерал К. А. Мерецков, доложивший об успехах советских войск в Ставку Верховного главнокомандования генералу армии А. И. Антонову, через несколько часов получил телеграмму, в которой предписывалось ... воздержаться от активных действий по разгрому противника. Вместо этого войскам предлагалось взрывать все мосты и минировать единственную дорогу к границе, но больше не повторять изнурительные рейды в тыл и беречь силы [3: 220].

Объяснение этой загадки в советской литературе предлагается такое. 4 сентября под влиянием успехов Красной Армии Финляндия подписала с СССР соглашение о перемирии. В нем был пункт, согласно которому все войска вермахта должны быть немедленно выведены с территории бывшего союзника, причем на это им давался срок до 15 сентября. После этого все оставшиеся в стране немецкие военные должны были быть разоружены и переданы Советскому Союзу в качестве военнопленных [3: 221].

В немецком документальном фильме это событие называется переломным в войне на Севере Европы. Показаны деморализованные немецкие войска, вынужденные совершать осенний марш в Норвегию, на позиции, которые не были подготовлены к их приему. У немецкого командования не было теперь никакого плана, как им действовать, и потому солдаты просто были направлены в гарнизоны занятых норвежских городов, где они простояли до мая 1945 года — периода капитуляции фашистской Германии и массовой сдачи в плен⁷. Финны действительно выполнили взятые на себя обязательства, нанеся фашистским войскам Германии потери в 10 тысяч человек, из них 1814 убитыми и 1305 ранеными, по данным финских источников [13: 34]. Фашисты в отместку сожгли столицу финской Лапландии город Рованиemi, оставив о себе как о немцах плохую память в Финляндии среди послевоенного поколения.

В конце сентября 1944 года советские войска западнее поселка Кайралы открыли противнику коридор в несколько километров, продолжая наносить авиационные и артиллерийские удары по отступающим частям. Поскольку после 15 сентября финны сами развернули боевые действия против своего бывшего союзника, они сковали силы 20-й армии и не позволили перебросить ее резервы на север Кольского полуострова, где планировалась и через месяц осуществилась Петсамо-Киркенесская операция. В свою очередь, советские силы на севере Кольского полуострова

пополнились войсками Карельского фронта, которые не понесли существенных потерь под Кандалакшей. Они и участвовали в Петсамо-Киркенесской операции в октябре 1944 года.

Таким образом, Кандалакшская наступательная операция завершилась изгнанием врага с юга Кольской земли. 19-я армия нанесла врагу следующие потери: убитыми, ранеными и пропавшими без вести — около 6 тысяч человек, уничтожено 28 танков, 51 орудие, 33 миномета, 105 пулеметов. Были захвачены сотни пленных, 17 танков, 22 орудия, 17 минометов. Мы вернули себе 45 населенных пунктов, 9 железнодорожных станций, 104 км дорог, железной и шоссейной. 27 сентября наши войска окончательно вышли к границе между СССР и Финляндии [3: 222].

Решением Президиума Межгосударственного Союза Городов-Героев в 2018 году городу Кандалакша было присвоено звание «город воинской славы»⁸.

Заключение

А. Использование результатов исследования

В данной работе собраны научно-справочные материалы для военно-мемориального комплекса в районе реки Верман, где проходил рубеж линии обороны Кандалакши с сентября 1941 года по сентябрь 1944 год. Мы высказываем идею о необходимости сооружения этого комплекса, чтобы восполнить пробел в массовом сознании северян, касающийся боев на юге Кольского полуострова. Этот комплекс будет похож на тот, который стоит в Долине Славы, на месте боев по берегам реки Западная Лица. На этом комплексе будут приведены карты оборонительной операции 1941 года и наступательной операции 1944 года с подробными разъяснениями и понятной легендой (условными знаками). Комплекс будет включать в себя Аллею героев с описанием их подвига. Именно для этого в нашей статье присутствует соответствующий раздел. Также на этом комплексе будут приведены макеты уже существующих памятников и показаны места их расположения на карте местности. Кроме того, хотелось бы порекомендовать увековечить память победителя фашистов на Кольском Севере маршала К. А. Мерецкова в Мурманске. В Петрозаводске почти в центре города есть улица его имени, а также памятник перед высотным зданием, в живописном месте на берегу реки Лососинки, а в Мурманске нет не только улицы, но даже мемориальной доски, не говоря уже о бюсте или даже памятнике, хотя в 1951–1954 годах К. А. Мерецков командовал Северным военным округом и потому был связан с Мурманском.

Б. Вывод

Победа в боях на Кандалакшском направлении сложилась при действии нескольких факторов. Во-первых, продуманной государственной политики освоения юга Кольского полуострова и военного строительства в смысле организации войск и создания системы укреплений. Во-вторых, умелого руководства войсками, что позволило обескровить врага на трех последовательных рубежах обороны, а долгая тренировка во время учений и бои на флангах подготовили выгодные позиции для наступления и сформировали необходимые знания, умения и навыки у наступающих войск. В-третьих, на фронте и в тылу была создана атмосфера солидарности, что выразилось во фронтовом подвижничестве и большом количестве подвигов, примеры которых мы привели. Наконец, в финальной фазе боев в сентябре 1944 года был совершен коллективный подвиг — переход советских войск с севера в тыл немецко-фашистских войск, в результате которого появилась возможность их полного окружения. Этот подвиг также должен быть сохранен в народной памяти (ведь про переход Суворова через Альпы рассказывают в школах, а про поход советских войск в сентябре 1944 года по сопкам и болотам юга Кольского полуострова знает только горстка краеведов). Хотя окончательный разгром врага не состоялся, поскольку по дипломатическим каналам были заключены соглашения с Финляндией, тем не менее выведенные фашистские войска были скованы войной с этой страной, поменявшей свои внешнеполитические ориентиры. А враг был уничтожен уже на северо-западе Кольского полуострова и на севере Норвегии — в ходе Петсамо-Киркенесской операции.

Примечания

¹ Исаев Алексей. Бои на Кандалакшском направлении в июле 1941 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AfalkDr0fLY> (дата обращения: 28.08.2025).

² Zweite Weltkrieg: Der Krieg am Polarkreis Dänemark, Norwegen, Finnland. Doku. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sk8bQ8P1_W8 (дата обращения: 28.08.2025).

³ Исаев Алексей. Бои на Кандалакшском направлении в июле 1941 года.

⁴ Там же.

⁵ Грабовской М. По следам поисковых отрядов. URL: http://lubimeg.blogspot.ru/2012/01/blog-post_1312.html (дата обращения: 28.08.2025).

⁶ Голованов В. И. В боях за Карелию. Военные мемуары командующего 313 стрелковой дивизии. URL: <https://povenschool.edusite.ru/p161aa1.html> (дата обращения: 28.08.2025).

⁷ Zweite Weltkrieg: Der Krieg am Polarkreis Dänemark, Norwegen, Finnland.

⁸ Кандалакша стала «Городом трудовой доблести и славы». URL: <https://severpost.ru/read/70245/> (дата обращения: 28.08.2025).

Список источников

1. Алексей Михайлович Борисов // Не просто имя — биография страны. Кн. 3. / Сост. М. Г. Орешета. Мурманск: Областное книжное изд-во, 1990. С. 29–33.
2. Белоусов В. Победители: рассказы о героях обороны Заполярья. Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2023. 140 с.
3. Козлов Г. К. 19-я переходит в наступление // На Кандалакшском направлении: сборник воспоминаний / сост. А. И. Краснобаев и В. П. Загребин. Мурманск, 1975. С. 204–221.
4. Крячков А. В Кандалакшских лесах. Кандалакша, 1991. 140 с.
5. Куприянов Г. Важный участок Карельского фронта // На Кандалакшском направлении. Мурманск, 1975. С. 35–42.
6. Леонид Акимович Гальченко // Не просто имя — биография страны / сост. М. Г. Орешета. Кн. 3. 1990. С. 79–89.
7. Леонид Илларионович Иванов // Не просто имя — биография страны / сост. М. Г. Орешета. Кн. 3. 1990. С. 159–166.
8. Мироничев Е. П. «Особую опасность представляет Кандалакшское направление»: боевые действия на юге Заполярья в 1941 г. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2022. 126 с.
9. Мироничев Е. П. Первые бои Великой Отечественной войны в Заполярье // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 894–916. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.404>.
10. Мироничев Е. П. «...Это не операция, а экспедиция. Жаль сил, которые будут здесь использованы»: Советское Заполярье в документах высшего германского командования в 1940–1941 годах // Исторический курьер. 2025. № 2 (40). С. 184–200. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-15.pdf> (дата обращения: 28.08.2025). doi:10.31518/2618-9100-2025-2-15.
11. На Кандалакшском направлении: сборник воспоминаний / сост. А. И. Краснобаев и В. П. Загребин. Мурманск: Областное книжное изд-во, 1975. 287 с.
12. Не просто имя — биография страны. Кн. 3 / сост. М. Г. Орешета. Мурманск: Областное книжное изд-во, 1990. 368 с.
13. Румянцев Н. Провал операции «Полярная лиса»: военно-исторический очерк о боях на Кандалакшском направлении // На Кандалакшском направлении. Мурманск, 1975. С. 7–35.
14. Сергей Петрович Кондрашкин // Не просто имя — биография страны / сост. М. Г. Орешета. Кн. 3. 1990. С. 200–208.

References

1. Alexey Mikhailovich Borisov [Alexey Mikhailovich Borisov]. *Ne prosto imya, a biografiya straini* [Not just a name, but a biography of the country]. / Compiled by M. Oresheta. Murmansk, Regional Book Publishing House, Book 3, 1990, pp. 29–33. (In Russ.)
2. Belousov V. *Pobediteli: rasskazi o gerogah oboroni Zapol'arya* [Winners: stories about the heroes of the defense of the Russian Arctic]. Murmansk, Drozdov-na-Murman Publishing, 2023. 140 p. (In Russ.).
3. Kozlov G. K. *19-ya perehodit v nastuplenije* [The 19th goes on the offensive] // *Na Kandalakshskom napravlenii: sbornik vospominanij* [In the Kandalaksha direction: A collection of memoirs]. Compiled by A. I. Krasnobayev and V. P. Zagrebina. Murmansk, Regional Book Publishing House, 1975, pp. 204–221. (In Russ.).
4. Kryachkov A. V. *Kandalakshskih lisah* [In the Kandalaksha forests.]. Kandalaksha, 1991, 140 p. (In Russ.).
5. Kupriyanov G. *Vagnij uchastok Karel'skogo fronta* [An important sector of the Karelian front.]. // *Na Kandalakshskom napravlenii: sbornik vospominanij* [In the Kandalaksha direction: A collection of memoirs], pp. 35–42. (In Russ.).
6. Leonid Akimovich Galchenko [Leonid Akimovich Galchenko]. // *Ne prosto imya, a biografiya straini* [Not just a name, but a biography of the country], pp. 79–87. (In Russ.).
7. Leonid Illarionovich Ivanov [Leonid Illarionovich Ivanov]. // *Ne prosto imya, a biografiya straini* [Not just a name, but a biography of the country], pp. 159–166. (In Russ.).
8. Mironichev E. P. *“Osobuju opasnost’ predstavlyayet Kandalakshskoje napravlenije”*: *bojevije deystviya na yuge Zapol'yarja v 1941 godu* [The Kandalaksha area is particularly dangerous”: military operations in the south of the Kola peninsula in 1941]. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2022, 126 p. (In Russ.).

9. Mironichev E. P. *Pervije boji Velikoj Otechestvennoj vojni v Zapol'arje* [The first battles of the Great Patriotic War in the Arctic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg University. Series History], 2024, Vol. 69, Issue 4, pp. 894–916. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.404> (accessed 08/28/2025).
10. Mironichev E. P. “*Eto ne operaziya, a ekspediziya... Jal' sil, kotorije budut zdes' ispol'zovani*”: *Sovetskoje Zapol'arye v dokumentah visshego nemezkogo komandovanija v 1940 – 1941 godah* [This is not an operation, but an expedition... It is a pity for the forces that will be used here”: The Soviet Arctic in the documents of the German High Command in 1940–1941]. *Istoricheskij kur'er* [Historical Courier], 2025, No 2 (40), pp. 184–200. (In Russ.). Available at: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-2-15.pdf> (accessed 08/28/2025). doi:10.31518/2618-9100-2025-2-15.
11. *Na Kandalakshskom napravlenii: sbornik vospominanij* [In the Kandalaksha direction: A collection of memoirs]. Compiled by A. I. Krasnobayev and V. P. Zagrebin. Murmansk, Regional Book Publishing House, 1975, 287 p. (In Russ.).
12. *Ne prosto imya, a biografiya straini* [Not just a name, but a biography of the country] / Compiled by M. Oresheta. Murmansk, Regional Book Publishing House, Book 3, 1990, 368 p. (In Russ.).
13. Rumyantsev N. *Proval operazii “Pol'arnaya lisa”: vojenno-istoricheskij ocherk j bojah na Kandalakshskom napravlenii* [The failure of Operation Polar Fox: a military-historical essay on the battles in the Kandalaksha direction]. Murmansk, 1975, pp. 7–35. (In Russ.).
14. *Sergey Petrovich Kondrashkin* [Sergei Petrovich Kondrashkin]. *Ne prosto imya – biografiya strany* [Not just a name, but a biography of the country]. Murmansk, 1990, pp. 200–208. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Шачин — кандидат философских наук, доцент ВАК по кафедре философии и социологии, преподаватель, научный сотрудник;

А. С. Зайцев — ученик 11-го «К-2» класса.

Information about the authors

S. V. Shachin — candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor in the Department of Philosophy and Sociology, lecturer, researcher;

A. S. Zaitsev — student of the 11th grade “K-2”.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 39:656.223.18:271.2:94(100)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.008

СЛУЖИТЕЛИ ВАГОНА-ЦЕРКВИ: ШТРИХИ К БИОГРАФИЯМ (МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, 1916–1919 ГОДЫ)

Ольга Васильевна Змеева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Аннотация

Систематизированы биографические сведения о сотрудниках Мурманской железной дороги, нанятых для работы при походном вагоне-церкви. Выявлены условия создания причта вагона, паспортные данные и социально-демографические характеристики каждого работника. Установлены места службы, предшествовавшие найму в железнодорожное ведомство. Определены судьбы участников трудового коллектива в период, последовавший после ликвидации вагона-церкви. Охвачен период с декабря 1916 года по сентябрь 1919 года. Впервые в научный оборот введены служебные документы из фондов Национального архива Республики Карелия, связанные с работой сотрудников передвижной церкви, их профессиональной мобильностью на Европейском Севере России в военное время и в период революционных изменений. Сделан вывод о создании железнодорожной администрацией условий для профессиональной адаптации бывших церковных работников в обстоятельствах кардинально меняющегося социального мира.

Ключевые слова:

биография, священнослужитель, железнодорожный служащий, вагон-церковь, профессиональная мобильность, Мурманская железная дорога, 1916–1919

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России» Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук.

Для цитирования:

Змеева О. В. Служители вагона-церкви: штрихи к биографиям (Мурманская железная дорога, 1916–1919 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 68–77. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.008.

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

THE STAFF OF THE RAILCAR CHURCH: BIOGRAPHICAL SKETCHES (MURMANSK RAILWAY, 1916–1919)

Olga V. Zmeeva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Abstract

The biographical information of the employees of the Murmansk Railway who were hired to work at the traveling church car is systematized. The conditions for creating the car's clergy, as well as the passport information and social and demographic characteristics of each employee, are identified. The places of service that preceded their employment by the railway department are established. The fates of the members of the labor collective during the period following the dissolution of the church car are determined. The period from December 1916 to September 1919 is covered. For the first time, certain types of official documents from the National Archives of the Republic of Karelia related to the work of the mobile church staff and their professional mobility in the European North of Russia during wartime and during the period of revolutionary changes have been introduced into scientific circulation. The article concludes that the railway administration created conditions for the professional adaptation of former church workers in a rapidly changing social environment.

Keywords:

biography, clergyman, railway employee, church car, professional mobility, Murmansk Railway, 1916–1919

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget on the topic of state assignment No. FMEZ-2024-0002 "Dynamics of the sociocultural appearance of the Kola North in the context of the history of the development of the Arctic frontier of Russia" of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Zmeeva O. V. The staff of the railcar church: biographical sketches (Murmansk Railway, 1916–1919) // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 68–77. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.008.

Введение

Судьбы представителей православного духовенства в период революции и гражданской войны на Русском Севере не перестают интересовать современных историков (см., например, [1, 2]). Исследователи сходятся во мнении, что «церковная революция» в этих регионах России имела свою специфику, которая связана с существованием Северной области (1918–1920 годы), с особенностями ее Временного правительства, деятельностью союзников России по Антанте и в целом с более поздним внедрением на территориях Кольского полуострова и Карелии нового законодательства в отношении религии и церкви (см., например, [3: 45–104; 4: 73–103]).

В статье представлены результаты историко-антропологического исследования, нацеленного на изучение биографий членов коллектива, обслуживавшего вагон-церковь на Мурманской железной дороге (подробнее о деятельности вагона-церкви во имя Святителя Николая см. статью [5: 21–23]).

Работа основана на материалах Национального архива Республики Карелия (НА РК). Предметом изучения стали биографии граждан, нанятых для работы в вагоне-церкви, а также их судьбы после ликвидации передвижного храма. Исследованы биографии четверых работников: священника Николая Сергеевича Благовещенского¹, псаломщика Федора Антоновича Келлера², проводника-истопника Каллиника Николаевича Зимина³ и десятника Анатолия Николаевича Игнатовича⁴. В научный оборот впервые вводятся сведения, сохранившиеся в личных делах служителей вагона-церкви на Мурманской железной дороге.

Формирование штата служителей вагона-церкви на Мурманской железной дороге

Одним из видов деятельности церковного и железнодорожного ведомств при подготовке вагона-церкви к выходу на линию был подбор коллектива. Архивные документы и газетные публикации по-разному представляют его состав. Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода сообщала Управлению по постройке железнодорожных линий Петрозаводск – Сорокская бухта и Мурманской об открытии при походной церкви-вагоне 2 декабря 1916 года штата причта «в составе священника и псаломщика»⁵. То же сообщали столичные газеты в январе 1917 года⁶. В более поздних документах об организации вагона-церкви есть сведения о сформированном коллективе в составе «священника, псаломщика и десятника-церковника»⁷. Вероятно, появление третьего лица в числе утвержденного епархиальным начальством причта не предполагалось. Об этом свидетельствуют и газетные публикации. В частности, Известия по Петроградской Епархии в период с 20 января по 24 февраля 1917 года публиковали данные о вакансиях священника и псаломщика «при вагон-церкви во имя Святителя Николая, по Мурманской железной дороге»⁸. В действительности комплектование коллектива к этому времени было завершено, а осуществлялось оно одновременно несколькими путями.

Прежде всего с согласия Святейшего Синода были определены на соответствующие должности священник и псаломщик. Назначение первого датируется 9/10 февраля 1917 года, а второго — 23 февраля 1917 года⁹. Указано, что на должность настоятеля вагона был приглашен священник-духовник военно-санитарной организации Е. И. В. Великой княгини Марии Павловны. В Управление Мурманской железной дороги как священник, так и псаломщик были приняты намного раньше обозначенных дат. В личных делах дата найма — 1 декабря 1916 года¹⁰, то есть оба были наняты Управлением дороги до оформления и освящения вагона на линию с целью оборудования церкви и подготовки к слаженной работе вновь созданного штата. Сам вагон-церковь был освящен 16 февраля 1917 года в Петрограде¹¹. Новые сотрудники все это время также находились в Петрограде, выполняя поставленные задачи по обеспечению вагона церковным имуществом. Кроме священника и псаломщика к обустройству походной церкви с 1 января 1917 года были привлечены два помощника, которые тоже были включены в состав штата причта. Их прошения составлены в конце декабря 1916 года и согласованы со священником Н. С. Благовещенским.

Обратим внимание на то, что все четверо, впоследствии командированные на участки от станции Званка до станции Мурманск, были приняты в железнодорожное ведомство до официального объявления занятыми вакансий при церквях и до формального назначения на должности церковным начальством.

Итак, к 1 января 1917 года был сформирован штат вагона-церкви, состоявший из четырех человек: священника Николая Сергеевича Благовещенского, псаломщика Федора Антоновича Келлера, проводника-истопника Каллиника Николаевича Зимина и десятника Анатолия Николаевича Игнатовича (табл. 1).

Таблица 1

Штат вагона-церкви на Мурманской железной дороге¹²

Сведения	Благовещенский Н. С.	Келлер Ф. А.	Зимин К. Н.	Игнатович А. Н.
Откуда прибыл на службу	Минск ¹³	Петроград ¹⁵	Москва ¹⁹	Петроград ²²
Время определения на службу	1 декабря 1916 года	1 декабря 1916 года ¹⁶	1 января 1917 года	1 января 1917 года
Определение Епархиального начальства	9/10 февраля 1917 года ¹⁴	23 февраля 1917 года		
Должность	Священник при вагоне-церкви	Псаломщик вагона-церкви	Проводник-истопник вагонов депо Петрозаводск ²⁰	Десятник хозяйственного отдела (при вагоне-церкви) ²³
Оклад содержания в месяц	416 рублей 66 копеек	150 рублей	65 рублей	150 рублей
Годовой оклад	5000 рублей	1800 рублей ¹⁷	780 рублей	1800 рублей
Дата увольнения	15 декабря 1918 года	1 августа 1918 года ¹⁸	Не указано ²¹	1 августа 1918 года ²⁴
Причина увольнения	За штат	Сокращение штата	Не указано	Сокращение штата

Все четверо служили вместе до 1 августа 1918 года. Штат формировался с учетом пожеланий священника. На прошении каждого его надпись-согласие. Кроме того, священник пояснял чиновникам Управления, откуда прибывали его коллеги. Такое пояснение за подписью Н. Благовещенского сохранилось в отношении проводника-истопника К. Н. Зимина: «...проводник вагона-церкви Зимин приглашен на службу по поручению Управления по постройке Мурманской ж. д. на службу из г. Москвы»²⁵. Личное участие священника в подборе кадров для походной церкви поощрялось Управлением. В связи с необходимостью «скорейшего открытия всех функций вагона-церкви» прошения лиц, поддержанных Н. С. Благовещенским, были удовлетворены. Логично предположить, что все сотрудники вагона-церкви были ранее знакомы. Косвенным подтверждением служит рапорт священника Н. Благовещенского с ходатайством о предоставлении мест А. Н. Игнатовичу и К. Н. Зимину «как лицам, помимо прямого их служебного назначения, крайне необходимым для правильной постановки церковного дела и благолепия церковного пения»²⁶.

Все сотрудники, обслуживавшие вагон-церковь, были командированы на линию в качестве таких же временных рабочих и служащих Мурманской железной дороги, как и их прихожане. Вагон вышел на железную дорогу 11 марта 1917 года. До этого штат, проживая в Петрограде при Управлении постройки, участвовал в оборудовании вагона-церкви²⁷. К. Н. Зимин находился в Петрозаводске 20 марта 1917 года, когда поступила информация, что вагон-церковь прибыл на линию, а его предписано было «отправить в распоряжение священника означенной церкви для следования по линии»²⁸.

В личном деле Н. С. Благовещенского сохранились сведения о работе при вагоне-церкви сторожа по фамилии Василенко (документы датированы маем 1918 года). Личного дела указанного лица обнаружить не удалось, как и установить его имя и отчество; поэтому невозможно утверждать, что этот человек работал в составе коллектива с начала его образования и в какие-то определенные сроки.

В одном из докладов Начальнику работ, подготовленному Хозяйственным отделом в апреле 1918 года (когда появилась информация о предстоящем расформировании вагона) сообщается, что Н. Благовещенский «возбуждал вопрос о дальнейшем положении причта вагона-церкви»²⁹. В результате выяснилось, что Временная Эксплоатация готова взять на себя содержание причта «пропорционально сметным ассигнованиями» на 1918 год (табл. 2).

Таблица 2

Смета на содержание причта вагона-церкви в 1918 года (предложения Временной Эксплоатации)³⁰

Должность	Содержание (в рублях)	Квартирные (в рублях)	Итого в год (в рублях)
Священника вагона-церкви	1824	456	2280
Псаломщика —“—	960	240	1200
Сторожа —“—	480	120	600
Всего			4080

Таким образом, утверждался новый состав причта, из которого изъяты должности десятника и проводника, но включена должность сторожа. Вызванный для переговоров священник Благовещенский заявил, что «считает предложение Временной Эксплоатации для себя неприемлемым»³¹. В результате, «были уволены за штат псаломщик и десятник, а священник оставлен для сдачи церковной утвари и отчета в суммах, отпускаемых ему на содержание штата и вообще расходы по вагону-церкви»³².

Возможно, после увольнения 1 августа 1918 года Ф. А. Келлера и А. Н. Игнатовича были внесены изменения в состав работников. Передача вагона-церкви Управлению Эксплоатации Мурманской железной дороги осуществилась лишь 5–7 сентября 1918 года. О тех, кто помогал в этом Н. С. Благовещенскому после увольнения сослуживцев, сведений найти не удалось.

Служители вагона-церкви: социо-демографические характеристики и паспортные сведения (табл. 3)

Таблица 3

Паспортные данные служащих и рабочих вагона-церкви

Данные	Благовещенский Н. С.	Келлер Ф. А.	Зимин К. Н.	Игнатович А. Н.
Дата рождения	14 марта 1868 года	22 апреля 1888 года	20 июля 1881 года	13 июня 1894 года
Место рождения	Не указано (по другим источникам — город Минск) [6]	Виленская губерния, Ошмянский уезд, Местечко Крево ³³	Тамбовская губерния, Лебедянский уезд, Калитинская волость, село Гудово	Виленская губерния, Дисненский уезд, село Голубичи
Происхождение	Сын священника, потомственный почетный гражданин	Потомственный почетный гражданин	Крестьянин	Потомственный почетный гражданин

Трое работников вагона-церкви указали, что прибыли на линию из Москвы и Петрограда. Однако ни один из них не имел столичного происхождения.

Н. С. Благовещенский прибыл на железную дорогу из Минска. Во время Первой мировой войны он с семьей был эвакуирован из прифронтового города. По всей видимости, семья была перевезена в город Новочеркасск. В марте 1917 года священник Н. Благовещенский испрашивал билеты для семьи из города Новочеркасска в Петроград и Петрозаводск «по случаю определения на службу».

Н. С. Благовещенский в одном из приемных листов указал, что вместе с семьей проживает «воспитанник беженец»³⁴. Далее информация о совместном проживании с подопечным не повторяется, но при оформлении на новую должность священник указывает возраст жены и детей. В марте 1919 года жене — 41 год, дочерям — 21, 18, и 15 лет, сыновьям соответственно 18 и 11 лет³⁵ (табл. 4).

Ф. А. Келлер, будучи женатым, тоже указывает на состав семьи, включающей жену и ребенка. В документе при устройстве на должность псаломщика в 1916 году отмечен возраст его ребенка (дочери) — 3 года. При изменении должности в 1918 году указано имя дочери — Александра³⁶. Кроме того, в качестве членов семьи, проживающих у него на иждивении, присутствуют в одном случае родители жены³⁷, во втором — один родитель (мать жены) и десятилетний племянник Сергей Александрович Василенко³⁸ (табл. 4).

Неженатый А. Н. Игнатович указал пятерых человек, являвшихся членами его семьи. Это родители и сестры. При изменении должности в 1918 году в Послужном списке бывшего десятника-церковника приведен возраст каждого члена семьи: отцу — 62 года, матери — 59 лет, сестрам: Марии — 26 лет, Екатерине — 15 лет, Валентине — 12 лет³⁹ (табл. 4).

Таблица 4

Семейное положение и состав семьи

Сведения	Благовещенский Н. С.	Келлер Ф. А.	Зимин К. Н.	Игнатович А. Н.
Семейное положение	Женат	Женат	Холост	Холост
Состав семьи	<i>Жена:</i> Мария Сергеевна. <i>Дочери:</i> Евгения, Нина, Елена, Анна. <i>Сыновья:</i> Георгий, Сергей	<i>Жена:</i> Зинаида Николаевна (в июне 1918 года — 27 лет). <i>Дочь:</i> Александра	Не указано	<i>Мать:</i> Мария Ивановна. <i>Отец:</i> Николай Васильевич. <i>Сестры:</i> Мария, Екатерина, Валентина

Профессиональная мобильность

Все сотрудники причта — грамотные люди, с разным уровнем образования. Священник и псаломщик окончили курсы семинарии. Н. С. Благовещенский окончил полный курс, а в личном деле Ф. А. Келлера зафиксировано — «воспитывался» в семинарии. Они оба указали свои должности в местах, предшествовавших работе на Мурманстройке. Возможно, Н. С. Благовещенский имел опыт работы и на железной дороге, поскольку некоторое время занимал должность священника-духовника военно-санитарной организации Е. И. В. Великой Княгини Марии Павловны⁴². Ф. А. Келлер, описывая работу в одном месте, по-разному определил свои функции при заполнении приемных листов. Он указал в качестве предыдущего места работы Кретингенскую церковь. Только в первом случае (при приеме на должность псаломщика) определил себя «штатным псаломщиком». Во втором случае в документах значится другое название должности: чиновник Кретингенской Таможни⁴³. При этом время определения на службу и период ее прохождения во всех вариантах документов совпадают (табл. 5).

А. Н. Игнатович закончил 3 класс духовного училища. Имел знания в области делопроизводства, а также получил опыт работы руководителя. К. Н. Зимин получил домашнее образование, и он единственный не указал предшествующее железной дороге место работы (табл. 5).

Все бывшие работники вагона-церкви после сокращения штата остались в структуре Мурманской железной дороги. За исключением К. Н. Зимины, который сохранил функции проводника, остальные изменили профессиональный статус (табл. 6).

Работа священника Н. С. Благовещенского был продлена до окончания передачи вагона-церкви в распоряжение Временной Эксплоатации. Сам процесс предполагал два этапа — передачу вагона вместе с имуществом (по так называемой Хозяйственной части, этот этап завершен 7 сентября 1918 года) и ликвидацию церкви по документам духовного ведомства. Второй этап был связан «с передачей документов и книг надлежащим учреждениям и лицам, как в Петрограде, так и в Петрозаводске» и требовал дополнительный «месячный срок»⁵⁶. Увольнение священника было назначено с 15 декабря 1918 года. В первых числах марта 1919 года от бывшего священника вагона-церкви Н. С. Благовещенского на имя Главного Инженера по постройке Мурманской железной дороги поступило прошение с просьбой о предоставлении места конторщика⁵⁷. На эту должность в Хозяйственный отдел его и приняли с 1 марта 1919 года. В сопровождающем прошение приемном листе Н. С. Благовещенский указал, что

«состоял на Мурманстройке священ. церкви-вагона по I-ое марта сего 1919 г.»⁵⁸, то есть в его службе нет временного пробела между увольнением с должности священника и приемом в новую должность. Однако в личном деле нет никаких подтверждений о наличии или отсутствии перерыва в его работе на железной дороге. На обложке личного дела Н. С. Благовещенского дата окончания дела — 1 марта 1919 года, но на приемном листе оставлены резолюции канцелярии от 19 марта и 23 марта. Возможны два предположения: священник не остался работать на дороге в должности конторщика (и тогда 1 марта 1919 года можно считать временем окончательного увольнения с дороги) или он работал в новой должности не менее трех недель, то есть как минимум до 19 марта 1919 года.

Таблица 5

Образование и места службы до определения на Мурманскую железную дорогу

	Благовещенский Н. С.	Келлер Ф. А.	Зимин К. Н.	Игнатович А. Н.
Образование	Минская Духовная Семинария	Литовская Духовная Семинария	Домашнее образование	Виленское Духовное училище (3 класс)
Место работы до службы в вагоне-церкви на Мурманской железной дороге	Священник. Литовская Епархия, Виленская губерния	Штатный псаломщик. Крестингенская 5-я Городская пограничная бригадная церковь, с 22 января 1907 года в течение 7 лет — чиновник по вольному найму. Главное военно-санитарное управление, с 20 апреля 1916 года в течение 8 месяцев ⁴⁰	Не указано	Письмоводитель Земского Начальника с 1910 по 1912 годы. — Волостной писарь с 1912 по 1914 годы. — Заведывающий отчетностью по выдаче торгующим магазином сахара, Канцелярия Петроградского Градоначальника по продовольствию с 1914 по 1916 годы ⁴¹

Десятник Игнатович А. Н. был принят на место конторщика и переведен на новое место службы — в Лодейное поле. Судьбу А. Н. Игнатовича изменило цинготное заболевание, которое он перенес летом 1919 года. В период с 17 июня по 27 июля он находился в Лодейнополюской железнодорожной больнице. А еще через месяц подвергся медицинскому осмотру на предмет перевода в более южные районы, поскольку состояние его здоровья не улучшалось. В результате, члены врачебной комиссии 27 августа 1919 года пришли к заключению, что А. Н. Игнатович «страдает скорбутом в сильной степени и нуждается в переводе на южн. жел. дороги в первую очередь»⁵⁹. Результаты медицинского освидетельствования были учтены администрацией, и в сентябре 1919 года А. Н. Игнатович был переведен на южные железные дороги по состоянию здоровья.

Ф. А. Келлер за год работы на Мурманской железной дороге после сокращения штата вагона-церкви занимал разные должности. Начав работать конторщиком в Отделе Труда при Главном Исполнительном Комитете Мурманской железной дороги и сменив несколько должностей в том же отделе, он завершил работу на линии в должности секретаря Дисциплинарного Суда в одном из районов города Петрозаводска. Известно, что Ф. А. Келлер был командирован на Волго-Бугульминскую железную дорогу и в Бугульминском Дисциплинарном Суде был определен на должность Председателя Суда⁶⁰.

Таким образом, первоначально принятые на должности служителей вагона-церкви все сотрудники причта работали на Мурманской железной дороге до весны – лета 1919 года: Н. С. Благовещенский служил с 1 декабря 1916 по март 1919 года, Ф. А. Келлер — с 1 декабря по 3 июля 1919 года, К. Н. Зимин — с 1 января 1917 по 5 августа 1919 года и А. Н. Игнатович — с 1 января 1917 года по первые числа сентября 1919 года.

Таблица 6

Сведения об изменении статуса бывших служителей вагона-церкви на Мурманской железной дороге

ФИО	Сведения об изменении должности работника на Мурманской железной дороге	Дата перемещения	Оклад (в месяц)	Сведения об увольнении/откомандировании
Благовещенский Н. С.	Конторщик, Хозяйственный отдел Мурманской железной дороги ⁴⁴	С 1 марта 1919 года	780 рублей	Не указано
Зимин К. Н.	Проводник вагонов, станция Петрозаводск ⁴⁵			Откомандирование с 5 августа 1919 года ⁴⁶
Игнатович А. Н.	Конторщик, Лодейное поле, Лодейнопольская продовольственная коллегия	С 19 сентября 1918 года ⁴⁷	390 рублей ⁴⁸	Перемещен на южные железные дороги по состоянию здоровья, не позднее 5 сентября 1919 года ⁴⁹
Келлер Ф. А.	Стрелочник, станция Шуйская ⁵⁰	С 20 июня 1918 года	307 рублей	30 июня 1918 года. Уволен по прошению ⁵⁴
	Конторщик второго разряда, Отдел Труда при Главном Исполнительном Комитете Мурманской железной дороги ⁵¹	С 30 августа 1918 года	405 рублей	
	Старший конторщик, Отдел Труда при Главном Исполнительном Комитете Мурманской железной дороги	1 ноября 1918 года	556 рублей	
	Помощник Делопроизводителя, Отдел Труда при Главном Исполнительном Комитете Мурманской железной дороги ⁵²	1 января 1919 года	720 рублей	
	И. о. Делопроизводителя 1-го разряда, Исполнительное Бюро Производственного Союза	1 апреля 1919 года	1464 рублей	
	Секретарь Дисциплинарного суда 3 района в городе Петрозаводске ⁵³	10 июня 1919 года		
				3 июля 1919 года, уволен по случаю откомандирования на Волго-Бутульминскую ж. д. ⁵⁵

Заключение

Работа причта вагона-церкви на Мурманской железной дороге осуществлялась в один из кризисных периодов в истории России. Закономерная ликвидация в 1918 году походной церкви как изначально временной организации, казалось бы, логично разрешала и судьбу ее служителей. Однако закрытие церкви не привело к увольнению ее работников из железнодорожной системы. Поскольку вагон-церковь был организован при взаимодействии церковного и железнодорожного ведомств, а содержание его штата отнесено к железнодорожным структурам, церковные рабочие и служащие оказались в более выигрышном положении, чем, например, приходские священники. Изучение

судеб работников вагона-церкви на Мурманской железной дороге показало, что профессиональная мобильность и адаптивность церковнослужителей в период социальных сдвигов позволили им избежать печальной судьбы многих представителей православного духовенства на Русском Севере.

Исследование показало, с одной стороны, готовность бывших священнослужителей к профессиональной мобильности, а том числе и такой, которая снижает социальное положение, а с другой стороны, положительную роль Управления железнодорожного ведомства в продолжении службы указанных лиц в другом статусе. Заслуга железнодорожной организации в сохранении работников церкви в 1917–1921 годах остается недооцененной в отечественной историографии. В данном случае функциональные отношения способствовали социальной адаптации как самой железнодорожной структуры, так и ее работников. Сотрудники походной церкви получили новые должности рабочих и служащих на железной дороге, которые позволяли сохранить работу в этой структуре, перемещаться в другие районы страны, оставаясь работниками ведомства. Церковным служащим были предоставлены время на передышку в кризисных обстоятельствах и условия для смены профессии внутри железнодорожной системы.

Изменения профессионального статуса каждого работника вагона-церкви (1916–1919 годы) не только отражали начавшиеся перемены в судьбах представителей отдельных сословий и масштабные изменения социальной структуры общества в целом, но и показывали пути адаптации к новым условиям.

Список сокращений

И. о. — исполняющий обязанности

ж. д. — железная дорога

Е. И. В. — Её Императорское Высочество

ИПЕ — Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

священ. — священник

г. — год

южн. жел. — южные железные

Примечания

¹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. 49 л.

² НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. 74 л.

³ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. 16 л.

⁴ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. 42 л.

⁵ НА РК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 69/556. Лл. 6, 19; НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 6.

⁶ Указом Св. Синода... // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 5 января. № 1. 1917. С. 3.

⁷ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 21.

⁸ Вакансии при церквях // Известия по Петроградской Епархии, издаваемые обществом распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. Петроград. 20 января. № 3. 1917. С. 2; то же: ИПЕ. 27 января. № 4. 1917. С. 3–4; ИПЕ. 3 февраля. № 5. 1917. С. 3; ИПЕ. 17 февраля. № 7. 1917. С. 3; ИПЕ. 24 февраля. № 8. 1917. С. 2. (В последних двух номерах указывалась только вакансия псаломщика).

⁹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 9, 11; НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 19.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 1; НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 1.

¹¹ Местные комитеты // Олонецкие губернские ведомости. 1917. № 20. 23 февраля. С. 2.

¹² Здесь и далее в таблицах приведены сведения, собранные из документов, которые сохранились в личных делах указанных лиц. Среди них: приемные листы, различного рода удостоверения, прошения, заявления, подписки, рапорты, медицинские акты и другие материалы.

¹³ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 9, 11.

- ¹⁵ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Л. 35.
- ¹⁸ Там же. Л. 6.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Л. 1. В тексте удостоверения, выданном К. Н. Зимину, указана другая должность: «...церковника вагона-вожатого при походной церкви-вагоне...» [НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. Л.10].
- ²¹ Дата увольнения не указана. Личное дело К. Н. Зимина окончено 5 августа 1919 года.
- ²² НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 8.
- ²³ В прошении Начальнику Хозяйственного отдела от 30 декабря 1916 года А. Н. Игнатович просит назначить его «церковником при церкви-вагоне...» [НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 5].
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. Л. 8.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 5.
- ²⁷ Подробнее см. Докладная записка Ф. А. Келлера о направлении в командировку на линию с 11 марта 1917 года: «...Я с того же числа стал получать и разъездные деньги». НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 32. Та же информация содержится в документе, выданном Н. С. Благовещенскому 11 марта 1917 года «в удостоверение того, что он совместно с причтом названной церкви, состоящем из следующих лиц: 1, псаломщика Федора Келлера, 2) церковника Анатолия Игнатовича и 3) вагоновожатого Каллиника Зимина, отправляется с вагоном-церковью на линию от Званки до Мурманска для совершения богослужений по линии постройки и удовлетворения других религиозных потребностей населения постройки» [НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 21].
- ²⁸ НА РК. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. Л. 2.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 21.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 21 об.
- ³² НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 31.
- ³³ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 40.
- ³⁴ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 1
- ³⁵ Там же. Л. 41.
- ³⁶ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 1, 40.
- ³⁷ Там же. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Л. 40. Примечательно, что фамилия племянника Ф. А. Келлера совпадает с фамилией сторожа при вагоне-церкви в 1918 году.
- ³⁹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 24.
- ⁴⁰ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 1. В другом документе должность указана как помощник бухгалтера [Там же. Л. 40, 54].
- ⁴¹ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 1, 33.
- ⁴² НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Лл. 9, 11.
- ⁴³ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Лл. 1, 54.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Лл. 9, 11. Л. 41.
- ⁴⁵ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 294/9788. Л. 13., Л. 15.
- ⁴⁶ Не указано место перемещения сотрудника.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 28.
- ⁴⁸ Там же. Л. 26. Содержание было увеличено с 1 марта 1919 года. Новый оклад — 512 рублей [НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 35].
- ⁴⁹ Там же. Л. 39–40.
- ⁵⁰ НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 40.
- ⁵¹ Там же. Л. 55–55 об.
- ⁵² Одновременно исполнял обязанности Делопроизводителя того же Отдела.

⁵³ Там же. Л. 65.

⁵⁴ Там же. Л. 70 об.

⁵⁵ Там же. Л. 56, 69, 70 об.

⁵⁶ НА РК. Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 84/2503. Л. 30.

⁵⁷ Там же. Л. 35.

⁵⁸ Там же. Л. 41.

⁵⁹ НА РК Ф. Р-528. Оп. 20. Д. 313/10404. Л. 40.

⁶⁰ Сведения датированы 27 августа 1919 года [НА РК. Р-528. Оп. 21. Д. 29/924. Л. 72].

Список источников

1. Петров И. В. Православное духовенство Севера России между белыми и красными в 1918–1920 годах // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. Вып. 44. С. 74–100.
2. Комягина А. Н., Золотухин С. В. Северное духовенство в эмиграции: жизненный путь о. Иоанна Лелюхина и о. Николая Подосенова // Казачество. 2024. № 75. С. 266–274.
3. Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 269 с.
4. БардILEVA Ю. П. Русская православная церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: МГГУ, 2015. 253 с.
5. Змеева О. В. К антропологии религиозной жизни в период Первой мировой войны: вагон-церковь на Мурманской железной дороге (1915–1918 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 14–26.
6. Благовещенский Николай Сергеевич. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/12233/> (дата обращения: 11.08.2025).

References

1. Petrov I. V. Pravoslavnoe dukhovenstvo Severa Rossii mezhdru belymi i krasnymi v 1918–1920 godakh [The Orthodox Clergy of Northern Russia between the Whites and the Reds in 1918–1920]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta* [Bulletin of the St. Philaret Institute], 2022, No. 44, pp. 74–100. (In Russ.).
2. Komyagina A. N., Zolotukhin S. V. Severnoe dukhovenstvo v eh migracii: zhiznennyj put' o. Ioanna Lelyukhina i o. Nikolaya Podosenova [The Northern Clergy in Exile: The Life Paths of Fr. Ioann Lelyukhin and Fr. Nikolai Podosenov]. *Kazachestvo* [Cossacks], 2024, No. 75, pp. 266–274. (In Russ.).
3. Basova N. A. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v Karelii v 1918–1941 godakh. Diss. kand. ist. nauk.* [The Russian Orthodox Church in Karelia in 1918–1941. PhD (History) diss.]. Petrozavodsk, 2006, 269 p.
4. Bardileva YU. P., *Russkaya pravoslavnaya cerkov' na Kol'skom Severe v pervoj polovine XX veka* [The Russian Orthodox Church in the Kola North in the First Half of the 20th Century]. Murmansk, MGGU, 2015, 253 p.
5. Zmeeva O. V. K antropologii religioznoj zhizni v period Pervoj mirovoj vojny: vagon-cerkov' na Murmanskoy zheleznoj doroge (1915–1918 gody) [On the anthropology of religious life during the First World War: a church car on the Murmansk Railway (1915–1918)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2024. Vol. 3, No. 4, pp. 14–26. (In Russ.).
6. *Blagoveshchenskij Nikolaj Sergeevich* [Blagoveshchensky Nikolai Sergeevich]. (In Russ.) Available at: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/12233/> (accessed: 11.08.2025).

Информация об авторе

О. В. Змеева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O.V. Zmeeva — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 39: 771.534.525 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.009

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПАМЯТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ В СЕМЬЯХ СОТРУДНИКОВ КНЦ РАН

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, e.busireva@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002->

Аннотация

В статье представлен обзор визуальных источников, хранящихся в семьях сотрудников Кольского научного центра РАН. Внимание к старым фотоснимкам и памятным предметам характерно для семей, которые заинтересованы в трансляции историко-семейных знаний и памяти семейно-родственной общности и нацелены на межпоколенную преемственность культурных ценностей. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что практика сохранения и передачи знаний об истории рода, в том числе благодаря наличию семейных архивов и реликвий, определяется не только культурно-образовательным уровнем, но и прежде всего личной заинтересованностью членов семьи.

Ключевые слова:

визуальные источники, памятные предметы, академическое сообщество, Кольский научный центр, история семьи, семейная память

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. Визуальные источники и памятные предметы в семьях сотрудников КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки, 2025. Т. 4, № 4. С. 78–94. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.009.

Original article

VISUAL SOURCES AND MEMORIAL ITEMS IN THE FAMILIES OF THE EMPLOYEES OF THE KSC RAS

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002->

Abstract

The article presents an overview of visual sources stored in the families of the Kola Science Center employees. Interest in old photographs and memorabilia is typical for families that are interested in transmitting historical and family knowledge and the memory of the family and kinship community and are aimed at intergenerational continuity of cultural values. The conducted research allowed us to conclude that the practice of preserving and transmitting knowledge about the history of the family, including due to the presence of family archives and relics, is determined not only by the cultural and educational level, but also, above all, by the personal interest of family members.

Keywords:

visual sources, memorabilia, Academic community, Kola Science Center, family history, family memory

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center «Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences». No FMEZ-2024-0002.

For citation:

Busyreva E. V. Visual sources and memorabilia in the families of employees of the KSC RAS // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 4, No. 4. P. 78–94. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.009.

Введение

В антропологии устойчив интерес к исследованию самых различных социальных групп, в том числе и академического сообщества [1: 133]. Академическое сообщество при этом рассматривается не только как объединение сотрудников научно-исследовательских институтов, но и в качестве

сообщества, имеющего общие повседневные практики, передающиеся как традиция [1: 134]. К таким общепринятым традициям в академических семьях относятся разные способы передачи знаний о своем роде последующим поколениям. В данной статье анализируются материалы, полученные у представителей семей Кольского научного центра в 2024–2025 годах. Рассматривались семьи, члены которых являлись сотрудниками КНЦ на протяжении двух-трех поколений. Полевые материалы включают полуструктурированные интервью, фотографии мемориальных предметов, копии фотографий и документов семейных архивов. Был проведен контент-анализ визуальных источников, рассмотрены памятные предметы, хранящиеся в семьях.

Интерес историка к визуальным источникам и памятным предметам обусловлен тем, что они являются вещественным свидетельством о прошлом семьи; состав архива дает информацию о своих владельцах. А самым главным в любом историческом источнике, в том числе и визуальном, является его информативность [2: 164]. Однако данные источники часто используются только для иллюстрации определенного исследования и лишь изредка становятся самостоятельным объектом изучения. Поэтому сбор и анализ данных по мемориальной культуре отдельных семейно-родственных общностей различных социальных групп представляется актуальным, несмотря на большое количество материалов, публикуемых и выкладываемых на интернет-ресурсах. Нас интересовало, насколько важным для академических сотрудников является культурная деятельность, нацеленная на сохранение знаний об истории рода, в том числе и практика передачи потомкам визуальных источников и памятных предметов.

Изучением семейных архивов и памятных предметов углубленно занимались И. А. Разумова и О. А. Сулейманова¹. В определении понятий исторических источников мы опираемся на работы Л. Н. Пушкарева, С. О. Шмидта, который представил классификацию изобразительных источников, и В. В. Алексеева². Исторические источники разделяются по способу передачи информации на письменные, устные, изобразительные, памятные вещи и другие.

Визуальные источники

В последнее время наблюдается рост интереса к визуальным источникам. В статье визуальные и изобразительные источники используются в качестве равнозначных синонимов. Визуальные источники — это исторические источники, которые содержат информацию, заключенную в определенных визуальных образах (например, фотографии, генеалогические схемы, рисунки) [2: 159]. С. О. Шмидт также относил к визуальным (изобразительным) источникам фотографии, генеалогические схемы и рисунки, при этом подчеркивая, что всякая классификация условна [3: 87, 89], а исторические источники — это все, что содержит историческую информацию (исторические процессы и «окружающая человека естественно-географическая среда») [3: 68].

Семейные фотографии

Общепризнано, что фотографии являются одним из источников по истории повседневности, семьи, материального мира людей в разные периоды, общественной и частной жизни и быта³. Как подчеркивает С. О. Шмидт, фотографии специально были созданы «с целью сохранения в будущем памяти о чем-то или о ком-то» [3: 77].

Интерес к семейным фотографиям, особенно конца XIX — начала XX века, вызван тем, что за сто лет они стали «аттрактивным видом памятника» [7: 760]. Визуальные фотоисточники не только сохранили для потомков образы давно ушедших предков, но и зафиксировали внешние характеристики семьи. Несомненно, дореволюционные фотографии считаются в семьях наиболее ценными. Такие сохранились в четырех семьях наших информантов: Е. Я., Е. Б., В. А. и М. И. На фотографии семьи из архива Е. Я. (рис. 1) стоит Екатерина Николаевна фон Ренкуль (урожденная княжна Оболенская). Е. Я. сказала, что ее «назвали в честь бабушкиной мамы»⁴. Рядом с прабабушкой стоит ее зять, муж младшей дочери Любови, Александр Евграфович Лашинский (дед информанта). Нижний ряд: зять, муж старшей дочери Веры, юрист Коровко; Миша; Вера Амандовна Коровко (урожденная фон Ренкуль); Татьяна (1906 г. р.), мать Е. Я.; Любовь Амандовна Лашинская (урожденная фон Ренкуль, 1880 г. р.), бабушка Е. Я.

Рис. 1. Семья фон Ренкуль. ~1910 год. Санкт-Петербург. Из СА информанта Е. Я.

Снимок семьи сделан в фотосалоне, поэтому имеет свойства показной, парадной фотографии. Это видно по определенным позам, праздничным нарядам и фону. При интерпретации фотографии сведения, полученные во время интервью, сопоставлялись с информацией, размещенной в интернете, что помогло получить более достоверную информацию.

Следующая дореволюционная фотография более позднего времени также из семейного архива Е. Я. (рис. 2).

Рис. 2. Дед, мать и дядя. Из СА информанта Е. Я.

На ней запечатлены дед (отец матери информанта Е. Я. Татьяны) Александр Евграфович Лашинский, полковник (1879–1930), мать Татьяна (1906–1948) и дядя Александр (1908–1980). Как сказала Е. Я.: «В тридцать пятом году дядю отправили в ссылку»⁵ вместе со своей матерью Любовью Амандовной. Подтверждение этих слов находим в ГАРФ (сведения размещены на сайте pkk.memo.ru): «Лашинский Александр Александрович, родился в 1908 (отец дворянин, офицер русской императорской армии, преподаватель на командирских курсах РККА, в 1930 скончался; мать, Лашинская Любовь Амандовна). Получил среднее образование, с 1925 работал по найму, с 1932 работал механиком, поступил на учебу в заочный институт. В марте 1935 выслан с матерью из Ленинграда в Атбасар Актюбинской области. В начале 1936 по ходатайству юридического отдела Помполита был переведен в Риддер (город на востоке Казахстана. — Прим. авт.), работал конструктором-механиком на комбинате “Алтайполиметалл”»⁶. В этом же архиве хранится автограф А. А. Лашинского, относящийся к этому же времени: «Отец дворянин, бывший офицер. В течение нескольких месяцев отец был на территории, занятой белыми. До того и после служил в Красной Армии преподавателем военных предметов на Командирских курсах. Умер отец в 30 г. Происхождения своего никогда не скрывал»⁷. По всей видимости, семья была выслана из Ленинграда из-за того, что дед А. Е. Лашинский служил офицером русской императорской армии и какое-то время находился «на территории, занятой белыми». Военная служба была традиционным видом деятельности для мужчин из дворянских семей. Из интервью Е. Я.: «У нас в роду все мужчины в кадетском корпусе учились. Из бедного дворянства. Они все, как это было принято, отдавались в военные училища. Это бесплатно. После окончания службы они продолжали получать пенсию. Офицеры уходили в отставку и получали пенсию, равную их жалованью. То есть, никакого урона семье не было. Кто-то после окончания шел на военную службу, а кто-то оставался преподавать. Так вот мои все родичи оставались преподавателями»⁸.

Подобные старые семейные фотографии ценны тем, что позволяют окунуться в историю, приобщиться к родственному, а значит, и личному прошлому. Особенно важно, если есть основания для гордости, когда в числе твоих предков «выдающиеся люди». В данном случае дед — Александр Евграфович Лашинский — потомок А. В. Суворова, его мать — Елена Дормидонтовна Лашинская (урожденная Савельева) — правнучка дочери А. В. Суворова Натальи Александровны Суворовой. Как сказала во время интервью Е. Я.: «Я у бабушки ничего не расспрашивала. Я говорила ей — “ты бабушка — буржуйка”. А я комсомолка была, человеком своего времени. Когда-то Маринка⁹ интересовалась и рисовала. Вот, когда она болела, она четыре года болела, когда химию делала, у нее время было. У нее записи черновые были. Я всё собираюсь сесть и оформить»¹⁰. К сожалению, Марина не успела завершить начатое, а автору не удалось найти связующее звено между дочерью Суворова и прабабушкой Е. Я.

Дореволюционные фотографии хранятся также в семье информанта Е. Б. (рис. 3, 4).

На рисунке 3 справа — прабабушка Александра Васильевна Масалёва (урожденная Цветкова) (1873–1954). Она вышла замуж в 1896 году за Масалёва Ивана Васильевича (1874–1911), который умер в возрасте 36 лет от туберкулеза. И. В. Масалёв в «1903 году поступил в Губернское воинское присутствие»¹¹. Работал делопроизводителем Вельского уездного присутствия по воинской повинности¹², затем был переведен в Вологду. На фото (рис. 4) он вместе со старшей дочерью Варварой (1902–1985), бабушкой Е. Б. Дата съемки — 1905 год — приблизительная, установлена исходя из возраста бабушки. Семья была многодетной: за пятнадцать лет совместной жизни родилось пять сыновей и четыре дочери. Первый сын умер через три дня после рождения, а две девочки родились мертвыми. После смерти мужа прабабушка получала пенсию. Кроме того, младшая дочь Зоя (1905–1991) была определена в Московский институт благородных девиц за государственный счет (рис. 5).

Групповая фотография была сильно повреждена, так как снимок сделан на фоне портретов императора Николая II и его супруги императрицы Александры, поэтому «бабушка Зоя очень боялась, чтобы не нашли эту фотографию»¹³. Интересно, что она до конца своих дней помнила французский язык. «Как вспоминала бабушка Зоя, в институте благородных девиц им не разрешали говорить по-русски. Глядя на нее, сразу было видно, что она “из бывших”: прямая спина, шляпка, брошка, волосы накручивала на папильотки. И оба ее мужа тоже были из дворян. А за раскулаченного, который любил ее всю жизнь до самой смерти, отказалась выходить замуж. Потом он занимал высокий пост в Москве.»¹⁴

Рис. 3. Из СА информанта Е. Б.

Рис. 4. ~1905 год. Из СА информанта Е. Б.

Рис. 5. Зоя Масалёва во втором ряду третья справа. Из СА информанта Е. Б.

Снимок отца В. А. (1905–1986) вместе с сестрой (рис. 6) сделан предположительно в селе Новоселки Смоленской губернии. До революции дед В. А. работал на стекольном заводе купца Нечаева-Мальцева¹⁵. Об этой фотографии В. А. сказал, что это единственное имеющееся у него изображение отца в детском возрасте.

Рис. 6. Отец и его старшая сестра (справа). Из СА информанта В. А.

По мнению В. В. Нурковой, групповые снимки — наиболее распространенное «содержание семейного фотоальбома, основная функция которого заключается в накоплении и стабилизации социального капитала семьи. Также семейные фотоснимки оказывают влияние на формирование личности, способствуют объединению семейно-родственной общности» [8]. Мало семей, у которых в СА сохранились фотографии конца XIX — начала XX века, поэтому это очень ценная часть семейной истории, которую важно сохранить как для прямых потомков, так и в качестве общекультурного исторического достояния.

В семьях есть фотографии, которые относятся к первым годам советской власти. Информант В. К дал пояснение к снимку отца (1898–1974) (рис. 7): *«Мой отец в семнадцатом году был в Петрограде. Здесь ему девятнадцать лет. Он служил старшим писарем Лейб-гвардии резервного Семеновского полка и имел возможность лицезреть царских дочерей и некоторых представителей царской семьи. И был очень высокого мнения об их культурности и тактичности. На груди — это не орден, а значок Семеновского полка. Эта фотография — самое ценное, что есть в нашей семье»*¹⁶. Предки В. К. — из Беларуси и Польши. В 1921 году после демобилизации его отец вернулся в родную белорусскую деревню. Кроме того, что крестьянствовал, работал еще учителем начальных классов. В 1930 году семью раскулачили и выслали из белорусской деревни на апатитовые разработки в Хибиногорск¹⁷.

Фотография прапрабабушки М. И. (рис. 8) выполняла функцию пропуска, выданного Управлением Юго-Западных железных дорог. Точная дата снимков известна благодаря надписям на обратной стороне.

Рис. 7. Отец В. К. Петроград, 28.12.1917 г.
Из СА информанта В. К.

Рис. 8. Прапрабабушка М. И., 17.06.1919 г.
Из СА информанта М. И.

Следующая фотография относится к 1924 году и хранится у информанта В. А. (рис. 9). На снимке отец в составе Трудколлектива из демобилизованных красноармейцев. В автобиографическом очерке отец записал свои воспоминания о тех годах: «В начале 1924 г. был издан приказ по ВОГПУ о демобилизации всех несовершеннолетних. И меня в соответствии с этим приказом демобилизовали. Как демобилизованный красноармеец я был направлен в общежитие для демобилизованных, зачислен на биржу труда как безработный и получал пособие по безработице. Время от времени нас посылали на работы, так называемые «общественные работы», состоявшие во всякой черной и грязной работе. Затем из демобилизованных красноармейцев был организован «трудовой коллектив» по реализации отходов дрожже-винокуренных и пивоваренных заводов. В этот трудколлектив попал и я. Безработица тогда была жуткая, поэтому попасть в трудколлектив была большая честь для каждого. Проработал в трудколлективе в качестве рабочего до осени 1927»¹⁸.

Рис. 9. Отец (лежит в первом ряду в центре). Минск. 1924 год. Из СА информанта В.А.

Фотография матери Е. Я. (рис. 10) также имеет точную датировку, поскольку на обратной стороне послание зятя (отца Е. Я.) теще (Любови Амандовне фон Ренкуль/Лашинской). Особенно понравилось обращение к теще: *«Дорогой бабуся от похитителя ее доченьки»*. О матери и бабушке Е. Я. рассказала: *«Мама курсы машинисток окончила, и была очень востребована, потому что очень грамотная была. Её на все ответственные заседания таскали. А бабушка окончила институт благородных девиц в Казани»*¹⁹. В довоенные годы работа машинисткой была распространенным занятием для образованных женщин. Еще раз подчеркнем, что наличие сопроводительного текста к фотографии крайне важно, так как атрибуция помогает определить, кто изображен на снимке, место и дату проведения съемки и даже рассказать об отношениях между людьми [9: 239–240].

Рис. 10. Татьяна (урожденная Лашинская, 1906–1948). 1930 год. Из СА информанта Е. Я.

Запечатленная на фото ребенком бабушка информанта Л. П. Евгения (1929–2017) — будущая кандидат химических наук, старший научный сотрудник КФАН/КНЦ (рис. 11). Как уточнила Л. П., *«бабушка с кудряшками»*²⁰. Сидит — тетя бабушки, рядом стоит бабушкина кузина. У бабушки предки до советской власти были священнослужителями из Вологодской области, за что прадед и был сослан в Сибирь²¹.

Следующий снимок (рис. 12) относится уже к 1943/1944 годам, на нем дед М. К. Константин Никитич, ветеран Великой Отечественной войны. О своем деде и его брате М. К. сообщил интересный факт: *«Константин Никитич, отец моего отца, и Павел Никитич (отец информанта В. К., таким образом, М. К. — родной племянник В. К. — Прим. автора) — они родные братья. Женились на родных сестрах. Они все родом из соседних деревень Беларуси. Вот деревня Дёмкино была построена нашими предками еще в тысяча восемьсот пятом году, пращуром Трифоном»*²².

Старые фотографии являются обязательным атрибутом любого семейного архива. Благодаря этим снимкам формируется групповая идентичность [10: 40]. По фотографиям (в первую очередь по одежде изображенных) можно определить социальный статус семьи, детали ее быта, не говоря уже о внешнем и даже внутреннем облике далеких и недавних предков на разных этапах жизни.

Рис. 11. Справа — бабушка Л. П. город Устюжна.
17.07.1931. Из СА информанта Л. П.

Рис. 12. Дед М. К. справа. Фото военных лет.
Из СА информанта М. К.

Рисунки

Помимо фотографий, домашние архивы иногда содержат и другие виды визуальных источников, в частности, рисунки.

У информанта Е. Б. сохранился рисунок, точнее, дружеский шарж, изображающий ее отца (рис. 13). Рисунок довольно точно отображает не только внешность отца, но и его характер (в данном случае, упорство с целью достичь желаемого — рюкзак больше человека), увлечения (охота и рыбалка). На рисунке также есть схематичная карта маршрута. К сожалению, автор рисунка неизвестен. Удалось распознать некоторые подписи сотрудников лаборатории Горного института: Л. С. Воронковой (супруги Н. А. Воронкова), Л. В. Шевелёва (не только коллеги по работе, но и товарища по досугу), Зинаиды Пановой, Галины Шадриной (в замужестве Енютинной). Благодаря этому рисунку мы вспоминаем людей, работавших в Горном институте КФАН в 1970-х годах.

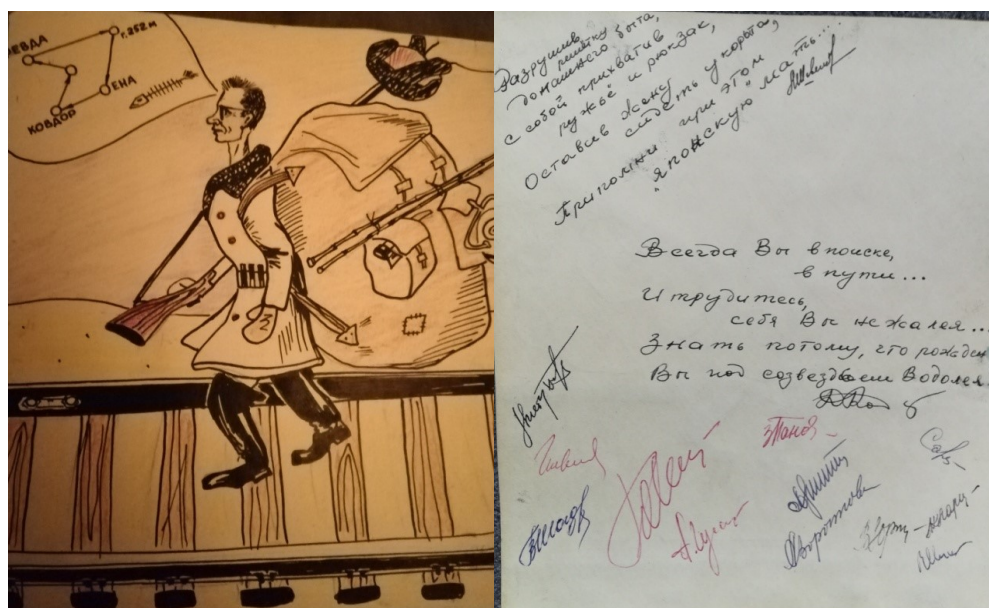

Рис. 13. Отец Е. Б. Из СА информанта Е. Б.

В двух семьях есть картины, созданные родственниками: дядей Е. Я. и тетей Е. Б. Поскольку это натюрморты и пейзажи, они не рассматриваются нами как исторические источники.

Генеалогическое древо

Изображение генеалогического древа также относится к визуальным источникам. Во многих семьях сотрудников такое древо есть, в частности, у М. К. и Л. П. (рис. 14). У семьи Л. П. обширный архив. Выстроенная в виде схемы генеалогия особенно впечатляет. Над ее воссозданием работала не только Л. П., но и ее младшая сестра, и остальные родственники.

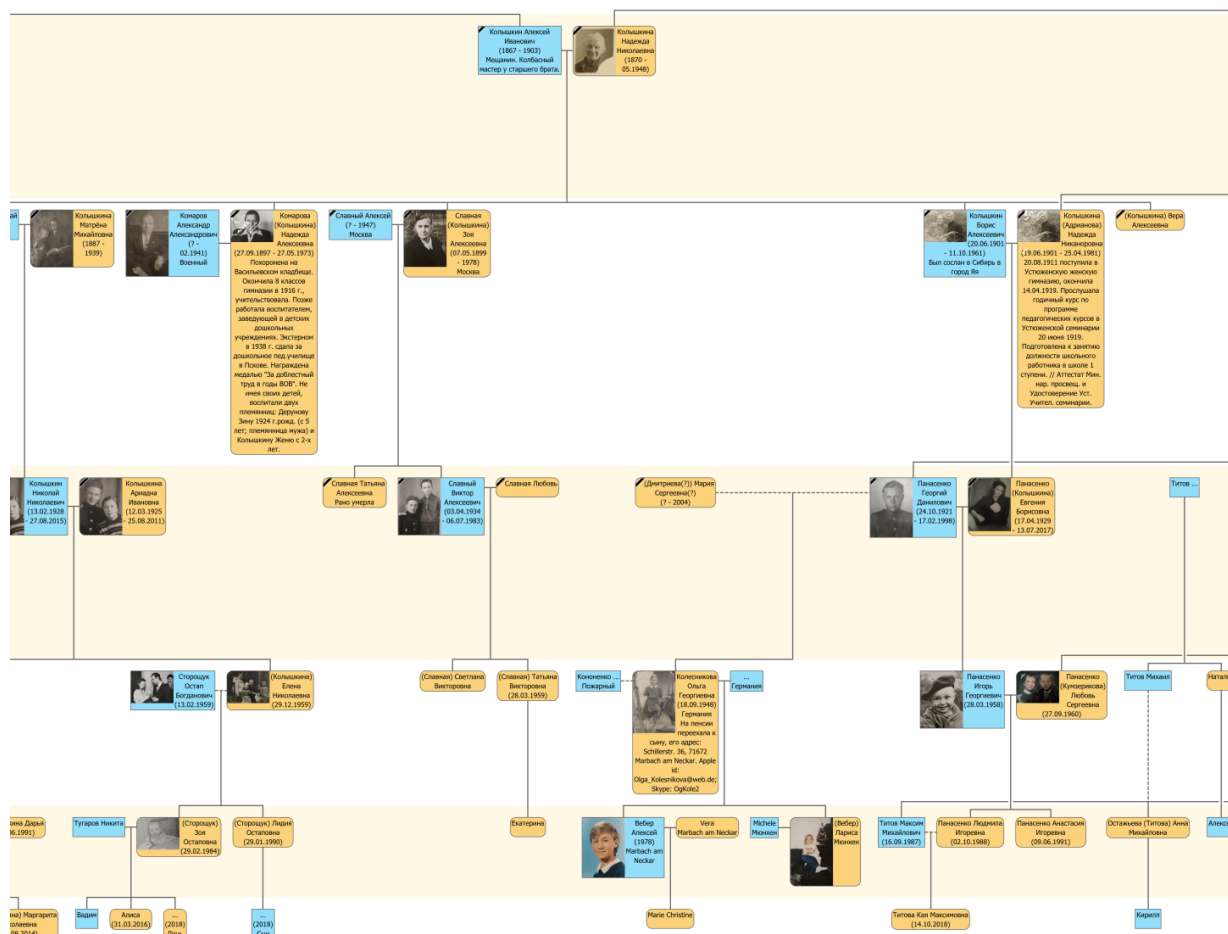

Рис. 14. Часть генеалогического дерева рода. Из СА информанта Л. П.

М. К. и его отец также составили внушительное генеалогическое древо: «*Отец с девяностых годов занимался древом. Я сейчас это дело поддерживаю. У нас древо с тысяча восемьсот пятого года. Но мы дальше копаем. Компьютерную программу нашел. Вначале это всё на бумаге велось. Сейчас компьютерная версия*»²³. Благодаря этой творческой работе, в 2024 году семья М. К. стала победителем конкурса, организуемого АНО «Россия — страна возможностей», «Это у нас Семейное» от Мурманской области, так как одна из задач конкурса — вспомнить и собрать историю своей семьи, исследовать семейные корни [11: 40].

В семье Е. Я. собирать сведения об истории рода начала младшая дочь, которая работала научным сотрудником в КНЦ. В семье Е. Б. вместо древа составлялись родословные росписи отдельно по отцовской и материнской линиям. Поколенная роспись, в отличие от генеалогического древа, имеет вид списка поколений предков²⁴, поэтому роспись вряд ли можно отнести к визуальным

источникам. Составление генеалогического древа осуществляется благодаря устным рассказам старшего поколения и наличию письменных источников, например, биографических документов родственников, различного вида записей предков.

Ценность рассматриваемых источников заключается в том, что они позволяют получить дополнительную информацию, «далеко не всегда фиксируемую источниками других типов и видов: о внешней, зримой стороне событий, явлений, предметов» [12: 775–776]. Также значение визуальных источников заключается в том, что они помогают реконструировать биографии отдельных родственников, наглядно отображают историю рода [13: 105].

Памятные предметы

Памятные предметы относятся к вещественным источникам, включающим все движимые предметы материального мира (материальные источники). Они являются источниками, так как способны передавать информацию [2: 162, 160]. Памятные предметы (в особенности семейные реликвии) обладают высоким статусом, содержат сведения об истории семьи, передаются по наследству [14: 161–174; 15: 399].

Распространенными памятными предметами в семьях наших информантов являются серебряные ложки, доставшиеся от предков. Особенно ценны те, на которые наносилась гравировка вензеля владельца, памятной даты. Например, в семье Е. Б. сохранились столовая и чайная ложки с дарственными надписями, подаренные отцу на день рождения: чайная — тетей жены, а столовая — ее мужем. Благодаря гравировке сохраняется информация о семейных событиях и ушедших родственниках.

Значимыми семейными реликвиями являются ордена и медали. Они считаются смешанными источниками: и вещественными, и письменными, так как содержат надписи [3: 88] (к этой же категории можно отнести фотографии, имеющие надпись, и реликвии с гравировкой). Награды включаются в круг памятных предметов самой высокой нематериальной ценности [15: 401–404]. Ордена и медали, свидетельствующие о высоких достижениях родных, есть практически в каждой семье наших информантов. В статье представлены награды (рис. 15–20), полученные за трудовые достижения. Это орден «Знак Почета», врученный отцу Е. Б. в 1981 году (рис. 15), серебряная медаль ВДНХ за успехи в народном хозяйстве СССР (рис. 16). Отец Д. М. был награжден орденом «Дружбы» (рис. 17) и медалью «Ветеран труда» (рис. 18). Информант В. К. — медалью «Ветеран труда Мурманской области» (рис. 19) и медалью «Заслуженный изобретатель РФ» (рис. 20), которую ему вручал губернатор Мурманской области А. В. Чибис в 2019 году.

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

К семейным реликвиям информанты относят и школьные медали. Например, в семье Д. М. сохранились серебряные медали родителей, которые им были вручены по окончании школы, а также серебряная медаль отца «За відмінні успіхи та зразкову поведінку» (за отличные успехи и образцовое поведение) (рис. 21). Отец Д. М. окончил школу в городе Винница в 1954 году²⁵. К сожалению, довоенные реликвии не сохранились, так как в конце июня 1941 года семья вынуждена была бежать из Минска, «взяв только документы, деньги и самые необходимые вещи. Дом был разрушен в ходе боев»²⁶.

Рис. 21. Серебряная медаль «За відмінні успіхи та зразкову поведінку» (за отличные успехи и образцовое поведение). Из СА информанта Д. М.

К семейным реликвиям относят и некоторые книги, свидетельствующие о достижениях предков. Например, у М. И. сохранилось издание 1907 года, в котором один из разделов посвящен изобретению нового вида парты прапрадедом информанта (рис. 22). Особую ценность представляет пояснение, сделанное самим прапрадедом.

Среди памятных семейных предметов отдельное место занимают вещи, связанные с увлечениями предков, например, оружие. В семье Е. Б. хранится спортивно-охотничье двуствольное ружье отца (рис. 23). Ружье эксклюзивное, было изготовлено примерно десять таких ружей по заказу ленинградского общества охотников.

Е. Б. пересказала воспоминания отца: «Когда папа в пятьдесят втором году вернулся с семьей из Батагая в Ленинград, он захотел приобрести ружье на сэкономленные деньги. Зашел в охотничий магазин и увидел это ружье. Оказывается, общество не стало выкупать весь заказ, и несколько ружей выставили на продажу. Тогда купить охотничье ружье было намного проще»²⁷.

В заключение заметим, что достоверными сведениями обладают те фотографии или семейные реликвии, которые можно сопоставить с другими источниками, письменными или устными. Значение визуальных источников и семейных реликвий заключается в том, что они являются связующим звеном между поколениями, поддерживают семейно-родственную идентичность, способствуют сохранению и передаче памяти об истории рода и об отдельных его представителях.

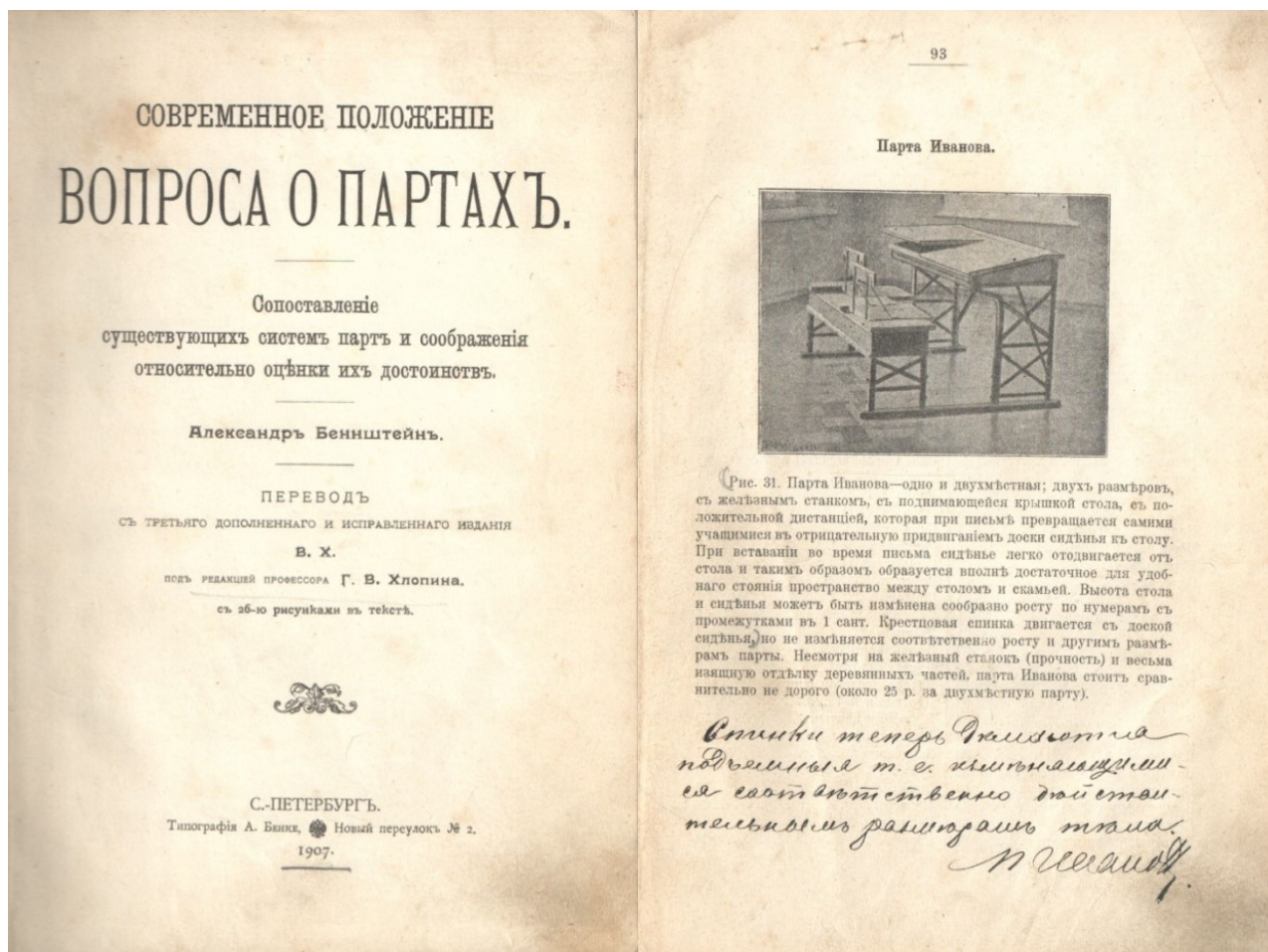

Рис. 22. Из СА информанта М. И.

Рис. 23. Спортивно-охотничье двуствольное ружье. Из СА информанта Е. Б.

Исследование показало, что все эти (и другие) памятные предметы и архивы бережно хранятся в большинстве семей и передаются далее по наследству. Развитая практика коммеморации характерна для семей с высоким культурным уровнем, в том числе академических. Привлечение младшего поколения к работе по сохранению и трансляции культурного опыта семьи, знаний о своем роде является проявлением наставничества со стороны старших [16: 5]. И такую деятельность, нацеленную на сохранение семейной истории, желательно было бы популяризировать [17: 267]. Однако все зависит от заинтересованности членов семьи в подобной деятельности. Проведенное исследование показало, что не во всех семьях академического сообщества есть довоенные фотографии родственников, памятные вещи, генеалогическое древо. На то могут быть объективные причины, связанные с драматическими событиями, переездами, утратами. Некоторые не знают ничего о своих предках дальше дедов. Однако, судя по нашим материалам, можно констатировать, что у подавляющего большинства академических сотрудников развит интерес к семейной истории, который они стремятся поддерживать с помощью памятных предметов и визуальных источников.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

КНЦ РАН — Кольский научный центр Российской академии наук

КФАН — Кольский филиал академии наук, 1949–1988 годы

ПМА — полевые материалы автора

Помполит — организация помощи политическим заключенным Политический Красный Крест

СА — семейные архивы

Примечания

¹ См., напр.: Разумова И. А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы // Сборник МАЭ. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. Т. LVII. С. 63–70; она же. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: МОНФ, 2001. № 129. Серия «Научные доклады». С. 93–115; Сулейманова О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2(21). Вып. 5. С. 58–67; она же. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского севера. М.: Наука, 2021. 191 с.; [14–16] и др.

² См., напр.: Пушкирев Л. Н. Источники исторические // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 592; Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.; Алексеев В. В. Феномен изобразительных источников/визуальных источников: к вопросу о терминологии и классификации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. Г. Голиков. М., 2019. С. 90–101; [12] и др.

³ См., напр.: Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. 265 с.; [4: 289; 5: 491; 6; 15; 16; 18] и др.

⁴ ПМА. Информант Е. Я., 1932 г. р.

⁵ ПМА. Информант Е. Я., 1932 г. р.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. С. 1. Д. 1298. С. 16–24.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. С. 1. Д. 1484. С. 215.

⁸ ПМА. Информант Е. Я., 1932 г. р.

⁹ Марина — младшая дочь Е. Я., работала научным сотрудником в КНЦ.

¹⁰ ПМА. Информант Е. Я., 1932 г. р.

¹¹ СА информанта Е. Б., 1960 г. р. Из записной книжки И. В. Масалева 1905 года.

¹² Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда; Тип. Губернского правления, 1853–1916, 1912. С. 72.

¹³ ПМА. Информант Е. Б., 1960 г. р.

¹⁴ ПМА. Информант Е. Б., 1960 г. р.

¹⁵ СА информанта В. А., 1961 г. р. Из «Краткого автобиографического очерка», написанного отцом информанта.

¹⁶ ПМА. Информант В. К., 1944 г. р.

- ¹⁷ Из воспоминаний матери В. К.
¹⁸ СА информанта В. А., 1961 г. р. Из «Краткого автобиографического очерка», написанного отцом информанта.
¹⁹ ПМА. Информант Е. Я., 1932 г. р.
²⁰ ПМА. Информант Л. П., 1988 г. р.
²¹ СА информанта Л. П., 1988 г. р. Из генеалогической схемы.
²² ПМА. Информант М. К., 1975 г. р.
²³ ПМА. Информант М. К., 1975 г. р.
²⁴ Родословные росписи // Специальные исторические дисциплины / Европейский университет в Санкт-Петербурге / отв. ред. и сост. М. М. Кром. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003 (ГИПП Искусство России). С. 388–394. URL: <https://rusist.info/>
²⁵ СА информанта Д. М., 1968 г. р. Из автобиографии отца, написанной в 1987 году.
²⁶ ПМА. Информант Д. М., 1968 г. р.
²⁷ ПМА. Информант Е. Б., 1960 г. р.

Архивные материалы

Семейные архивы информантов: Е. Я., 1932 г. р.; В. К., 1944 г. р.; Е. Б., 1960 г. р.; В. А., 1961 г. р.; М. И., 1968 г. р.; Д. М., 1968 г. р.; М. К., 1975 г. р.; Л. П., 1988 г. р.

Список источников

1. Комарова Г. А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 133–150.
2. Беловинский Л. В. К вопросу о музейном источниковедении и вещественных источниках // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 2(112). С. 159–165. doi:10.24412/1997-0803-2023-2112-159-165.
3. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
4. Васильева Е. В., Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов // Вестник РГГУ. Серия: Социологические науки. 2012. № 2(82). С. 288–304.
5. Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29. № 3. P. 487–511.
6. Вахромеева О. Б. Семейные фотографии (из личного архива Н. С. Сабуровой) как исторический источник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-fotografii-iz-lichnogo-arhiva-n-s-saburovoy-kak-istoricheskiy-istochnik/viewer> (дата обращения: 12.06.2025).
7. Рубинина З. М. Проблемы исследования фотографии как изобразительного источника // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. Г. Голиков. Москва, 2019. С. 758–775.
8. Нуркова В. В. Зачем нужна семейная мифология? // Русский репортер. 2008. № 42(72). URL: http://www.rusrep.ru/2008/42/qa_nurkova/ (дата обращения: 06.06.2025).
9. Леонтьева О. Г. Региональные архивы как центры собирания, хранения, изучения и репрезентации фотодокументов — источников визуальной информации // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. Г. Голиков. М., 2019. С. 236–244.
10. Данилко Е. С. Путешествия к старообрядцам: видеоблоги как визуальный источник // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 38–51. doi: 10.33876/2311-0546/2024-3/38-51.
11. Бусырева Е. В. Воспоминания сотрудников КНЦ РАН о Великой Отечественной войне // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 1. С. 30–43. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.1.002.
12. Алексеев В. В. Проблема достоверности постановочных фото- и киносъемок // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. Г. Голиков. М., 2019. С. 775–786.
13. Бусырева Е. В. Семейные архивы как хранилище памяти об истории рода (на примере финских и карельских семей Мурманской области) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 16. Вып. 1. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет». 2022. С. 100–111. doi:10.35634/2224-9443-2022-16-1-109-120.
14. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М.: Индрик, 2001. 376 с.

15. Сулейманова О. А. Вещь в трансляции семейных и этнических традиций // Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общ. ред. И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. 2023. С. 395–436. doi: 10.37614/978.5.91137.510.0.
16. Разумова И. А. Семейное наставничество // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 5–19. doi: 10.37614/2949-1185.2024.3.2.001.
17. Бусырева Е. В. Коммеморативные практики как вид наставничества по сохранению памяти о прошлом семейно-родственной общности // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 260–269. doi: 10.33876/2311-0546/2024-3/260-269.

References

1. Komarova G. A. Nauchnoye soobshchestvo kak mezhdistsiplinarnoye issledovatel'skoye pole [Scientific community as an interdisciplinary research field]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political conceptology], 2011, Issue 1, pp. 133–150. (In Russ.).
2. Belovinsky L. V. K voprosu o muzeynom istochnikovedenii i veshchestvennykh istochnikakh [On the issue of museum source studies and material sources]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2023, Issue 2 (112), pp. 159–165. (In Russ.).
3. Schmidt S. O. *Put' istorika: Izbrannyye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The Historian's Path: Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow, RSUH, 1997. 612 p. (In Russ.).
4. Vasilyeva E. V., Strelnikova A. V. Biograficheskaya pamyat' gorodskikh semey: opyt analiza fotoal'bomov [Biographical memory of urban families: an experiment in analyzing photo albums]. *Vestnik RGGU. Seriya: Sotsiologicheskiye nauki* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Sociological Sciences], 2012, Issue 2(82), pp. 288–304. (In Russ.).
5. Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies. *Ethnic and Racial Studies*, 2006, Vol. 29, № 3, P. 487–511.
6. Vakhromeeva O. B. *Semeynyye fotografii (iz lichnogo arkhiva N.S. Saburovoy) kak istoricheskiy istochnik* [Family photographs (from the personal archive of N. S. Saburova) as a historical source]. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-fotografii-iz-lichnogo-arhiva-n-s-saburovoy-kak-istoricheskiy-istochnik/viewer> (date of access 12.03.2025).
7. Rubinina Z. M. Problemy issledovaniya fotografii kak izobrazitel'nogo istochnika [Problems of studying photography as a visual source]. *Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. st.* [The Role of Visual Sources in Information Support of Historical Science]. Auth.-compiled by E. A. Vorontsova; ed. by A. G. Golikov. Moscow, 2019, pp. 758–775. (In Russ.).
8. Nurkova V. V. *Zachem nuzhna semeynaya mifologiya?* [Why do we need family mythology?]. *Russkiy reporter* [Russian Reporter], 2008, Issue 42 (72). (In Russ.). Available at: http://www.rusrep.ru/2008/42/qa_nurkova/ (date of access 06.03.2025).
9. Leontyeva O. G. Regional'nyye arkhivy kak tsentry sobiraniya, khraneniya, izucheniya i reprezentatsii fotodokumentov — istochnikov vizual'noy informatsii [Regional archives as centers for collecting, storing, studying and representing photo documents – sources of visual information]. *Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. st.* [The Role of Visual Sources in Information Support of Historical Science]. Auth.-compiled by E. A. Vorontsova; ed. by A. G. Golikov. Moscow, 2019, pp. 236–244. (In Russ.).
10. Danilko E. S. Puteshestviya k staroobryadtsam: videoblogi kak vizual'nyy istochnik [Travels to the Old Believers: Video Blogs as a Visual Source]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2024, Issue 3, pp. 38–51. (In Russ.).
11. Busyreva E. V. Vospominaniya sotrudnikov KNTS RAN o Velikoy Otechestvennoy voyne [Memories of the Kola Science Center RAS employees about the Great Patriotic War]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Transactions of the Kola Science Center RAS. Series: Natural Sciences and Humanities], 2025, Issue 4(1), pp. 30–43. (In Russ.).
12. Alekseev V. V. Problema dostovernosti postanovochnykh Foto- i kinos'yemok [The problem of reliability of staged photo- and film shooting]. *Rol' izobrazitel'nykh istochnikov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. st.* [The Role of Visual Sources in Information Support of Historical Science]. Auth.-compiled by E. A. Vorontsova; ed. by A. G. Golikov. Moscow, 2019, pp. 775–786. (In Russ.).
13. Busyreva E. V. Semeynyye arkhivy kak khranilishche pamyati ob istorii roda (na primere finskikh i karel'skikh semey Murmanskoy oblasti) [Family archives as a repository of memory about the history of the family (on the example of Finnish and Karelian families of the Murmansk region)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies], 2022, Vol. 16, Issue 1, Izhevsk, Publishing center "Udmurt University", pp. 100–111. (In Russ.).

14. Razumova I. A. *Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennyye issledovaniya* [Secret knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History. Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research]. Moscow: Indrik, 2001, 376 p. (In Russ.).
15. Suleimanova O. A. Veshch' v translyatsii semeynykh i etnicheskikh traditsiy. Gumanitarnyye issledovaniya v Kol'skom nauchnom tsentre RAN: istoriya i osnovnyye napravleniya. Pod obsh. red. I. A. Razumovoy [Thing in the transmission of family and ethnic traditions. Humanitarian research in the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences: history and main directions. Under the general editorship of I. A. Razumova], Apatity: Publishing House of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 395–436. (In Russ.).
16. Razumova I. A. Semeynoye nastavnichestvo [Family mentoring]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities], 2024, Issue 3 (2), pp. 5–19. (In Russ.).
17. Busyreva E. V. Kommemorativnyye praktiki kak vid nastavnichestva po sokhraneniyu pamyati o proshlom semeyno-rodstvennoy obshchnosti [Commemorative practices as a type of mentoring to preserve the memory of the past of a family and kinship community]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2024, Issue 3, pp. 260–269. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 347.61+502.4(470.21):930.253
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.010

ОДНА ДОРОГА НА ДВОИХ: «ЗАПОВЕДНАЯ ЖИЗНЬ» О. А. МАКАРОВОЙ И А. М. ХОХЛОВА (ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВНОГО СЕМЕЙНОГО ФОНДА)

Мария Андреевна Рыбальченко

*Государственный архив Мурманской области в городе Кировске, Кировск, Россия,
rybalchenkoma@murmanarchiv.ru*

Аннотация

Документы личного происхождения, в том числе образующие архивные семейные фонды, являются ценным историческим источником. В статье рассматривается фонд Макаровой — Хохлова, который в ряду других семейных фондов находится в Государственном архиве Мурманской области в городе Кировске. Он включает дела личного происхождения с 1948 по 2022 годы и отражает профессиональную и общественную жизнь супругов-биологов, которые активно занимались изучением и охраной природы Крайнего Севера. А. М. Хохлов (1937–2012) — основатель и первый директор государственного природного заповедника «Пасвик», биолог-охотовед. О. А. Макарова (1937) — кандидат биологических наук, заслуженный эколог Российской Федерации. Материалы семейного фонда содержат немало фактической информации и профессиональных историй из жизни исследователей, практиков природоохранной деятельности и просветителей. Они являют собой пример прочного профессионального и супружеского союза.

Ключевые слова:

архив, семейный фонд, А. М. Хохлов, О. А. Макарова, охрана природы, просветительная деятельность, семейно-профессиональный союз

Для цитирования:

Рыбальченко М. А. Одна дорога на двоих: «заповедная жизнь» О. А. Макаровой и А. М. Хохлова (по документам архивного семейного фонда) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 95–100. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.010.

Original article

ONE ROAD FOR TWO: «THE RESERVE LIFE» OF O. A. MAKAROVA AND A. M. KHOKHLOV (BASED ON DOCUMENTS FROM THE ARCHIVAL FAMILY COLLECTION)

Maria A. Rybalchenko

State Archive of the Murmansk Region in Kirovsk, Kirovsk, Russia, rybalchenkoma@murmanarchiv.ru

Abstract

Personal documents, including those that form archival family funds, are a valuable historical source. The article discusses the Makarova-Khokhlov fund, which, along with other family funds, is located in the state archive of the city of Kirovsk, Murmansk region. It includes personal files from 1948 to 2022 and reflects the professional and social life of the married couple, biologists, who were actively involved in the study and protection of the nature of the Far North. A. M. Khokhlov (1937–2012) is the founder and first director of the Pasvik State Nature Reserve, a gamekeeper. O. A. Makarova (1937) is a candidate of biological sciences, Honored Ecologist of the Russian Federation. The materials of the family fund contain a lot of factual information and professional stories from the lives of researchers, nature conservation practitioners and educators. They are an example of a strong professional and marital union.

Keywords:

archive, family fund, A. M. Khokhlov, O. A. Makarova, nature conservation, educational activities, professional partnership, marital union

For citation:

Rybalchenko M. A. One road for two: «the reserve life» of O. A. Makarova and A. M. Khokhlov (based on documents from the archival family collection) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 95–100. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.010.

В государственном областном казенном учреждении «Государственный архив Мурманской области в г. Кировске» хранятся документы предприятий, организаций, учреждений, органов власти, в которых отражена история развития центрального и южного районов Кольского Севера, становление его промышленности, науки, культуры, общественно-политической жизни. Кроме них, к ценным историческим источникам относятся и документы личного происхождения, в том числе образующие архивные семейные фонды. Они занимают особое место, поскольку не только дополняют официальные документы о различных периодах и этапах развития территорий, общества, но и содержат информацию о том, как ход исторических процессов повлиял на судьбы конкретных людей. Зафиксированные в этих архивных документах события и исторические детали раскрывают нам и личность фондообразователя: ученого, писателя, общественного деятеля, врача или учителя, его семейные, профессиональные отношения, трудовую деятельность.

Формирование личных фондов имеет большое значение не только для архивного учреждения, но в целом для региона и страны. Кировские архивисты с 1992 года ведут целенаправленную и систематическую работу по комплектованию архива документами личного происхождения. На сегодняшний день в госархиве насчитывается 21 личный фонд и 3 архивные коллекции. В их числе архивный семейный фонд Макаровой — Хохлова (Р-391).

Супружеская пара Анатолия Михайловича Хохлова и Ольги Акиндиновны Макаровой известна всем специалистам природоохранной отрасли Мурманской области и Баренц-региона. Это был крепкий семейный и профессиональный союз двух увлеченных людей. Верные спутники в жизни и на работе — себя, свою трудовую деятельность (которая длилась более пятидесяти лет) они посвятили охране природы, ее богатств, изучению и сохранению животного и растительного мира.

Семейный фонд Макаровой — Хохлова включает документы, отражающие большой период жизни, в том числе профессиональной деятельности супругов-биологов: с 1948 по 2022 год. Первые материалы Ольга Акиндиновна передала в архив в 1987 году, затем было еще несколько поступлений, последнее — в 2023 году. Состав этого семейного фонда очень разнообразен. В него входят несколько видов документов: учебные пособия, статьи, лекции, научные отчеты, рукописи, книги, личная и деловая переписка, поздравительные письма, фотографии, материалы к биографии. В этих документах — почти вся история жизни Анатолия Михайловича и Ольги Акиндиновны. И в каждом архивном деле — не один ее яркий эпизод.

Их встреча в Иркутском сельскохозяйственном институте, вероятно, была предопределена свыше. Анатолий родом из Калинина (нынешняя Тверь), еще в 8 классе средней мужской школы он знал, куда будет поступать. Ранняя увлеченность охотой, рыбалкой, в 14 лет первая «ижевка» 16 калибра и настоящая охота в ближайшем охотничьем хозяйстве определили будущее. Выбор пал на факультет охотоведения Пушно-мехового института в подмосковном городе Балашихе. Но именно в год поступления институт решением партии и правительства был расформирован, а факультет переведен в Иркутск. Абитуриент Хохлов отправился в Сибирь¹. Там и познакомился с будущей супругой, уроженкой Перми, Ольгой Макаровой. Поженились на последнем курсе института. Тогда и переплелись не только их личные, но и профессиональные дороги.

Началось все с совместных исследовательских работ и практических занятий. Например, в марте 1959 года на научной студенческой конференции студенты-охотоведы Хохлов и Макарова представили доклад об охотничьем хозяйстве и бобрах Калининской области. Будущие дипломированные специалисты-охотоведы со свойственным им обоим системным подходом к вопросу охраны природы говорили о потребности в большем количестве квалифицированных кадров (а тогда кафедра охотоведения в Иркутском сельскохозяйственном институте была единственной в стране), о необходимости просвещения и разъяснительной работы среди населения².

Сразу после окончания вуза Анатолий Михайлович был принят в Завидовское научно-опытное охотничье хозяйство³. Сейчас это национальный парк Завидово. Чуть позже там стала трудиться и Ольга Акиндиновна. Работе в лучшем охотхозяйстве страны, гостями которого были известные

государственные деятели, в том числе иностранные мировые лидеры, посвящена немалая часть документов семейного фонда. Отдых VIP-персон в образцовом хозяйстве всегда сопровождался слухами, домыслами и байками. Но, как утверждал Анатолий Михайлович, ни кошек, переодетых в зайцев, ни циркового медведя, убежавшего от охотников на велосипеде, о которых «сенсационно» рассказывали в разное время журналисты, в Завидово не завозили. Были подсадные утки-кряквы, которые привлекали селезней во время охоты высоких гостей и содержались в специальных питомниках. На каждую из них был заведен личный номер и персональный дневник ее «работы»⁴. В материалах архивного семейного фонда сохранились воспоминания и статьи Анатолия Михайловича Хохлова, опубликованные в различных печатных изданиях, о том, как проходила охота высокопоставленных гостей и как к ней готовились сотрудники хозяйства. Например, есть материалы о первой встрече Анатолия Хохлова с Фиделем Кастро в 1962 году, который приехал в Завидовское охотхозяйство по приглашению Никиты Сергеевича Хрущева. Тогда утка кубинского гостя не закричала, на селезней внимания не обращала, что, правда, для завидовских егерей не было неожиданностью. Раз в сезон все утки по непонятным причинам отказывались «работать». В то же время у Хрущева утка оказалась надежной — молодой охотовед Хохлов провел с ней эксперимент во время подготовки к предстоящей охоте важных гостей (отсадил ее одну в темный сарай). Неудачной охотой Кастро в тот день был расстроен, но отнесся с пониманием. А вот Хрущев устроил разнос Хохлову. Анатолий Михайлович молчать не стал и смело ответил, что утки «по приказу не работают, они не члены КПСС, и в партийном порядке к совести зывать не получится»⁵. Несмотря на такой серьезный разговор Анатолий Михайлович вспоминал Хрущева как спокойного и уравновешенного человека с пронзительным взглядом и блестящей памятью⁶, хотя и любителя крепкого словца, чего категорически не допускал сам Хохлов.

После работы в Завидово Хохлов, как он сам говорил, стал уже профессионально заниматься охраной природы⁷. Работал в госохотинспекции при Калининском облисполкоме, организовывал заказники, занимался учетом численности охотничьих животных, восстановлением до промысловых размеров популяции животных⁸. В этот же период из Москвы ему пришло предложение войти в список экспертов по охоте и охране животного мира при Организации Объединенных Наций. Оставалось подучить английский язык и подготовить выездные документы, но в последний момент «ответственные исполнители» нашли след из 1937 года. Отец — враг народа, а сын якобы это скрыл. В действительности было не совсем так. В свое время мама Анатолия Михайловича специально развелась с мужем, чтобы дать возможность сыну спокойно вырасти и выучиться. Пришлось писать объяснительные записки, получить выговор. Экспертом ООН стать не удалось. Эта история стала сильным потрясением для А. М. Хохлова. Ольга Акиндинова говорила, что Анатолий Михайлович буквально впал в депрессию, все валилось у него из рук. И в этот момент вновь раздался звонок из Москвы: нужно поднимать Лапландский заповедник⁹. Приглашали на должность директора буквально на пару лет. Но Север, как утверждают северяне, «просто так людей не отпускает». Супруги Хохлов — Макарова связали свою жизнь с Кольским Заполярьем более чем на сорок лет.

В своих воспоминаниях «Откровения осколка номенклатуры», рукописи которых хранятся в семейном архивном фонде, Анатолий Михайлович признавался: «Крайний Север я видел впервые и опасался, что если это голая тундра, то просто не смогу её «воспринять», как в студенческие годы остался равнодушным к просторам степей, полупустынь и пустынь ... Казахстана. Оказалось, что здешний лес ... не хуже родного, тверского, и живность есть»¹⁰. Десять лет Анатолий Михайлович Хохлов руководил Лапландским государственным заповедником, возглавив его в 1970-м году в возрасте 33 лет. Ольга Акиндиновна, к тому времени уже кандидат биологических наук, стала трудиться в должности старшего научного сотрудника (рис. 1, 2).

Рис. 1. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 1. О. А. Макарова, ст. научный сотрудник, кандидат биологических наук, остров Кувшин, Баренцево море, 26.07.1972

Рис. 2. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 279. Л. 1. На переднем плане — О. И. Семёнов-Тян-Шанский, ученый, сотрудник Лапландского заповедника; на заднем плане — А. М. Хохлов, директор Лапландского заповедника

В 2025 году Лапландский заповедник отметил 95-летний юбилей. В кировском архиве образован фонд Лапландского государственного природного биосферного заповедника (Р-190, документы датируются с 1930 по 2008 год) Его история, исследовательская и научно-популярная деятельность отражены в том числе и в документах семейного фонда Макаровой – Хохлова. Например, в отчете о деятельности заповедника Ольга Акиндиновна выступает еще и в роли активного популяризатора и просветителя природной охранной деятельности на территории Мурманской области. Кем они с Анатолием Михайловичем и являлись. Макарова отмечала, что, несмотря на непростую историю заповедника (он закрывался в 1951 году, затем, в начале 1960-х годов, был

филиалом Кандалакшского заповедника), сотрудники не переставали вести большую научно-популярную работу, выступая с докладами на научных конференциях, публикуя статьи, рассказывая о заповедном деле в местной печати, на радио, встречах с учителями, школьниками. Сама Ольга Акиндиновна в 1980-х годах вела передачу на областном телевидении «Край морошковый», а за период с 1971 по 1984 год провела 294 лекции и беседы¹¹.

А. М. Хохлов работал в Лапландском заповеднике сначала директором, а затем старшим научным сотрудником, перейдя на эту должность по состоянию здоровья. За все время работы ему удалось сделать многое: построить Чунозерскую усадьбу, многократно увеличить штатную численность заповедника, укрепить материально-техническую базу, построить контору в Мончегорске.

Огромный вклад в дело охраны животного мира, пропаганды и совершенствования природоохранного законодательства, укрепления охотничье-рыболовных хозяйств внес Анатолий Михайлович и на посту начальника управления охотничьего хозяйства Мурманского облисполкома¹².

В материалах к биографии А. М. Хохлова, в архивном деле, содержащем личные документы ученого, такие как аттестат зрелости, копия диплома, студенческий билет и др., в школьной характеристике ученика 4 класса Толи Хохлова (Камелова) сказано: «Хорошая черта у него — правдивость и честность, хороший общественник»¹³. Таким он оставался на протяжении всей своей жизни, горячо отстаивая интересы и честь вверенных ему хозяйств. В начале 1990-х годов он сокрушался, что охотхозяйственные организации, поддавшись нестабильному времени, разрушили ранее действующую, пусть несовершенную, систему управления и охраны природы и ударились в погоню за прибылью, при которой интересы охотников и состояние животного мира отходили на второй план. Не оставался равнодушным к проблемам охотничьего хозяйства не по должностной обязанности, а потому что по-другому не мог. «Жить нужно честно и по совести, а работать — добросовестно», — говорил Хохлов.

Рядом с ним всегда была его верная спутница: жена, единомышленник, помощник, организатор и вдохновитель, ученый, педагог, признанный авторитетный специалист по животному миру Кольского полуострова, знаток дикого северного оленя, заслуженный эколог Российской Федерации, человек энциклопедических знаний, яркая и харизматичная Ольга Акиндиновна Макарова. Ее энергии хватало на множество идей и дел: экологическое воспитание и просвещение, в том числе работа над школьной региональной программой по географии, организация экологической школы, преподавание в мурманском вузе «Основ заповедного дела», активное международное сотрудничество, курсы норвежского языка, проект создания национального парка «Терский берег», Пазрецкого республиканского заказника. «Тяжело, но интересно!», — так писала в 1959 году в своем полевом дневнике юная, полная энтузиазма студентка Ольга Макарова, когда впереди еще были тысячи километров экспедиционных маршрутов¹⁴. И эту энергию Ольга Акиндиновна не растеряла с годами, наоборот, преумножила ее многократно. Впереди было много свершений.

Особое место в «заповедной жизни» Ольги Акиндиновны Макаровой и Анатолия Михайловича Хохлова занимал «Пасвик» — заповедник, расположенный за полярным кругом, на границе с Норвегией, и единственный в мире, чья территория полностью находится за системой пограничных сооружений. «Пасвик» стал третьим по счету государственным природным заповедником в Мурманской области и одним из самых молодых в России. Он был создан в 1992 году в непростых экономических условиях, но сумел стать высококвалифицированной научной и природоохранной организацией. История заповедника «Пасвик» отражена в книге О. А. Макаровой [1] и вышедшей почти десять лет спустя книге биолога и краеведа А. Горяшко, в которой использованы материалы научных и популярных публикаций сотрудников, а также документы из архива заповедника [2].

В самом начале сотрудникам необходимо было провести огромную работу: инвентаризацию ключевых объектов охраны, составить список растений и животных. Помощь тогда оказывали специалисты старейших заповедников области — Кандалакшского и Лапландского, а также Кольского научного центра РАН. В их числе Валентина Андреевна Костина, научный сотрудник Полярно-альпийского ботанического сада-института им. Н. А. Аврорина. Валентина Андреевна подготовила первый аннотированный список растений заповедника «Пасвик». (Личный фонд Валентины Андреевны Костиной также имеется в кировском госархиве (Р-435)).

Семья Макаровой — Хохлова — одна из идейных вдохновителей и организаторов заповедника, определивших жизнь «Пасвика». Неудивительно, что в семейном архивном фонде немалая

часть документов посвящена именно этому периоду жизни и работы супругов-биологов. Анатолий Михайлович Хохлов — первый директор «Пасвика», его «добрый гений», как говорили коллеги. Ольга Акиндиновна Макарова была главным научным сотрудником, легендой «Пасвика» и его радушной хозяйкой, ее пироги и борщ знали все ученые и студенты, которые бывали в тех краях. Вместе они отдавали себя служению и охране природы. Ольга Акиндинова признавалась, что для нее работа в «Пасвике» стала серьезным испытанием: приходилось много ездить, писать статьи, вести наблюдения, принимать гостей, проводить экскурсии, много и постоянно работать с финскими и норвежскими коллегами. Все окружение отмечало, что Ольгу Акиндину и Анатолия Михайловича всегда отличала бесконечная преданность своему делу, искренняя увлеченность и высочайший профессионализм. О. А. Макарова — автор более 300 научных работ, в том числе свыше 25 книг и учебников (в соавторстве); А. М. Хохлов — автор 50 научных публикаций¹⁵.

Анатолия Михайловича не стало в 2012 году. Ольга Акиндиновна работала до 2019 года, затем вышла на пенсию. Сейчас она живет в городе Гатчина Ленинградской области. Сотрудничество Ольги Акиндиновны Макаровой с кировским архивом продолжается, и наверняка в материалах, которые она планирует еще передать архиву, будет много интересных историй из жизни этих замечательных людей. Их «учили понимать природу», и ей они себя посвятили.

Примечания

- ¹ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
- ² ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 309. ЛЛ. 2, 28.
- ³ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.
- ⁴ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.
- ⁵ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
- ⁶ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 347. Л. 20.
- ⁷ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
- ⁸ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 31. Л. 11.
- ⁹ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
- ¹⁰ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 104. Л. 10.
- ¹¹ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.
- ¹² Историческая справка к ф. Р-391. Л. 6.
- ¹³ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
- ¹⁴ ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-391. Оп. 1. Д. 138. ЛЛ. 15, 23.
- ¹⁵ Многие их издания, прежде всего научно-популярные, представлены в электронной библиотеке «Кольский Север»: <http://kolanord.ru/index.php/authors/m/makarova-oa>; <http://kolanord.ru/index.php/authors/h/khokhlov-am>

Список источников

1. Макарова О. А. Мы два берега у одной реки. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 2013. 128 с.
2. Горяшко А. Полярный рай: Тридцать лет и три года заповедника «Пасвик». СПб., 2022. 304 с.

References

1. Makarova O. A. *My` dva berega u odnoj reki* [We are two banks of the same river]. Murmansk: Murmansk publishing house, 2013, 128 p. (In Russ.).
2. Goryashko A. *Polyarny`j raj: Tridczat` let i tri goda zapovednika «Pasvik»* [Polar paradise: Thirty-three years of the Pasvik Nature Reserve]. St. Petersburg, 2022, 304 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Рыбальченко — ведущий архивист отдела научно-информационной и справочной работы.

Information about the author

M. A. Rybalchenko — the leading archivist of the department of scientific information and reference work.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 069.536.3
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.011

ОСВЕЩЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКОГО СОСУДА ЭПОХИ НЕОЛИТА В МУЗЕЙНОЙ ВЫСТАВКЕ

Илья Александрович Травин

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, i.travin@ksc.ru

Аннотация

Цель статьи — обосновать необходимость определенного способа освещения керамического сосуда эпохи неолита для наиболее достоверного восприятия не только его формы и декора, но и смыслов культурного наследия, которые вкладывали в него создатели и пользователи как носители определенной культуры. В статье рассматривается возможность использования дополнительного освещения для упрощения построения связей между визуальным восприятием предмета музейной выставки — керамическим сосудом эпохи неолита — и нематериальным культурным наследием прошлого, где одно из значимых мест может быть отведено роли «человеческой личности». Трудности восприятия объемного предмета, имеющего декор на своей поверхности, могут быть преодолены с помощью направленного освещения, которое может или выделять декор, копируя освещение предмета в период его использования человеком тысячи лет назад, или помогать визуально выявить особенности формы сосуда путем создания «рефлекса» на теневой части.

Ключевые слова:

музейная выставка, керамический сосуд, освещение, культурное наследие, личность

Для цитирования:

Травин И. А. Освещение керамического сосуда эпохи неолита в музейной выставке // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 101–109. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.011.

Original article

LIGHTING OF NEOLITHIC CERAMIC VESSEL IN A MUSEUM EXHIBITION

Iliia A. Travin

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, i.travin@ksc.ru

Abstract

The purpose of the article is to substantiate the need for a certain method of lighting a ceramic vessel of the Neolithic era, for the most reliable perception of not only its shape and decor, but also the meanings of the cultural heritage that were invested in it by its creators and users as bearers of a certain culture. The article considers the possibility of using additional lighting to simplify the construction of connections between the visual perception of a museum exhibition object — a ceramic vessel of the Neolithic era and the intangible cultural heritage of the past, where one of the significant places can be given to the "human personality". The difficulties of perceiving a three-dimensional object with decoration on its surface can be overcome with the help of directional lighting, which can either highlight the decoration, copying the lighting of the object during the period of its use by man thousands of years ago, or help to visually reveal the features of the shape of the vessel, by creating a "reflex" on the shadow part.

Keywords:

museum exhibition, ceramic vessel, lighting, cultural heritage, personality

For citation:

Travin I. A. Lighting of Neolithic ceramic vessel in a museum exhibition // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 101–109. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.011.

Освещение предмета в музее — вопрос не только технический. Проблема освещения музейного археологического предмета находится в русле современных концепций организации музейного пространства и проблемы экспонирования нематериального культурного наследия через музейный предмет. Решение этого вопроса имеет научно-практическое значение как с исторической

точки зрения — для лучшего понимания сущности предмета, как он представлялся изготовителю, отделенному от нас веками, так и в аспекте проблем экспонирования музейных предметов с возможно более полной передачей их смыслов (или того, что сейчас принято называть «нематериальным культурным наследием»). Эти смыслы, как и эстетические свойства, связаны с культурой определенной эпохи, народа, региона через личность создателя экспонируемой вещи. Актуальные музееведческие подходы во многом нацелены именно на создание условий для восприятия современным человеком эстетической ценности и смыслового наполнения предмета, ставшего музейным.

Постоянная или временная экспозиция музея (музейная выставка) должна соответствовать задачам и принципам, лежащим в самой основе концепции ее формирования. М. Б. Буняев и Е. А. Антипова пишут: «Формирование экспозиции музея и включение в нее различных предметов осуществляются на основе строгих принципов, способствующих раскрытию экспонатов как социально-значимых знаков» [1: 129]. При этом некоторые принципы музееведения, лежащие в основе формирования визуальной подачи экспонируемого материала, идущие из эпохи советского времени, вполне жизнеспособны и сегодня. Л. Г. Богданов, И. А. Комиссарова, касаясь теории советского музееведения, отмечают: «Таким образом, мы видим, что экспонируемый материал имеет следующие качества: а) аутентичный; б) не затмевающий собой (в идеале) другие источники в экспозиции» [2: 100]. Формирование экспозиции музейного собрания, как перешедшего в современность из собрания советской эпохи, так и абсолютно нового, в любом случае, проходит через процесс подготовки места для размещения экспонируемого материала, чтобы представить его посетителю в наилучшем виде. Экспонируемый материал по своему представлению в экспозиции должен не только не затмевать собой иной материал, но также и сам не пропадать на фоне соседствующего с ним материала. Важен баланс всей экспозиции.

Сам вопрос художественного и технического оформления выставочных залов и размещения в них экспонатов можно рассматривать как решение задачи о формировании у посетителя выставки такого визуального эффекта от экспоната, когда наиболее полно формируется восприятие культурного наследия и возникает возможность осмысления посетителем выставки связи наблюдаемого предмета с культурой, личностью и историей. Расположенные в экспозиции, материальные объекты могут нести следы нематериальной культуры, а точнее, нематериального культурного наследия. Популяризация нематериального культурного наследия является одной из задач современного музея, о чем справедливо пишет Е. Р. Фашаян: «Музеи играют важнейшую и усиливающуюся роль в сохранении, изучении и популяризации нематериального культурного наследия» [3: 152]. При подаче музейной выставкой информации об общей локальной истории, либо об истории развития человеческого общества в некотором локальном ареале, вместе с возможной демонстрацией нематериального культурного наследия важным видится и акцентирование связи отдельного предмета с локальной историей и человеческой личностью. Е. Н. Мастеница пишет: «Локальная история, ее взаимодействие с историей региона, страны или мира, с историей частной и глобальной, все чаще приобретает личностное измерение» [4: 256]. Вопрос раскрытия личности, связанной с определенным экспозиционным материалом, может быть рассмотрен в аспекте связи предмета и «личности» — человека как творца, как автора, создавшего предмет (именно тут возможно визуальное проявление нематериального культурного наследия), и в то же время и как человека, пополняющего музейную коллекцию (например, дарителя предмета музею), и как автора идеи и концепции формирования музейной коллекции и оформления музейного пространства (автор выставки, оформитель выставки, хранитель музейной коллекции). Экспонаты выставки (физические предметы) могут быть напрямую связаны как с историей региона, так и с определенной человеческой личностью и при этом нести явные примеры (следы) нематериального культурного наследия. Наполнение музейных выставочных залов разнообразными аутентичными экспонатами ставит перед автором/оформителем выставки задачу по наиболее выгодному визуальному представлению экспозиционного материала посетителю. Эта задача может быть решена как удачным размещением предмета в экспозиции, так и соответствующим его освещением источниками света.

Вопрос освещения отдельного экспоната неразрывно связан с вопросом организации общего светового наполнения зала/залов музейной выставки — с применением как естественного, так и искусственного освещения. В довольно широких рамках вопросы освещения музейных залов в свое время были рассмотрены Н. М. Гусевым. Касаясь естественного освещения музеев, картинных галерей и выставок, он выделяет следующие решения: «а) освещение при помощи бокового света через окна; б) освещение верхнее в виде фонарей; в) освещение верхнее в виде световой галереи или светового пояса» [5: 85]. При освещении экспозиционных помещений не всегда можно полагаться лишь на естественный свет. Учитывая, что не всегда освещение музейных помещений правильно спроектировано, он пишет: «Исправление ошибок при проектировании на практике чаще всего осуществляется при помощи источников искусственного освещения» [5: 91]. Описывая варианты люстр, дающие как прямой, так и рассеянный свет, он отмечает, что для создания эффекта от искусственного освещения «...можно идти по трем направлениям, а именно: а) исходя из имеющихся в наличии светильников искусственного освещения, выбирать соответствующую внутреннюю отделку помещений; б) выбирать вид освещения и типы светильников применительно к существующим уже архитектурно-оформленным помещениям; в) проектировать и осуществлять внутреннее оформление помещений, гармонически сочетая при этом архитектурную отделку помещений с формой светильников, и условиями освещения» [5: 193]. Прошло много лет с даты публикации этой работы, но, учитывая, что очень часто музейные экспозиции располагаются в типовых помещениях с естественным боковым освещением через окна, можно согласиться с мнением Н. М. Гусева, который в 1937 году описал направления работ по созданию эффекта от искусственного освещения и считал, что «...в настоящее время наиболее широкое распространение получили первое и второе, поскольку они вызываются необходимостью исправить дефекты архитектурного и светового оформления существующих зданий» [5: 193]. Вопросы естественного света при освещении помещений были разобраны в исследовании Р. А. Насыбуллиной [6]. Из выявленных Р. А. Насыбуллиной семи принципов формирования архитектурно-художественного образа внутреннего пространства зданий средствами естественного света можно выделить принцип использования света для выявления свойств материалов, когда светотень выявляет структуру и рельеф поверхности и раскрывает природные особенности материалов, и принцип, согласно которому свет выступает в качестве инструмента создания атмосферы архитектурного пространства. Касаясь вопроса архитектуры естественного света, Р. А. Насыбуллина пишет, что свет в качестве средства эмоционального воздействия может олицетворять связь объекта материальной культуры с природой [7: 26]. Эти утверждения довольно удачно выражают влияние света на формирование впечатлений от внутренних пространств помещений и их наполнения и применимы даже в ситуации, когда естественный свет не является безальтернативным источником освещения в музейном помещении.

При всех плюсах использования естественного освещения через окна все же следует признать, что архитектура внутренних помещений и недостаточное поступление света через окна в вечернее время (как и обратная ситуация: излишнее поступление солнечного света в дневное время) приводят к использованию в музейных залах либо комплексного освещения (естественного и искусственного одновременно), либо к ограничению поступления естественного света и использованию лишь искусственного.

Чаще всего базовым искусственным освещением выставочных залов выступает потолочное освещение, дающее верхний рассеянный свет. Традиционные лампы накаливания постепенно сдают позиции светодиодным светильникам. «В мировой практике в залах музеев в основном используется искусственная система освещения с применением светодиодных светильников. Преимущества искусственного освещения состоят в независимости от состояния погоды, создании качественных и количественных характеристик освещения в зависимости от требований экспозиции... в возможности индивидуальной подсветки ведущих экспонатов (или деталей интерьера, представляющих художественную ценность)» [8: 90]. Отходя от общего освещения зала и двигаясь к освещению отдельного экспоната, мы видим, что удачное освещение предметов положительно влияет на психоэмоциональное восприятие экспозиции. Н. Р. Воробьев пишет: «...музейный свет — самый

сложный из всех существующих искусственных. По эмоциональности ему ровней может быть лишь театральный свет в статических, кульминационных сценах. Музейный свет психоэмоционально воздействует на публику. Им можно вызвать восторг, а можно создать неосознанную неприязнь... Музейный свет призван раскрывать преимущества и скрывать утраты» [9: 77].

При художественном и техническом оформлении выставки видится довольно непростой задача освещения предметов, имеющих ярко выраженный объем, матовую поверхность и при этом довольно однотонный цвет поверхности. В экспозиции музея могут находиться предметы, состоящие из соединенных между собой фрагментов тел вращения. Типичными телами вращения являются цилиндр и конус [10: 31, 36]. В некоторых случаях предметы могут быть состоящими из соединенных фрагментов тел вращения и одновременно имеющими однородный цвет своей матовой поверхности. И эти предметы могут нести историческую и культурную ценность, быть напрямую связаны с человеческой личностью (автор/владелец) и обладать явными признаками «нематериального культурного наследия». Предметами, попадающими под все перечисленные критерии, можно считать некоторые археологические экспонаты, а именно керамические сосуды эпохи неолита. Д. А. Авдусин пишет: «Керамику считают основным признаком неолита... Несмотря на примитивность изготовления, сосуды иногда имели тонкие стенки и относительную симметричность... форма горшков была часто полуяйцевидной, иначе — остродонной. Остродонные сосуды было удобнее ставить между камнями или же в небольшой ямке, вокруг которой разводили костер... Сосуды орнаментировали чаще всего штампом, наколами или узором, который прочерчивался палочкой по сырой глине» [11: 57–58]. Д. Д. Макиевская подчеркивает: «Предметы археологии занимают важное место среди экспонатов музея, поскольку являются подлинным историческим источником» [12: 44].

Удачное освещение археологических экспонатов (керамических сосудов) дает возможность специалистам различных наук проявить к ним интерес. Семиотика материальных объектов — предметов, находящихся в музейных выставках, может быть интересна для этнографов и антропологов. Семиотические аспекты значения вещей у людей прошлых поколений основательно разобраны А. К. Байбуриным в ряде работ. В 1981 году он писал: «Один из наиболее интересных способов изменения семиотического статуса объекта, используемого обычно в бытовых, хозяйственных целях, — включение его в ритуальный контекст... “Язык вещей” оказывается более приспособленным к передаче ритуальной информации, нежели вербальный, хотя они и могут выступать как взаимодополнительные языки» [13, с. 224]. Позже, касаясь значения «архаической и традиционной вещи», исследователь отметил: «Культурная значимость и ценность архаической и традиционной вещи была существенно выше современной... отсутствует та специализация знаковых систем, то разделение на мир знаков и мир вещей, которые так характерны для современного общества. Здесь вещи всегда суть знаки...» [14: 70–71]. Несмотря на то, что время создания и использования керамического сосуда эпохи неолита от нас довольно далеко, эти утверждения относительно семиотики бытового предмета к такому сосуду вполне применимы. Учитывая, что керамический сосуд использовался для приготовления пищи и, вероятнее всего, применялся также при совместной трапезе людей, значение его в обществе своего времени интересно для специалистов, изучающих историю и культурное развитие человечества. С. А. Токарев писал: «Материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку — тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется... Совместные трапезы на всех ступенях исторического развития были и остаются одной из важнейших форм бытового общения между людьми... самый акт совместной еды и питья зачастую есть не только проявление дружбы и родства между людьми, но в ряде случаев он сам создает отношения дружбы или родства... Ритуальное значение совместной еды подчеркивается в определённых случаях употреблением особых “обрядовых” кушаний... в круг общающихся личностей включается в этом случае и божество, дух-покровитель семьи, дух предка: и он принимает участие в ритуальной трапезе» [15: 3–6].

Осмысление связи керамического сосуда эпохи неолита и значения его декора с «личностью человека», с обществом определенной эпохи возможно лишь при комфортном визуальном восприятии, когда посетителю выставки удобно воспринимать форму и декор сосуда. Грамотный подход к индивидуальному освещению такого предмета следует признать важным. Так посетитель сможет построить логические связи в отношении наблюдаемого им предмета и человеческой личности — будь то создатель сосуда или его владелец, который когда-то использовал этот предмет в быту, или даже участник археологических и реставрационных работ, или автор идеи музейной выставки, или ее оформитель.

При наличии одного лишь ровного верхнего освещения, исходящего от светильников на потолке выставочного помещения, возникают некоторые трудности в восприятии посетителем формы и объема керамического сосуда. На некотором удалении от предмета при наличии лишь верхнего ровного освещения и контрастного фона объемный сосуд может восприниматься плоским и необъемным, что в действительности абсолютно неверно. При этом фактическое составление самого предмета из элементов тел вращения никак не помогает в понимании его формы посетителем выставки.

Верхнее ровное освещение приводит к тому, что изначально выпуклые поверхности с неоднородной фактурой, имеющие неровные зоны, но будучи при этом матовыми и имеющими практически однотонный цвет, воспринимаются наблюдателем как ровные и почти плоские поверхности. При верхнем ровном освещении предметы с такими поверхностями, хотя и состоящие из тел вращения, с трудом воспринимаются посетителем музейной выставки «на лету» в том объемном виде (с мелкофактурной поверхностью), какой они имеют в реальности. Даже если общая форма сосуда в целом воспринимается сразу верно, то понимание особенностей формы наклонных стенок и острого дна сосуда требует дополнительного времени для осмотра экспоната посетителем и последующего осмысления. Особо стоит отметить трудности восприятия декора, нанесенного на стенки сосуда. При наличии одного лишь верхнего ровного освещения для понимания его формы и декора посетителю выставки требуется большое количество времени.

Сохранившийся до нас декор на стенке сосуда можно считать прямым выражением культурного кода эпохи жизни создателя керамического сосуда и, вполне возможно, его последующих владельцев. Е. Р. Фашаян подчеркивает: «Перед музеем как социальным институтом в XXI в. также встала новая задача и существенная проблема: сохранения и трансляции огромного комплекса нематериального наследия, имеющего величайшую ценность для общества» [3: 151]. Углубления, специально сделанные на керамическом сосуде человеком (автором, создателем сосуда), которые когда-то выполняли роль декора, наделенного религиозными смыслами, не воспринимаются современным посетителем в полной мере, так как они слабо выделяются на фоне общей поверхности керамической стенки из-за совпадения по цвету, а отличия углублений по тону от ровной стенки сосуда часто крайне малы. Зрительно эти углубления не выделяются как значимые. Посетитель выставки чаще всего воспринимает поверхности подобных сосудов лишь имеющими незначительные малозаметные углубления. Наличие трещин или кромок склейки частей сосуда, собранного в одно целое, еще больше упрощает восприятие. Только при удачном стечении обстоятельств, при верхнем потолочном ровном освещении (здесь имеет значение глубина декора на стенке сосуда) восприятие такого керамического сосуда может быть полноценным. Возникает парадоксальная ситуация, в которой явно видимое присутствие в предмете тел вращения не помогает легко понять его форму, а однотонная поверхность с углублениями, сделанными человеком — автором сосуда, освещенная ровным рассеянным светом, воспринимается нефактурной. Д. Д. Макиевская подчеркивает: «Археологические предметы даже в условиях музея требуют особого подхода, особенно в части их экспонирования» [12: 43]. В целом затрудненное восприятие уменьшает понимание посетителем формы и декора керамического сосуда, равно как и связи предмета и декора с автором — реальной «личностью», создавшей предмет и украсившей его элементами, имеющими

связь с культурными значениями своей эпохи. Одно лишь верхнее потолочное ровное освещение не позволяет воспринять форму сосуда.

Возможности по исправлению ситуации предоставляет подбор освещения. Можно считать приемлемым использование дополнительного освещения в комплексе с общим ровным освещением, исходящим сверху от потолка. «Правильно подобранный свет помогает создать необходимую атмосферу, выявить пластические особенности объектов, направить внимание зрителя на определенные аспекты выставки... Для галерей рекомендуется верхний рассеянный свет. Однако не стоит забывать про необходимость дополнительного подсвета», — справедливо утверждает С. Б. Сангулия [16: 85]. Стоит подчеркнуть, что керамический сосуд эпохи неолита использовался человеком в первую очередь как предмет хозяйственно-бытового назначения. Д. А. Камалетдинов пишет: «Музейные предметы и коллекции... отражают образы повседневной жизни доиндустриального общества» [17: 72]. Для улучшения визуального эффекта, в меру сил демонстрирующего видимое восприятие человеком сосуда в период создания и использования его, логичным видится применение дополнительного локального освещения, световой поток которого направлен на сосуд таким образом, что возникает эффект копирования освещения сосуда, характерного именно для периода его использования человеком в быту. Получаемое на предмете световое пятно и светотеневой рисунок углублений на стенке сосуда от света, падающего на сосуд сбоку (в подражание боковому освещению от входа в жилище либо от удаленного костра в вечернее/ночное время) или снизу (в подражание огню костра, в который помещен сосуд во время приготовления пищи, что особенно характерно для вечернего или ночного времени), позволят понять восприятие человеком эпохи неолита реальной освещенности сосуда, то есть в период использования его по назначению. Именно при таком освещении (сбоку, снизу) сосуд часто использовался человеком тысячи лет назад (за исключением приготовления пищи на открытом воздухе в дневное время, при ярком свете от солнца или от неба), воспринимался в повседневной жизни людей, и именно такое, боковое и/или идущее снизу, освещение выявляет характерные детали декора, нанесенного на стенки сосуда. Создается впечатление, что именно для восприятия при таком освещении декор на сосуд и наносился автором — ведь при верхнем ровном освещении (свете от неба на открытом пространстве днем либо современном потолочном освещении в помещении) декор виден очень плохо. Дополнительное направленное музейное освещение, копирующее боковое/нижнее освещение эпохи использования сосуда, может приблизить современного посетителя музейной выставки к восприятию керамического сосуда как предмета, неразрывно связанного с его современником.

В качестве другого варианта освещения, способного помочь посетителю выставки лучше понять не декор, но объемную форму неолитического керамического сосуда, можно предложить моделирующее освещение, копирующее рефлекс в теневой части предмета, привычно возникающий при естественном дневном свете и расположении сосуда в окружении светлых вещей/поверхностей. Стоит отметить, что верхнее ровное потолочное освещение музейного зала в некоторой степени копирует естественное дневное, поэтому такой вариант дополнительного освещения может быть применим без создания направленного светового потока, описанного выше (копирующего освещение сосуда при приготовлении пищи). Рефлекс, тем более цветной, может мешать восприятию музейного экспоната (создается эффект цветного театрального освещения), и он практически отсутствует в обычных условиях музейной выставки. При наличии источников света (как общих, так и точечных, направленных), совпадающих по цвету светового потока между собой, форма предмета в экспозиции музейной выставки выделяется лишь при помощи света и тени, так как цвет испускаемого света у всех используемых источников освещения совпадает. В этом случае на помощь пониманию формы предмета приходят лишь видимые свет и тень, причем уровень освещения, как и контраст поверхностей, обычно угасает при продвижении от переднего плана к заднему, особенно в условиях «стандартного общего верхнего ровного освещения». В подобных условиях рефлекс в теневой части предмета самостоятельно возникнуть не может, он может быть лишь смоделирован специально.

Слабое дополнительное освещение, моделирующее рефлекс в теневой части предмета (дающее визуальный «искусственный рефлекс»), при применении на телах вращения может дать положительный результат в плане выделения формы предмета и улучшения его восприятия посетителем. При этом эффект может быть усилен при моделировании рефлекса окрашенным светом. Цветной рефлекс дает возможность показать форму предмета не только лишь тенью и светом, но и отличающимся по цвету от основного верхнего освещения неярким световым пятном в теневой части предмета. В некоторых случаях именно применение цветного светового пятна слабой интенсивности, моделирующего рефлекс, даст наиболее лучший результат. При таком освещении хорошо будет восприниматься форма сосуда, но его декор окажется представленным менее характерно, чем при описанном выше направленном свете, идущем снизу или сбоку. При выборе дополнительного освещения следует учитывать, какие задачи оно призвано решить.

Аккуратно нужно подходить и к вопросу интенсивности и основного (естественного/искусственного), и дополнительного освещения. Излишняя освещенность может негативно сказываться на состоянии экспоната. «Нужно одновременно и показать коллекцию в наиболее эффектном представлении, и защитить экспонаты от вредного воздействия света» [18: 14]. «Музейные ценности, подчас, насчитывающие не одну сотню лет, чрезвычайно чувствительны к ультрафиолетовому излучению, которое оказывает прямое разрушительное воздействие, в результате чего распадаются молекулярные связи; вредоносное воздействие обладает так называемым кумулятивным эффектом — свойством накапливаться» [9: 78].

При формировании освещения керамического сосуда эпохи неолита следует искать баланс между его сохранностью от излишне яркого света, визуальным выявлением его формы и визуальным выявлением его декора. Не рекомендуется подбирать слишком яркую интенсивность освещения, моделирующего «искусственный рефлекс», и тем более выбирать для этого поток света с цветом, резко отличающимся от цвета света в быту человека в период использования сосуда. Такое же правило логично при использовании направленного бокового или нижнего освещения, призванного улучшить восприятие декора. Любое новаторство, применимое к музейной выставке, должно соотноситься с общим балансом самой экспозиции. Слишком явное выделение одного предмета в экспозиции может разбить общий баланс и тем самым сильно уменьшить восприятие экспозиции в целом. Полностью согласимся с Е. Р. Фашаян, которая пишет, что «если новаторство выступает в качестве самоцели развития, растут риски десакрализации и профанации музейных экспозиций, превращения музеев из пространств социокультурного воспроизводства в площадки для массового времяпрепровождения и развлечения» [3: 153]. Баланс музейной экспозиции поможет сохранить общее восприятие от нее и не позволит слишком сильно выделяться отдельным экспонатам на фоне остальных. удачно подобранное освещение керамического сосуда эпохи неолита способно помочь и рядовому посетителю, и специалисту увидеть остаточные элементы нематериального культурного наследия (народа, локальной группы, территории и т. д.), воплощенного в декоре на стенках сосуда, а также установить его «личностные» связи с теми, кто имел отношение к созданию и практическому использованию предмета, его находке спустя много веков, реставрации, демонстрации в музейной экспозиции. Это имеет немаловажное значение для антропологических исследований.

Список источников

1. Буняев М. Б., Антипова Е. А. О модусах понимания музейного экспоната: знак и символ // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Т. 39. Вып. 3. С. 127–139. doi:10.21779/2500-1930-2024-39-3-127-139.
2. Богданов Л. Г., Комиссарова И. А. Музейный бум и феномен ленинских комнат в образовательных учреждениях (на материалах Ивановской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 96–106. doi: 10.46726/И.2023.3.11.
3. Фашаян Е. Р. Инновационная концепция музейного пространства: новаторство и консерватизм в эпоху цифровой трансформации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2(38). С. 148–156. doi:10.24151/2409-1073-2023-2-148–156.
4. Мастеница Е. Н. Личность в музейном пространстве: антропоцентрический подход // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 254–266. doi:10.17223/22220836/53/21.

5. Гусев Н. М. Свет в архитектуре: ГУУЗ НКТП утв. в качестве учеб. пособия для архитектурных и строит. вузов / Н. М. Гусев; редактор М. А. Сереженкин. М.; Л.: Главная редакция строительной литературы, 1937. 211 с.
6. Насыбуллина Р. А. Архитектурно-художественная роль естественного света в формировании внутреннего пространства зданий в современной архитектуре: спец. 05.23.20 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия»: дис. ...канд. архитектуры / Р. А. Насыбуллина; Самарский гос. техн. ун-т. Место защиты: Нижегородский гос. архитектурно-строительный ун-т. Нижний Новгород, 2018. 220 с.
7. Насыбуллина Р. А. Архитектура естественного света // Вестник гражданских инженеров. 2014. № 1 (42). С. 22–27. ISSN: 1999-5571.
8. Чернышкова И. А. Особенности проектирования освещения в музеях / И. А. Чернышкова, Н. А. Бузало, В. Н. Лысенко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Технические науки. 2016. № 4 (192). С. 86–91. doi:10.17213/0321-2653-2016-4-86-91.
9. Воробьев Н. Р. Световая драматургия как элемент комплексного подхода при создании музейных экспозиций и выставочных проектов / Н. Р. Воробьев // Светотехника. 2018. Специальный выпуск № 2 «Свет в музее». С. 76–81. ISSN 0039-7067.
10. Бабичева Т. А. Многогранники и тела вращения (для самостоятельной работы студентов): учеб. пос. Махачкала: ДГУНХ, 2019. 51 с.
11. Авдусин Д. А. Основы археологии: учебник для вузов по специальности «История» / Д. А. Авдусин; под ред. В. Л. Янина. М.: Высшая школа, 1989. 335 с. ISBN 5-06-000015-X.
12. Макиевская Д. Д. Возможности использования 3D-моделей в музейном экспонировании предметов археологии // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studus historica juvenum. 2024. № 1. С. 43–49.
13. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник Музея антропологии и этнографии; отв.ред. Б. Н. Путилов. Т. XXXVII. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 215–226.
14. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры; отв.ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. С. 63–88. ISBN 5-02-027197-7.
15. Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
16. Сангулия С. Б. Анализ принципов организации музейного пространства // Молодой исследователь Дона. 2021. № 3(30). С. 82–86.
17. Камалетдинов Д. А. Репрезентация историко-культурного наследия в академическом музее как фактор сохранения и укрепления межкультурного диалога на региональном уровне (по материалам Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН) // Политика и Общество. 2024. № 4. С. 67–76. doi: 10.7256/2454-0684.2024.4.72795.
18. Волгина Л. Е. Свет в музее: опыт и проблемы / Л. Е. Волгина // Светотехника. 2018. Специальный выпуск № 2 «Свет в музее». С. 14–18. ISSN 0039-7067.

References

1. Bunyayev M. B., Antipova E. A. O modusakh ponimaniya muzeynogo eksponata: znak i simvol [On the modes of understanding a museum exhibit: sign and symbol]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya 3 "Obshchestvennyye nauki"* [Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences], 2024, Vol. 39, Issue 3, pp. 127–139. (In Russ.).
2. Bogdanov L. G., Komissarova I. A. Muzeynyy bum i fenomen leninskikh komnat v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: (Na materialakh Ivanovskoy oblasti) [Museum boom and the phenomenon of Lenin rooms in educational institutions: (Based on materials from the Ivanovo region)]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Gumanitarnyye nauki"* [Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities], 2023, Issue 3, pp. 96–106. (In Russ.).
3. Fashayan E. R. Innovatsionnaya kontseptsiya muzeynogo prostranstva: novatorstvo i konservatizm v epokhu tsifrovoy transformatsii [Innovative concept of museum space: innovation and conservatism in the era of digital transformation]. *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* [Economic and social-humanitarian research], 2023, No. 2 (38), pp. 148–156. (In Russ.).
4. Mastenitsa E. N. Lichnost' v muzeynom prostranstve [Personality in the museum space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2024, No. 53, pp. 254–266. (In Russ.).
5. Gusev N. M. Svet v arkhitekture: GUUZ NKTP utverzhdeno v kachestve uchebnogo posobiya dlya arkhitekturnykh i stroitel'nykh vuzov [Light in architecture: GUZ NKTP approved as a teaching aid for architectural and construction universities]. Moscow, 1937, 211 p. (In Russ.).

6. Nasybullina R. A. Arkhitekturno-khudozhestvennaya rol' yestestvennogo sveta v formirovaniі vnutrennego prostranstva zdaniy v sovremennoy arkhitekture [The architectural and artistic role of natural light in the formation of the interior space of buildings in modern architecture]: spec. 05.23.20 «Teoriya i istoriya arkhitektury, restavratsiya i rekonstruktsiya istoriko-arkhitekturnogo naslediya» [spec. 05.23.20 «Theory and history of architecture, restoration and reconstruction of historical and architectural heritage»]: dis. ...kand. architecture [Cand. Thesis ...Cand. of Architecture]. Nizhny Novgorod, 2018, 220 p. (In Russ.).
7. Nasybullina R. A. Arkhitektura yestestvennogo sveta [The Architecture of natural light]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Civil Engineers Bulletin], 2014, No. 1 (42), pp. 22–27. (In Russ.).
8. Chernyshkova I. A., Buzalo N. A., Lysenko V. N. Osobennosti proyektirovaniya osveshcheniya v muzeyakh [Peculiarities lighting design in the museum]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Tekhnicheskiye nauki* [News of universities. North Caucasian region. Series: Technical sciences], 2016, No 4 (192), pp. 86–91. (In Russ.).
9. Vorobyev N. R. Svetovaya dramaturgiya kak element kompleksnogo podkhoda pri sozdaniі muzeynykh ekspozitsiy i vystavochnykh proyektov [Light dramaturgy as an element of a comprehensive approach to creating museum expositions and exhibition projects]. *Svetotekhnika* [Light & Engineering], 2018, Special issue No. 2 “Light in the Museum”, pp. 76–81. (In Russ.).
10. Babicheva T. A. Uchebnoye posobiye «Mnogogranniki i tela vrashcheniya» (dlya samostoyatel'noy raboty studentov) [Study guide "Polyhedra and solids of revolution" (for independent work of students)]. Makhachkala, Dagestan State University of National Economy, 2019, 51 p. (In Russ.).
11. Avdusin D. A. Osnovy arkhologii: uchebnik dlya vuzov po spetsial'nosti «Istoriya» [Fundamentals of Archeology: a textbook for universities majoring in History]. Moscow, 1989, 335 p. (In Russ.).
12. Makiyevskaya D. D. Vozmozhnosti ispol'zovaniya 3D-modeley v muzeynom ekspirovaniі predmetov arkhologii. [Possibilities of using 3D models in museum exhibiting of archaeological objects]. *Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, seriya "Studus historica juvenum"* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studus historica juvenum], 2024, No. 1, pp. 43–49. (In Russ.).
13. Bayburin A. K. Semioticheskiy status veshchey i mifologiya [Semiotic status of things and mythology]. *Material'naya kul'tura i mifologiya. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Material Culture and Mythology. Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, 1981, pp. 215–226. (In Russ.).
14. Bayburin A. K. Semioticheskiye aspekty funktsionirovaniya veshchey [Semiotic aspects of the functioning of things]. *Etnograficheskoye izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of cultural sign means]. Leningrad, 1989, pp. 63–88. (In Russ.).
15. Tokarev S. A. K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noy kul'tury [Towards a methodology of ethnographic study of material culture]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1970, No. 4, pp. 3–17. (In Russ.).
16. Sanguliya S. B. Analiz printsipov organizatsii muzeynogo prostranstva [Analysis of the principles of the museum space organization]. *Molodoy issledovatel' Dona* [Young explorer of the Don], 2021. No 3 (30), pp. 82–86. (In Russ.).
17. Kamaletdinov D. A. Reprezentatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v akademicheskoy muzeye kak faktor sokhraneniya i ukrepleniya mezhkul'turnogo dialoga na regional'nom urovne (po materialam Muzeya arkhologii i etnografii IEI UFITS RAN) [Representation of historical and cultural heritage in the academic museum as a factor in preserving and strengthening intercultural dialogue at the regional level (based on materials from the Museum of Archeology and Ethnography of the Institute of Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences)]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2024, No. 4, pp. 67–76. (In Russ.).
18. Volgina L. E. Svet v muzeye: opyt i problem [Light in the Museum: Experience and Problems]. *Svetotekhnika* [Light & Engineering], 2018, Special issue No. 2 “Light in the Museum”, pp. 14–18. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Травин — инженер-исследователь.

Information about the author

I. A. Travin — research engineer.

Статья поступила в редакцию 08.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 24.09.2024.

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902(470.22)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.012

ИЗ ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ПЕТРГУ: ЭКСПЕДИЦИЯ НА ОЗЕРО КОСТОМУКШСКОЕ 1980 ГОДА

Марк Михайлович Шахнович

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Аннотация

В XXI веке история археологической науки России постепенно сформировалась в самостоятельную субдисциплину. Но специальных статей по изучению различных аспектов работы и быта археологов в российских экспедициях в настоящее время небольшое количество. Археологическая практика была обязательной частью учебного процесса студентов исторических факультетов университетов СССР. В статье описывается история экспедиции на озеро Костомукшское в 1980 году под руководством Анатолия Павловича Журавлева. Публикуемая работа вводит в научный оборот новый материал по истории археологии Карелии. Источником стали воспоминания четырех участников этой поездки.

Ключевые слова:

Карелия, студенческая археологическая практика, озеро Костомукшское, А. П. Журавлев

Благодарности:

искренняя признательность за помощь Т. Васильевой, Ю. Суворову, Д. Громову. Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ по теме НИР FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Для цитирования:

Шахнович М. М. Из истории студенческой археологической практики ПетрГУ: экспедиция на озеро Костомукшское 1980 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 110–116. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.012.

ARCHEOLOGY

Original article

FROM THE HISTORY OF STUDENT ARCHAEOLOGICAL PRACTICE AT PetrSU: EXPEDITION TO LAKE KOSTOMUKSHOE IN 1980

Mark M. Shakhnovitch

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Abstract

In the 21st century, the history of archaeological science in Russia gradually formed into an independent sub-discipline. However, there are currently few special articles on the study of various aspects of the work and life of archaeologists in Russian expeditions. Archaeological practice was a mandatory part of the educational process for students of history departments of universities in the USSR. The article describes the history of the expedition to Lake Kostomukshskoye in 1980 under the leadership of Anatoly Pavlovich Zhuravlev. Published work includes new material by history of archeology of Karelia. The source was the memoirs of four participants in this trip.

Keywords:

Karelia, student archaeological practice, Lake Kostomukshskoye, A. P. Zhuravlev

Acknowledgments:

the author expresses his sincere gratitude to T. Vasilyeva, Yu. Suvorov and D. Gromov for help. The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Shakhnovitch M. M. From the history of student archaeological practice at PetrSU: expedition to Lake Kostomukshskoye 1980 // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 110–116. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.012.

Введение

В XXI веке история археологической науки России постепенно сформировалась в самостоятельную субдисциплину, что обуславливалось постоянно растущим интересом к этой области знания у профессиональных археологов [1: 7].

Археологическая практика была обязательной частью учебного процесса студентов исторических факультетов университетов СССР. Обычно она проводилась после летней сессии в течение двадцати дней в июле. Студентов прикрепляли к археологическим отрядам АН СССР в качестве лаборантов и отправляли на раскопки.

Археологическая практика студентов-историков решала две важные задачи: давала возможность закрепить пройденный теоретический курс по археологии СССР, прикоснуться к «реальным» древностям и процессу их обретения и «закрывала» проблему обеспечения раскопок мотивированной рабочей силой.

В Петрозаводском университете существовала аналогичная система. В течение учебного года первокурсники слышали много восторженных рассказов старших товарищей о замечательном времени, проведенном в «археологичке», полном увлекательных историй. Поэтому большинство студентов с нетерпением ждали этого летнего «большого приключения». Если экспедиция проходила не в экстремальных условиях в виде дождей, болот и комаров, то у ее участников на всю жизнь оставались самые приятные воспоминания об этом коротком периоде студенчества. Некоторые студенты участвовали в археологических экспедициях и в последующие годы.

В 1980 году студентов-историков ПетрГУ распределили разными по численности группами по трем отрядам сектора археологии ИЯЛИ КФАН СССР. Они должны были проводить раскопки поселений каменного века на северном берегу Онежского озера около поселка Пиндуши (Медвежьегорский район КАССР) в заливе Черная Губа (начальник — П. Э. Песонен) и на полуострове Оровनावолок (В. Ф. Филатова), а также около города Костомукша (А. П. Журавлев). В данной статье остановимся на истории костомукшской экспедиции.

В 1974 году Г. А. Панкрушевым на берегах озера Костомукшское были обнаружены десять стоянок и местонахождений каменного века. Озеро планировалось сделать хвостохранилищем карьера строящегося ГОКа, и памятникам грозило затопление. Стоянки Костомукша I–IX раскапывались М. Г. Косменко в 1974–1976 годах¹. Небольшой отряд А. П. Журавлева [2] в 1980 году осуществил спасательные работы на мезолитической стоянке Костомукшская Va, находящейся на восточном берегу озера, в 1 км от деревни Старая Костомукша. Маломощный культурный слой памятника был сильно разрушен многолетней распашкой, и с исследованного раскопом участка (84 м²) удалось собрать только небольшую бескерамическую коллекцию кварцевых находок (270 экз.)². Тогда же были проведены спасательные раскопки карельского кладбища XIX–XX веков, обнаруженного на вершине песчаного холма на западном берегу водоема. В тексте отчета А. П. Журавлева указывается, что полностью было раскопано 21 сохранившееся погребение взрослых и детей. Все они хоронились по христианскому обряду: в деревянных колодах, покрытых берестой, головой на запад, с нателными крестиками³. Для этого района Карелии — это было первое исследованное археологами сельское кладбище.

Раскопки — это только часть комплекса полевой жизни, включающей еще бытовые условия и взаимоотношения в коллективе. Ранее нами уже рассматривалась тема организации экспедиционного питания в ходе археологических работ в Карелии в 1980-е годы [3]. В данной статье мы хотим поделиться историей экспедиции на озеро Костомукшское в 1980 году под руководством Анатолия Павловича Журавлева. Источником стали воспоминания четырех участников этой поездки в Западную Карелию⁴.

Воспоминания об археологической практике 1980 года

Летом 1980 года студенты-историки, окончившие первый курс ИФФ Петрозаводского госуниверситета, проходили археологическую практику в различных районах Карелии. Группа из девяти человек⁵, под началом к. и. н. Анатолия Павловича Журавлева, отправилась на север Карелии в строящийся, тогда «закрытый» город Костомукша.

Первая встреча с Анатолием Павловичем произошла во время экскурсии в археологический музей ИЯЛИ КФАН СССР. Вводный инструктаж был коротким и в основном касался одежды, которую требовалось взять в экспедицию. Настроение перед отъездом сохранялось приподнятым. Археология казалась наукой, полной ярких открытий и находок. В университете нам выдали небольшие «подъемные» перед выездом.

Загрузившись в плацкарт пассажирского поезда, мы отбыли из Петрозаводска. Брезентовые палатки, лопаты, спальные мешки, ведра для кухни и прочее немудреное имущество сдали в багажный вагон. Ночью высадились на конечной станции Ледмозеро (железная дорога до Костомукши тогда еще не была достроена). Запомнились второй обязательный пограничный контроль и долгое ожидание автобуса в холодном здании пустого вокзала. После двух часов пути (расстояние — примерно 90 км) мы, наконец, прибыли в весьма интересное место — город Костомукшу.

То, что мы увидели, нас потрясло! Город еще строился: везде краны, строительная техника, котлованы, траншеи. Строительством горно-обогатительного комбината (ГОК) занимались советские инженеры и рабочие, а город возводили финские специалисты. В глаза молодым студентам, никогда не бывавшим за границей, бросилось большое количество автомобилей иностранных марок «Форд», «Тойота», «Пежо» и т. п., на которых разъезжали рабочие из Финляндии; комфортабельные одноэтажные домики для финских строителей, яркая западная реклама (например, сигарет «Мальборо») вперемежку с советскими плакатами («Да здравствует коммунизм!»), теннисный корт для финнов.

Наша группа поселилась на один день в гостинице «Руда» — типовом жилом доме финской постройки, один из подъездов которого был переоборудован под отель. Нас восторгали красивые окна, линолеум, обои, западная сантехника. Все это было в диковинку. Мы смогли даже помыться в ванной.

В продуктовых магазинах был обычный ассортимент макарон, круп и рыбных консервов, которые мы и закупили. Из алкоголя продавалось только шампанское: в городе для финнов был установлен «сухой закон».

Вечером произошла досадная история. Во время прогулки мужской части отряда по городским улицам один из однокурсников поддался соблазну обменять у пьяного финна бывший у нас алкоголь на модную в то время велюровую куртку. Все окончилось печально — появлением милиции и препровождением всех в отделение. Над парнями нависла статья о спекуляции, и грозили серьезные неприятности в университете из-за «поведения, порочащего звание советского студента». К счастью, осенью ситуация нормализовалась, и участники инцидента без серьезных последствий продолжили учебу.

Переночевав, наша группа на рабочем автобусе отправилась на берег озера Костомукшское. Лагерь устроили на живописном береговом участке, на месте старой деревни, рядом с действующим песчаным карьером (рис. 1.). По всей прилегающей территории перед затоплением рабочими проводилась вырубка деревьев и кустарника. Отряд разместился в еще не разобранным пустующем бревенчатом доме, в котором стояли железные кровати. Стекла окон были выбиты, и мы заложили их кусками фанеры, но это не спасало от комаров. Погода стояла весь июль прохладная, с частыми дождями.

Бытовые условия были спартанские. Дежурные по очереди готовили простую еду на костре около дома, в основном каши, макароны с тушенкой, супы из брикетов. По вечерам долго пили из металлических кружек крепкий сладкий чай с сушками и дешевыми конфетами. Воду брали из озера, там же и мылись, в баню ни разу не ездили. Не рыбачили, но два раза ели уху из принесенной Журавлевым рыбы. Вечером девушки уходили собирать чернику в лес, а парни сидели у костра. Спали в теплых спальных мешках в брезентовых чехлах. Настроение сохранялось веселое: много смеялись, девушки иногда пели. У студентов фотоаппарат был только у Иры Веселовой.

Раскопки не богатой находками мезолитической стоянки проводились на другом берегу озера (рис. 2, 3). Утром после завтрака отплывали на двухвесельных лодках к месту работы. На обед возвращались в лагерь и после небольшого отдыха снова плыли на раскоп. В дождь не работали, пережидая непогоду под крышей. Специальной рабочей одежды у нас не было, и на раскопках мы ходили в том, что привезли из Петрозаводска. Несколько раз проводили осмотр руин старых крестьянских усадеб на берегу, от которых остались только заросшие березняком большие печи, сложенные из плитнякового сланца.

Рис. 1. Озеро Костомукшское.
Полевой лагерь. 1980 год.
Фото И. Новокорпусовой

Рис. 2. Озеро Костомукшское.
Процесс раскопок стоянки Костомукшская Va. 1980 год.
Фото И. Новокорпусовой

Рис. 3. Озеро Костомукшское. Коллектив экспедиции. 1980 год.
Фото И. Новокорпусовой

Раскапываемая мезолитическая стоянка была для нас малоинтересной. Находки — непонятные артефакты: отщепы и куски кварца со сколами. Копали каменистый грунт штыковыми лопатами. Рабочий темп был неспешный, но все равно мы с непривычки уставали.

В один из дней к Анатолию Павловичу пришел экскаваторщик, работающий на песчаном карьере, и сообщил, что часто в ковше вместе с песком встречаются человеческие черепа и кости, которые он складывает в кучу. Оказалось, что на вершине поросшей соснами сопки находился древний могильник. Какие-то надгробные сооружения отсутствовали. Холм к тому моменту был большей частью срыт карьером, и по краю были видны торчащие куски бересты, остатки древесины гробовин, человеческие кости. Оценив ситуацию, Анатолий Павлович решил начать спасательные раскопки разрушаемого кладбища.

Из-за давления руководства стройки, которое отказалось приостановить работу карьера, спокойно раскопать удалось только три неглубоких могилы (рис. 4). Все участники экспедиции хорошо запомнили покрытое кусками бересты захоронение мужчины, у которого на ногах сохранились карельские сапоги-кенгизы из грубой кожи с загнутыми носами, а внутри — шерстяные вязаные носки, на груди — медный крестик и слева от головы — кусок оконного стекла. Эта находка была своеобразной компенсацией за дни, проведенные на раскопках «чахлого мезолита». По просьбе Анатолия Павловича его поднимали в ковше экскаватора к вершине холма, где он лопатой разбирал уже нарушенные карьером могилы в осыпи обрыва. Все найденное упаковали в бумажные пакеты и вывезли в Петрозаводск.

Рис. 4. Озеро Костомукшское. Могильник Костомукшское Х. Расчистка погребения. 1980 год.
Фото И. Новокорпусовой

Наш руководитель, Анатолий Павлович Журавлев, был интересным человеком, всегда в хорошем расположении духа, веселый, с чувством юмора. Вечерами у костра он много рассказывал об археологии, своих экспедициях по Карелии, разные забавные истории из полевой жизни. Девушки, с которыми он был вежливо корректен, звали его «наш журавлик».

Во второй половине июля, после окончания экспедиции, к началу Олимпийских игр в Москве, мы вернулись в Петрозаводск. По рассказам однокурсников, ездивших на раскопки в Медвежьегорский район, условия там были более комфортные: жаркая погода и теплое озеро, многочисленная и веселая студенческая компания с разных курсов, интересные находки.

Заключение

Спустя почти полвека можно утверждать, что 1980-е годы, которые называют «застойными», были особым периодом в истории провинциальной археологии СССР. С тех пор многое в организации и повседневной жизни экспедиций России кардинально изменилось. Некоторые стороны полевого быта и работы 1980-х годов воспринимаются современной «молодежью» как «пережитки аскетичного прошлого» или забавное мифотворчество о временах «отцов-основателей».

В настоящее время количество публикаций, посвященных различным сторонам жизни в экспедициях археологов Севера России, невелико⁶. Поэтому любые личные воспоминания, особенно о событиях, произошедших в значительно удаленном от современности прошлом, приобретают особую ценность и значимость. Публикуемая работа вводит новый, малоизвестный материал по истории повседневности археологии Карелии.

Представленная работа относится к исследованиям, посвященным антропологии ностальгии в ее позитивном временном аспекте. Автор надеется, что данная статья отчасти восполнит существующий пробел в изучении истории археологической науки в Карелии и побудит коллег к проведению собственных мемуарных изысканий.

Список сокращений

АО — Археологические открытия

ГОК — горно-обогатительный комбинат

ИФФ — историко-филологический факультет

ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории

КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика

КФАН — Карельский филиал Академии наук

Примечания

¹ Косменко М. Г. Стоянки мезолитической эпохи на Кенто-Костомукшской озерной системе // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 59–93.

² Журавлев А. П. Стоянка с кварцевым инвентарем на оз. Костомукшском // Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск; КарНЦ РАН, 1992. С. 82–86.

³ Журавлев А. П. Раскопки в Костомукше и на Онежском озере // АО-1980. М.: Наука. 1981. С. 11–12.

⁴ Интервью с Е. Диановой, И. Конза, И. Новокорпусовой, Ю. Суворовым.

⁵ Юрий Суворов, Ирина Веселова, Елена Дианова, Дмитрий Белоруков, Владимир Прокопенко, Иван Березин, Ирина Тугаринова, Жанна Никитина, Татьяна Кокорина

⁶ См., например, Мартынов А. Я. Записки провинциального археолога. Архангельск: Северодвинская типография, 2021. 485 с.

Список источников

1. Академия наук и археология в регионах: взаимодействие и сотрудничество (к 300-летию РАН): мат-лы междунар. науч. конф. М.: Институт археологии РАН, 2025. 96 с.
2. Васильева Т. А. А. П. Журавлев — первооткрыватель и исследователь пегремского комплекса древних памятников в Заонежье // Асбест в культуре древнего человека. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. С. 11–24.
3. Шахнович М. М. Питание в археологических экспедициях Карелии в 1980-е годы: этнографический очерк // Известия КомиНЦ УрО РАН. 2021. № 4(50). С. 25–29.

References

1. Akademiya nauk i arheologiya v regionah: vzaimodejstvie i sotrudnichestvo (k 300-letiyu RAN). *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Academy of Sciences and Archaeology in the Regions: Interaction and Cooperation (on the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences). Proceedings of the International Scientific Conference], 2025, 96 p. (In Russ.).
2. Vasilyeva T. A. A. P. Zhuravlev — pervootkryvatel' i issledovatel' pegremского комплекса древних памятников в Заонежье [A. P. Zhuravlev — discoverer and researcher of the Pegrem complex of ancient monuments in Zaonezhye]. *Asbest v kul'ture drevnego cheloveka* [Asbestos in the culture of ancient man], 2024, pp. 11–24. (In Russ.).
3. Shakhnovich M. M. Pitaniye v arheologicheskikh ekspeditsiyah Karelii v 1980-e gody: etnograficheskij ocherk [Nutrition in archaeological expeditions of Karelia in the 1980s: an ethnographic essay]. *Izvestiya KomiNC UrO RAN* [News of the KomiSC UrB RAS], 2021, Vol. 4, pp. 25–29. (In Russ.).

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 22.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 22.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 903.4 (410.11)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.013

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА — РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ОЗЕРЕ ШИКОЗЕРО И РЕКЕ ВАЙМУГА (ПЛЕСЕЦКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Алексей Андреевич Анциферов¹, Николай Сергеевич Потуткин²

^{1, 2}Археологический научно-координационный центр, Архангельск, Россия

¹antsiferov.aleksey@mail.ru

²nikolai.potutkin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена археологическим исследованиям, проведенным в Плесецком районе Архангельской области в 2023 году. Основным результатом работ стало выявление неолитических стоянок Шикозеро-1 и Верховье-2, 3. Собрана коллекция фрагментов керамических сосудов и орудий из кремня.

Ключевые слова:

Архангельская область, Плесецкий район, озеро Шикозеро, река Ваймуга, стоянка Шикозеро-1, стоянки Верховье-2, 3, керамика раннекаргопольского типа, льяловская культура, чужьяёльская культура, ямочно-гребенчатая керамика, гребенчато-ямочная керамика, керамический льячек, неолит

Благодарности:

искренняя признательность за помощь коллегам А. Беличенко А. Едовину, М. Шахновичу, А. Еретиченко.

Для цитирования:

Анциферов А. А., Потуткин Н. С. Памятники неолита — раннего металла на озере Шикозеро и реке Ваймуга (Плесецкий район Архангельской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 117–124. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.013.

Original article

NEOLITHIC — EARLY METAL MONUMENTS ON LAKE SHIKOZERO AND THE VAIMUGHA RIVER (PLESETSKY DISTRICT OF ARKHANGELSK REGION)

Aleksey A. Antsiferov¹, Nikolay S. Potutkin²

^{1, 2}Archaeological Research and Coordination Center, Arkhangelsk, Russia

¹antsiferov.aleksey@mail.ru

²nikolai.potutkin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to archaeological research conducted in the Plesetsk District of the Arkhangelsk Region in 2023. The main result of the work was the discovery of the ancient human settlements Shikozero-1 and Verkhovye-2, 3, which date back to the Neolithic period.

Keywords:

Arkhangelsk region, Plesetsk district, Lake Shikozero, Vaimuga river, Shikozero-1 site, Verkhovye-2, 3 sites, early Kargopol-type ceramics, the Lyalovo culture, Chuzhyayel culture, pit-comb ceramics, comb-pit ceramics, the Neolithic

Acknowledgments:

the authors express their sincere gratitude to A. Belichenko, A. Edovin, M. Shakhnovich, A. Eretichenko for their help.

For citation:

Antsiferov A. A., Potutkin N. S. Neolithic-Early Metal Monuments of Lake Shikozero and the Vaimuga River (Plesetsky District, Arkhangelsk Region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4. P. 117–124. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.013.

Долгое время центральная часть Архангельской области, в том числе территория Плесецкого района, не была изучена археологами. Единичные археологические разведки в основном ограничивались сборами подъемного материала, с пространством описанием его местонахождения.

В 2023 году экспедицией Археологического научно-координационного центра под руководством А. А. Анциферова проведено археологическое обследование в Плесецком районе Архангельской области. В результате работ на правом берегу реки Ваймуга удалось подтвердить устное сообщение А. Е. Беличенко и А. Г. Едовина о перспективности поиска археологических объектов на берегах

озера Шикозеро: выявлены три памятника, получившие названия Шикозеро-1, Верховье-2, Верховье-3. В 2019 году в 3 км выше по течению реки Ваймуга от заброшенного поселка Верховье А. А. Анциферовым открыта стоянка Верховье-1. Цель данной публикации — представить археологическому сообществу предварительную информацию о новых памятниках каменного века в этом малоизученном районе Архангельской области.

Река Ваймуга — левый приток реки Емца, которая впадает в реку Северная Двина. Они протекают по карстовому району, что определило их каменистое дно и порожищность водотока, а также значительную высоту береговых террас, достигающую до 15 м. Ближайший жилой населенный пункт к месту работ 2023 года — это поселок Самодел, расположенный в 4,5 км к западу.

Шикозеро-1

Стоянка Шикозеро-1 обнаружена в начале 2000-х годов в результате сбора подъемного материала экспедицией А. Е. Беличенко и А. Г. Едовина, но в научный оборот информация о ней не вводилась. Памятник располагается на низкой песчаной террасе северо-восточного берега озера Шикозеро (размеры — 1,8×0,18 км). Высота террасы — 0,5–1 м над уровнем воды в озере (июль 2023 года). Во время половодья уровень воды в озере повышается на 0,5 м. Площадь памятника – 1800 м² (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид стоянок Шикозеро-1 и Верховье-2, 3. Фото Н. С. Потуткин

В 2023 году на стоянке заложено девять разведочных шурфов размерами 1×1 м. Археологический материал залегал на глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности (с. д. п.), в слоях песка белого и светло-коричневого цвета. Небольшое количество находок обнаружено и в верхнем перемешанном слое пашни. Материал представлен многочисленными отходами кремневой индустрии: сколами (775), отщепами (1876), чешуйками (446), пластинчатыми отщепами (14), керамикой (61), а также фрагментами кальцинированных косточек животных (33). К индивидуальным находкам отнесены изделия из кремня: скребки (8), наконечники стрел (4), ножи (5), проколки (3). Большая часть кремня светло-коричневого цвета, но встречаются и красной, и серой расцветок (рис. 2–6).

Отметим наличие находок фрагментов керамической посуды с ямочного-гребенчатым и гребенчато-ямочным оттиском. К индивидуальным находкам отнесено семь фрагментов керамики, четыре из которых имели в составе глиняного теста незначительную примесь дресвы. Толщина стенок колеблется от 5 до 7 мм. Диаметр глиняных сосудов находится в пределах от 19 до 34 см. Красную

окрашенность внешней поверхности стенки имеют 24 фрагмента керамики (рис. 7). Подобная керамика встречается на стоянках Вис 1–3 на Синдорском озере (Республика Коми) [1: 167] и на стоянках Ковозеро (Холмогорский район Архангельской области) [2: 69]. Предварительная датировка памятника — VIII–II тыс. до н. э.

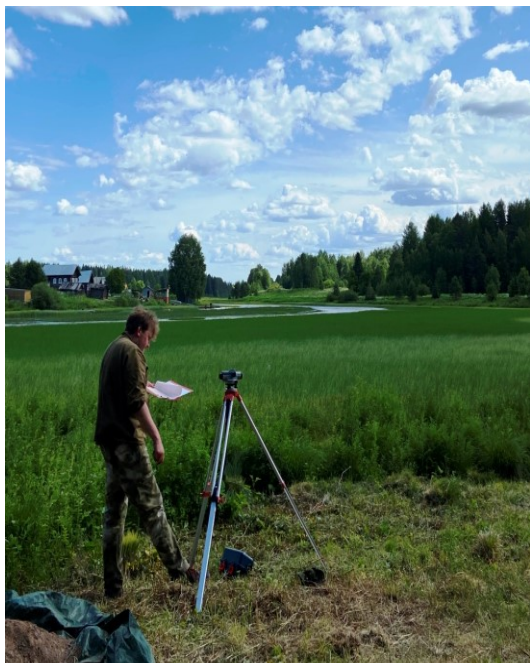

Рис. 2. Стоянка Верховье-2. Процесс работ.
Фото А. А. Анциферов

Рис. 3. Стоянка Верховье-2. Процесс работ.
Фото А. А. Анциферов

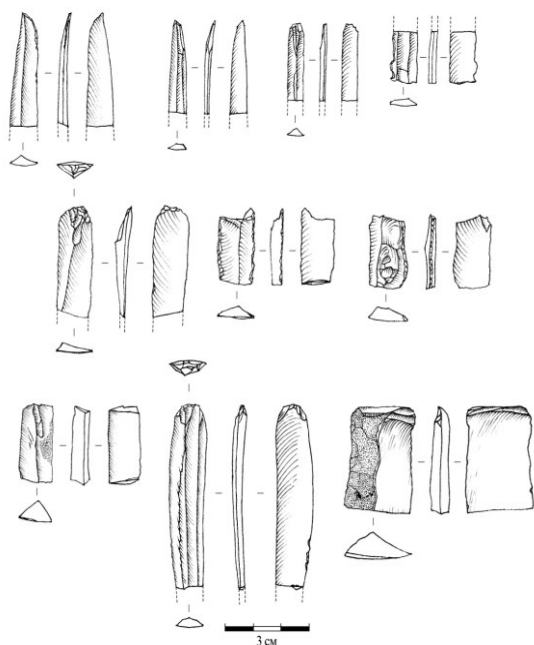

Рис. 4. Стоянка Шикозеро-1.
Кремневый инвентарь

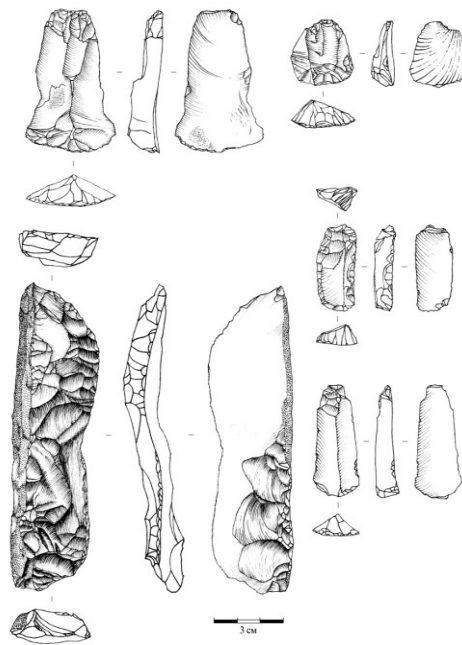

Рис. 5. Стоянка Шикозеро-1.
Кремневый инвентарь

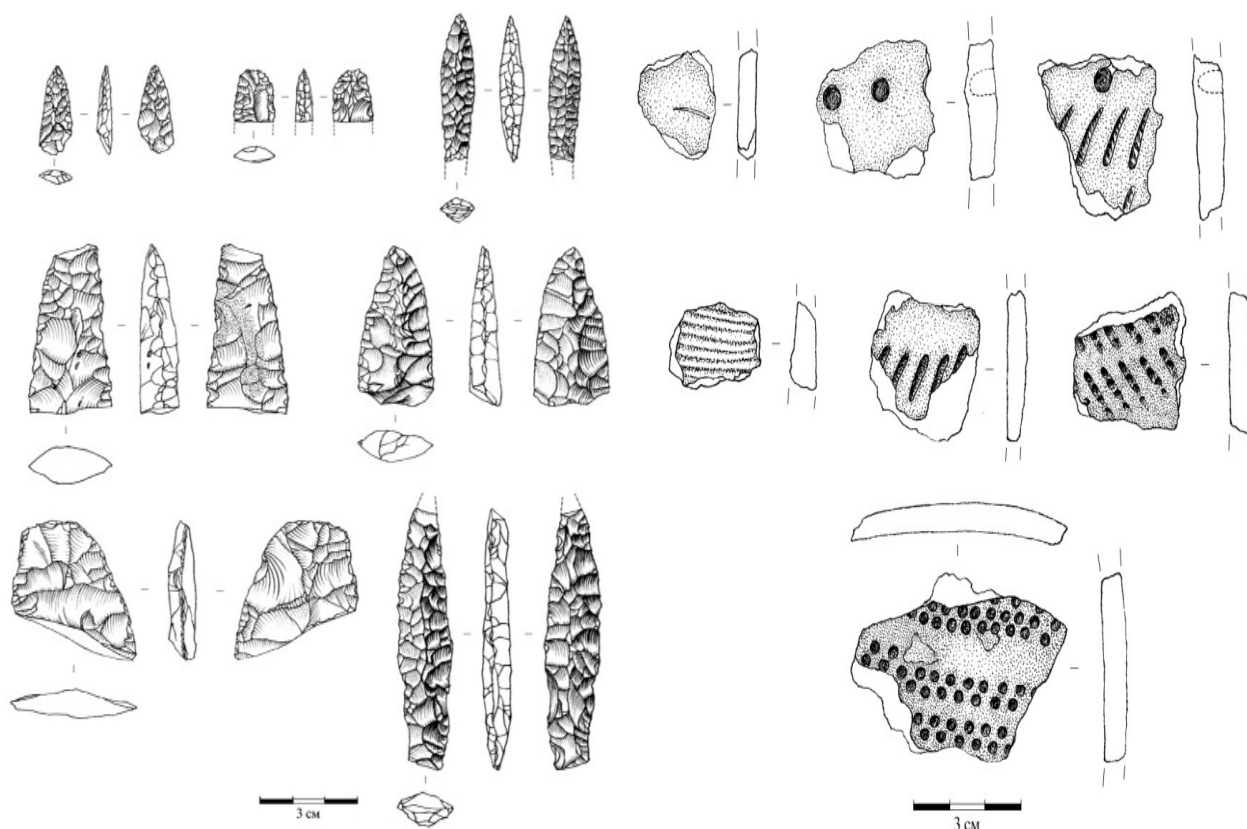

Рис. 6. Стоянка Шикозеро-1. Кремневый инвентарь

Рис. 7. Стоянка Шикозеро-1. Фрагменты керамики

Верховье-2

Стоянка Верховье-2 располагается на правом берегу реки Ваймуга напротив одноименного заброшенного поселка, на невысокой песчаной береговой террасе — 0,5–1,4 м над уровнем воды. В половодье уровень воды в реке повышается на 0,5 м. Площадь памятника — 1400 м².

На стоянке выполнено девять разведочных шурфов размерами 1×1 м. Археологический материал залегает на глубине до 0,6 м от с. д. п. Он представлен отходами кремневой индустрии: сколами (786), отщепами (1797 шт.), фрагментами пластин (19), чешуйками (137), фрагментами керамики (149), кальцинированными косточками животных (24). Индивидуальные находки из кремня: скребки (11), двусторонне обработанные наконечники стрел (2), заготовки ножей (2), обломок широкого ножа (рис. 8; 9: 1). Как и на стоянке Шикозеро 1, цвет использованного кремня преимущественно светло-коричневый, встречаются находки серого и красного цветов.

При сравнении с материалом стоянки Шикозеро-1, расположенной в 30 м южнее, в культурном слое Верховье-2 встречено значительно больше фрагментов орнаментированной керамики (45 шт.). Вся керамика обнаружена в слоях песка белого и коричневого цвета. Толщина стенок керамики стоянки Верховье-2 — 5–9 мм. Орнамент керамической посуды — ямочно-гребенчатый, гребенчато-ямочный и тычково-накольчатый (рис. 10–12). Присутствует и орнаментация не только в виде традиционного круглого, но и прямоугольного ямочного штампа, а также прямых линий, расходящихся в разные стороны от округлой ямки (рис. 13). Подобная керамика была обнаружена А. Г. Едовиным на озере Ундозеро (Плесецкий район Архангельской области). Ее орнамент представлен в виде двух параллельных отрисков штампов, исходящих из ямки. Находка датирована V–IV тыс. до н. э. [3: 85].

Рис. 8. Стоянка Верховье-2. Кремневый инвентарь

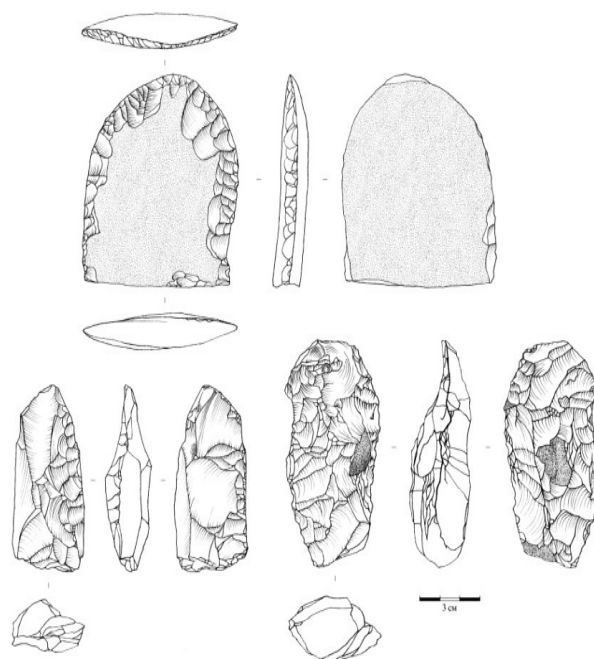

Рис. 9. Стоянка Верховье-2. Кремневый инвентарь

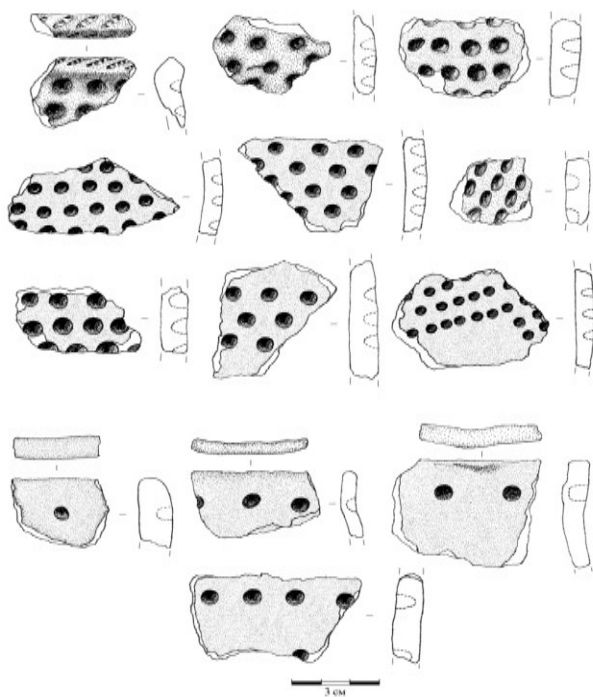

Рис. 10. Стоянка Верховье-2. Фрагменты керамики

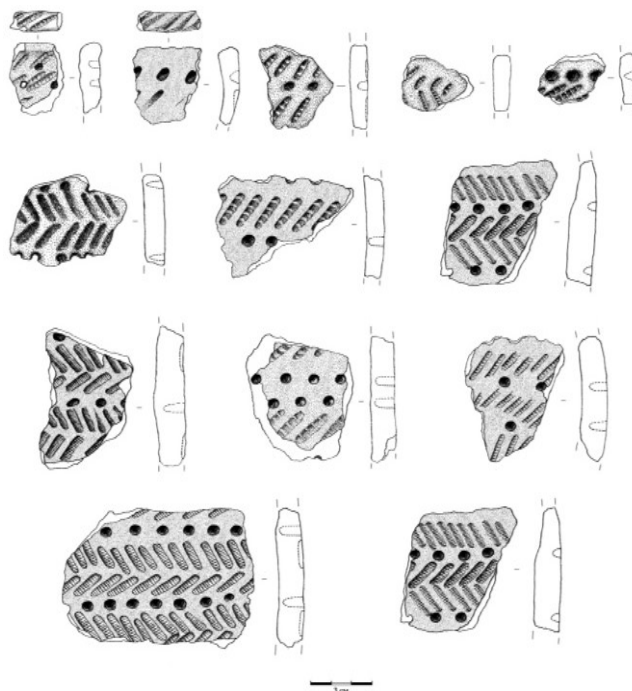

Рис. 11. Стоянка Верховье-2. Фрагменты керамики

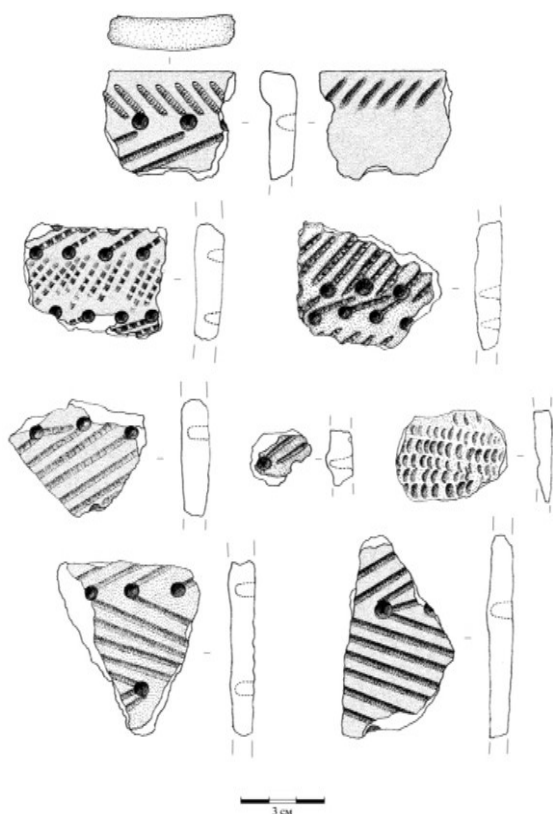

Рис. 12. Стоянка Верховье-2. Фрагменты керамики

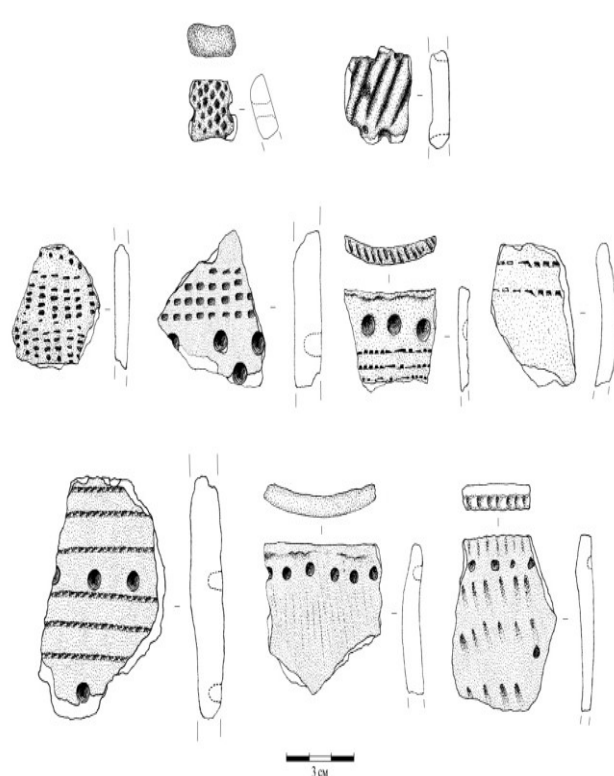

Рис. 13. Стоянка Верховье-2. Фрагменты керамики

Отдельно отметим фрагмент керамики с оттисками в виде дугообразных вдавлений. Кроме того, в шурфе № 8 в слое перекопа, на глубине 0,47 м обнаружен крупный фрагмент керамического льячека светло-коричневого цвета с полным профилем, с толщиной стенок до 8 мм (рис. 14). В глиняном тесте льячека присутствует незначительное количество дресвы. Нижний край и часть верхнего ребра его стенки обломаны. Эта находка говорит о том, что население, посещавшее это место, занималось изготовлением предметов из металла. Возможно, она попала в культурный слой стоянки Верховье-2 в результате ее более позднего посещения в эпоху бронзы. Предварительная датировка стоянки — VI–II тыс. до н. э.

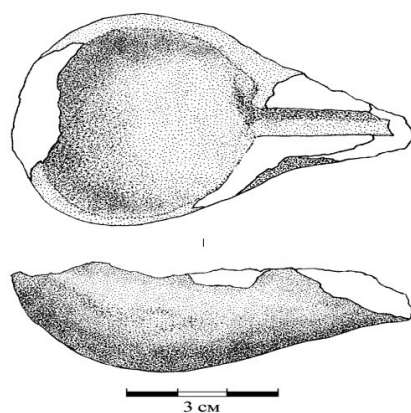

Рис. 14. Стоянка Верховье-2. Фрагмент керамического льячека

Ямочно-гребенчатая керамика с преобладающим ямочным орнаментом в виде рядов круглых ямок, расположенных в шахматном порядке (рис. 10), находит аналогии в культуре керамики раннекаргопольского типа (V–III тыс. до н. э.) [4: 331]. Некоторые исследователи удревняют дату возникновения каргопольской культуры до последней четверти VI тыс. до н. э. [5: 329]. Большая коллекция керамики каргопольского типа собрана А. Я. Мартыновым на стоянке Косицина-2 на озере Кенозеро в Плесецком районе Архангельской области [6: 224], расположенной в 200 км к юго-западу от Верховье-2. Гребенчато-ямочная керамика (рис. 11) ранее традиционно относилась к общей группе гребенчато-ямочной керамики Волго-Окского междуречья, к льяловской культуре IV тыс. до н. э.

В коллекции можно выделить следующие виды орнамента:

— личинковидный оттиск с 4–5 ямками, реже 8–12, длиной 15–20 мм. На всех фрагментах сосудов штамп расположен под углом 45° в обоих направлениях, изредка чередуясь с горизонтальными рядами ямок (рис. 11);

— прямой штамп, начинающийся от круглой ямки, расположенных под углом от 30 до 40° (рис. 13);

— полулунный штамп (рис. 13: 6). Подобный оттиск отмечен Г. М. Буровым на Ковозеро (Холмогорский район) [2: 92], а также на Кязозеро (Плесецкий район) [7: 93].

Тычково-накольчатая керамика (рис. 12) с наколами в виде рядов трапециевидного и прямоугольного штампа, изредка чередующегося с рядами круглых ямок, с прямым венчиком, с мелкогребенчатым орнаментом по его верху. Ближайший известный авторам аналог — керамика, обнаруженная М. В. Иванищевой в Нюксенском районе Вологодской области, датированная концом VI — второй половиной V тыс. до н. э. [8: 278].

Верховье-3

Стоянка Верховье-3 найдена в 2023 году на правом берегу реки Ваймуга, на небольшой террасе, на высоте 8 м над водой. Площадь распространения культурного слоя — 1000 м².

На стоянке выполнено пять разведочных шурфов. Полученный материал незначительный по сравнению с выше описанными коллекциями. Находки залегали на глубине до 0,2 м от с. д. п. и представлены преимущественно отходами кремневой индустрии: сколами (34) и отщепами (42), чешуйками (3). К индивидуальным находкам отнесены две кремневых пластины с сечением треугольной формы. Все находки обнаружены в слое светло-коричневого песка. Можно сделать предположение, что данная терраса использовалась населением стоянок Шикозеро-1 и Верховье-2 в периоды значительного сезонного подъема воды в водоемах.

Выводы

В результате археологической разведки 2023 года установлено, что в эпоху неолита на двух террасах на правом берегу реки Ваймуга располагались три разновременных археологических памятника: Шикозеро-1 (VI–IV тыс. до н. э.), Верховье-2 (V–II тыс. до н. э.). Датировка стоянки Верховье-3 затруднительна из-за небольшого количества находок и отсутствия находок керамики. Очевидно, что удобный для освоения участок перешейка между рекой и озером заселялся многократно в каменном веке.

Археологический материал, полученный в результате работ, можно отнести к трем археологическим культурам: с керамикой раннекаргопольского типа, льяловской и чужьяельской. Можно говорить о сложившихся путях миграций по реке Ваймуга в эпоху неолита. Находка керамического льячека позволяет сделать вывод о посещении этих мест в эпоху бронзы. Поиск памятников археологии в этом районе бассейна реки Северая Двина перспективен, и его необходимо продолжать.

Список источников

1. Буров Г. М. Древний Синдор (Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э.). М.: Наука, 1967. 220 с.
2. Буров Г. М. Археологические культуры Севера Европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск: Ульяновский институт, 1974. 120 с..

3. Воробьев Д. Г., Едовин А. Г. Древности реки Ундоса // Археология в музейных коллекциях, Архангельск: Лоция, 2019. С. 82–109.
4. Кашина Е. А., Петрова Н. Ю. Керамика Каргопольского типа на севере Европейской части России в контексте современных представлений о раннем неолите лесной зоны русской равнины // Тверской археологический сборник. 2021. Вып. 12. С. 325–344.
5. Иванищева М. В. Новые данные о керамике каргопольского типа в Южном Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1(138). С. 24–28.
6. Мартынов А. Я., Дзенисов Г. А., Ирха П. А., Потуткин Н. С., Шаврин С. А. Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году // Кенозерские чтения – 2021. Архангельск: Лоция, 2022. С. 220–237.
7. Анциферов А. А., Потуткин Н. С., Ирха П. А. Группа первобытных стоянок озера Кязозеро. Результаты первичных исследований // Археология Севера: памятники, проблемы, гипотезы. Соловки: Лоция, 2024. С. 90–94.
8. Иванищева М. В. Комплексы с тычково-накольчатой керамикой в нижнем Посухонье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. С. 277–281.

References

1. Burov G. M. *Drevniy Sindor (Iz istorii plemen Evropeyskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. — I tysyacheletii n. e.)* [Ancient Sindor (From the History of the Tribes of the European North-East in the 7th Millennium BC — 1st Millennium AD)]. Moscow, 1967, 220 p. (In Russ.).
2. Burov G. M. *Arkheologicheskiye kultury Severa Evropeyskoy chasti SSSR (Severodvinskiy kray)* [Archaeological cultures of the North of the European part of the USSR (Severodvinsk region)]. Ulyanovsk, 1974, pp. 67–81. (In Russ.).
3. Vorobyev D. G. Edovin A. G. Drevnosti reki Undosha [The Antiquities of the Undosha River]. *Arheologiya v muzejnykh kollekciyakh* [Archaeology in Museum Collections], Arkhangelsk, 2019, pp. 82–109. (In Russ.).
4. Kashina E. A. Petrova N. Yu. Keramika Kargopolskogo tipa na severe Evropeyskoy chasti Rossii v kontekste sovremennykh predstavleniy o rannem neolite lesnoy zony russkoy ravniny [Kargopol-type ceramics in the north of European Russia in the context of modern ideas about the early Neolithic of the forest zone of the Russian Plain]. *Tverskoy arheologicheskij sbornik* [Tver archaeological collection], 2021, vol. 12, pp. 325–344. (In Russ.).
5. Ivanishcheva M. V. Novyye dannyye o keramike kargopolskogo tipa v Yuzhnom Prionezhye [New data on Kargopol-type ceramics in the Southern Priconezhye region]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: obshchestvennye i humanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State university. Series: Social Sciences and Humanities], 2014. No. 1 (138), pp. 24–28. (In Russ.).
6. Martynov A. Ya. Dzenisov G. A. Irkha P. A. Potutkin N. S. Shavrin S. A. Drevnosti Kenozero: statsionarnyye issledovaniya stoyanki Kositsyna-2 v 2019 godu [The ancients of Kenozero: the 2019 on-site research of early man site Kositsina-2]. *Kenozerskie chteniya – 2021* [Kenozero Readings – 2021], Arkhangelsk, 2022, pp. 220–237. (In Russ.).
7. Antsiferov A. A. Potutkin N. S. Irkha P. A. Gruppya pervobytnykh stoyanok ozera Kyamozero. Rezultaty pervichnykh issledovaniy [A group of primitive sites at Lake Kyamozero. Results of primary research]. *Arheologiya Severa: pamyatniki, problemy, gipotezy* [Archaeology of the North: Monuments, Problems, and Hypotheses], Solovki, 2024, pp. 90–94. (In Russ.).
8. Ivanishcheva M. V. Kompleksy s tychkovo-nakolchatoy keramikoy v nizhnem Posukhonye [Complexes with stamped-pitted ceramics in the Lower Posukhonye]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, pp. 277–281. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Анциферов — заместитель директора Археологического научно-координационного центра;

Н. С. Потуткин — директор Археологического научно-координационного центра.

Information about the authors

A. A. Antsiferov — the Deputy Director of the Archaeological Research and Coordination Center.

N. S. Potutkin — the Director of the Archaeological Research and Coordination Center.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 21.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Научная статья
УДК 930. 25
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.014

ОБЗОР ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ, СОДЕРЖАЩИХ СВЕДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Мария Евгеньевна Неёлова

Национальный архив Республики Карелия, Петрозаводск, Россия, neyolova@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор фондов Национального архива Республики Карелия, содержащих документы по истории Кольского (с 1899 года — Александровского) уезда Архангельской губернии в конце XVIII — начале XX века. В силу специфики административно-территориального деления и управления Кольским уездом, документы содержатся во многих фондах Национального архива Республики Карелия. В обзоре рассматриваются наиболее интересные и значимые документы из фондов архива, представляющие интерес для исследователей Кольского Севера.

Ключевые слова:

краеведение, Кольский уезд, Александровский уезд, Кемский уезд, Архангельская губерния, Олонецкая губерния, архив

Для цитирования:

Неёлова М. Е. Обзор фондов Национального архива Республики Карелия, содержащих сведения по истории Кольского уезда Архангельской губернии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 125–142. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.014.

REVIEWS

Original article

REVIEW OF THE FUNDS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KARELIA CONTAINING INFORMATION ON THE HISTORY OF THE KOLA DISTRICT OF THE ARKHANGELSK PROVINCE

Maria E. Neyolova

National Archives of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russia, neyolova@mail.ru

Abstract

The article presents an overview of the funds of the National Archives of the Republic of Karelia, containing documents on the history of the Kola (since 1899 — Aleksandrovsky) district of the Arkhangelsk province in the late 18th — early 20th centuries. Due to the specifics of the administrative-territorial division and management of the Kola district, documents are contained in many funds of the National Archives of the Republic of Karelia. The review examines the most interesting and significant documents from the archive funds, which are of interest to researchers of the Kola North.

Keywords:

local history, Kola district, Aleksandrovsky district, Kemsky district, Arkhangelsk province, Olonets province, archive

For citation:

Neyolova M. E. Review of the funds of the National Archives of the Republic of Karelia containing information on the history of the Kola district of the Arkhangelsk province in documents // Transactions of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4., No. 4, P. 125–142. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.014.

На 1 января 2025 года в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) находится на хранении 7351 фонд (2 161 785 ед. хр.), из них 672 фонда (260 190 ед. хр.) относятся к так называемым дореволюционным фондам, то есть к фондам организаций, учреждений и предприятий, созданных до 1917 года.

В 2018 году сотрудниками научно-справочного отдела НА РК была завершена работа по созданию путеводителя архива по дореволюционным фондам, в ходе которой сотрудниками отдела научно-справочного аппарата были выявлены документы в том числе и по истории Кольского Севера¹.

Документы, содержащие сведения о Кольском уезде, находятся в НА РК, как правило, в составе фондов учреждений Кемского уезда, деятельность которых с 1858 года распространилась на территорию упраздненного Кольского уезда и в ряде случаев (с 1899 года) — Александровского уезда, а также, в меньшей степени, в фондах учреждений Олонецкого наместничества, которое входило в состав Олонецкого и Архангельского генерал-губернаторства*.

Часть фондов учреждений, организаций, предприятий Кемского уезда поступила в карельский архив в 1926–1928 годах непосредственно из Кемского уезда, часть — в 1950-е годы, когда архивы передавали друг другу фонды по принципу административно-территориальной принадлежности. Так, ЦГА КФССР (КАССР) передал часть дореволюционных фондов в центральные архивы (ЦГАДА, ЦГВИА СССР, ЦГИАЛ) и государственные архивы Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской областей, фонды учреждений, организаций, предприятий Кемского уезда Архангельской губернии поступили в ЦГА КФССР (КАССР) из Архангельского областного архива.

Таким образом, сведения о Кольском уезде в той или иной мере представлены в фондах органов государственного управления, городского, земского и сословного самоуправления, суда, военных, финансовых учреждений, учреждений строительства и транспорта, органов управления промышленностью, промышленных предприятий, в фондах органов по управлению государственными имуществами, органов ведомства народного просвещения и учебных заведений, в фондах религиозных (православных) учреждений, организаций, обществ.

В статье представлен краткий обзор фондов, содержащих документы по истории Кольского (с 1899 года — Александровского) уезда Архангельской губернии. Документы в обзоре систематизированы по группам фондов.

Фонды органов государственного управления

Ф. 396 «Олонецкое наместническое правление» (123 ед. хр., 1771–1774, 1784–1797 гг., оп. 1–5).

Являлось исполнительным органом при правителе Олонецкого наместничества в 1784–1796 годах.

В составе фонда имеются документы об обеспечении безопасности на морских промыслах у берегов Кольского полуострова в ходе русско-шведской войны 1788–1790 года. В деле «О мерах предосторожности, которые следует предпринять выезжающим на рыбный и звериный промыслы на Мурманский берег и в Белое море в случае встречи с кораблями противника» в предписании генерал-губернатора олонецкого и архангельского Т. И. Тутолмина правителю Архангельского наместничества И. Р. Ливену от 12 марта 1790 года указывается: «Промышленничьи поморских жителей суда, упражняющиеся в ловле рыбы на Мурманском берегу от границы нашей с Данией до Святого Носа и в завороте по проливу в Белое море промысла сего в продолжение наступающего лета без опасности от неприятеля производить не могут, ибо предполагать надлежит, что неприятель поиски свои в ту сторону главнейше предпримет при подкреплении военных судов, ...не упустят случая воспользоваться захвачением промышленничьих судов, припасов и прочих к промыслам

* Согласно указу Екатерины II от 22 мая 1784 года Олонецкая область преобразована в Олонецкое наместничество, которое вошло в состав Олонецкого и Архангельского генерал-губернаторства. Кемский городок получил статус уездного города в 1785–1796 годах. Кемский уезд входил в состав Олонецкого наместничества. По указу Павла I от 12 декабря 1796 года Олонецкое наместничество было упразднено, территория разделена между Архангельской и Новгородской губерниями, Кемский уезд вошел в состав Архангельской губернии.

Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 2 декабря 1858 года территория упраздненного Кольского уезда была передана в состав Кемского уезда. В соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 8 февраля 1883 года из местностей, входящих в состав 4- и 5-го станов Кемского уезда, был вновь образован Кольский уезд, Кандалакшская и Ковдская волости остались в составе Кемского уезда. В 1899 году Кольский уезд переименован в Александровский уезд Архангельской губернии.

Волости Кемского уезда Архангельской губернии вошли в состав Карельской Трудовой Коммуны в 1920 году.

принадлежностей»². Т. И. Тутолмин предлагал различные меры по обеспечению безопасности работников промыслов, в том числе находящихся в городе Коле: Кольскому нижнему земскому суду приказать «по всему протяжению берега, при коем промышленники производят лов рыбы, устроить в пристойных местах маяки и учредить при том из промышленников стражу таким образом, дабы в случае покушения неприятельского чрез зажжение маяков, начиная от ближайшего к тому места, куда неприятель ...произведет покушение»³, дать знать об опасности.

В этом же деле имеются сведения о рыбном и зверином промыслах на Мурманском берегу. В ведомости, подписанной кемским городничим А. К. Кудрявцевым «В какое время отходят на рыбный и звериный промыслы, и когда с оных возвращаются, тоже и где промышляют» от 1 апреля 1790 года сообщалось, что «на промыслы рыбный тресковый и звериный, начиная с февраля, с последних чисел, марта по 10-е число все отошли. ...Рыбные тресковые промыслы состоят в Кольской округе на Северном окияне начиная полагать расстояние от Кеми воденным путем до тысячи верст, а занимаются ловом места положении от Святого Носа и до самого города Колы, а временем ловят и по ту сторону города Колы и занимает сим промыслом до самой дадской границы до урочища, называемого Вайдугубы. Промысел же чинят в гребных судах, называемых шнеках, и кроме рыбных снастей никаких орудий ко обороне от неприятеля при них не бывает... По вскрытии же льда июня в первых числах хозяева их из города Кеми и из других мест отъезжают к ним и, забрав тех ловцов и рыбу, проезжают в город Архангельск сентября к 8-му числу, ...а из Архангельска по распродаже рыбы возвращаются в дома в октябре месяце. ...И буде положить со всех мест, как то из Архангельска, Онеги, Холмогор, Колы и с их окружными уездными селениями, то может бывать на промыслах до трех тысяч человек»⁴.

Документы дела об увольнении от должности ратмана Кемского городского магистрата Трофима Поткова раскрывают подробности отъезда некоторых хозяев судов к месту лова. 28 мая 1792 года Потков обратился в магистрат с просьбой разрешить ему отлучиться на рыбные промыслы на Мурманский берег и в город Архангельск на 4 месяца: «Я имею у себя морские рыбные промыслы, на которые и отпущено наемных работников 12 человек, кои и находятся на Мурманском берегу, куда надлежит отправить состоящие у меня мореходные свои суда», однако его сыновья отправиться туда не могут, поскольку старший сын Петр «состоит по оному магистрату по делу за неплатеж по фальшивому векселю петрозаводскому мещанину Простокишину денег, и находится под стражей в градской тюрьме почти целые два года», а младший сын Козьма болен, отправить работников на рыбный промысел «без себя или детей моих к препровождению туда и в Архангельск способу не имею»⁵. Разрешение было получено, Потков был уволен, в октябре он вернулся в город Кемь и вступил вновь в должность ратмана Кемского городского магистрата.

Документы Олонецкого наместнического правления находятся также в фонде Олонецкого губернского правления, где, например, содержатся сведения о количестве почтовых отправок по трактам, в том числе от города Кеми к городу Коле, за 1789–1790 годы (Ф. 2. Оп. 61. Д. 284).

Фонды органов городского самоуправления

Ф. 162 «Кемский городской голова» (31 ед. хр., 1881–1897, 1917–1919 гг., оп. 1–2).

Должность учреждена на основании «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 года. В городе Кеми должность упразднена в 1895 году, восстановлена в 1917 году. Являлся главой городского общественного управления.

В фонде имеются уведомления архангельского губернатора о постановлениях особого комитета по выдаче ссуд мурманским рыбопромышленникам за 1887–1888 годы. Так, кемские мещане Иван и Федор Норкины, Степан Степанов и Степан Гринфельд организовали шнячную артель, Василий Федотов и Яков Степанов — карбасную, и в ноябре 1887 года просили ссуды на образование рыбного промысла на Мурманском берегу. Ответ был получен в январе 1888 года, однако особый комитет отказал в просьбе, поскольку «назначенный для выдачи подобного рода ссуд срок давно уже истек», и предложил обратиться вновь в следующем году «заблаговременно, то есть не позже сентября месяца через местного городского голову»⁶.

Фонды уездных органов суда

Ф. 200 «Кемский уездный суд» (727 ед. хр., 1814–1816, 1823–1889, 1911–1913 гг., оп. 1–6).

Суд был открыт на основании акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года в 1797 году. Являлся судом первой инстанции по уголовным и гражданским делам. В 1859 году деятельность Кемского уездного суда распространилась на территорию упраздненного Кольского уезда. Кемский уездный суд упразднен в 1889 году на основании «Временных правил об устройстве мировых судебных установлений и следственной части в Архангельской губернии» от 12 декабря 1888 года в связи с открытием мировых судов.

Фонд содержит уголовные дела о кражах, побоях, поджогах, обнаружении мертвых тел, уклонении крестьян от рекрутской повинности, должностных преступлениях, незаконной охоте и рыбной ловле, провозе контрабанды через финляндскую и норвежскую границы и др., гражданские дела о спорных землях, рыбных ловлях и недвижимости, взыскании долгов частных лиц, нарушениях участниками договоров и контрактов и др. не только Кемского уезда, но и Кольского. Поскольку в судебных делах находятся протоколы допросов, они сопровождаются клятвенными обещаниями допрашиваемых говорить правду перед дачей показаний, как, например, клятвенные обещания крестьян Кильдинского погоста Кольско-Лопарской волости в 1886 году. К присяге крестьян приводил священник кольского собора Гавриил Аникитич Мансветов (Ф. 200. Оп. 1. Д. 178/2420. Л. 8).

В фонде имеются документы, непосредственно относящиеся к событиям Крымской войны на Севере России, где развернулись боевые действия между английской военно-морской экспедицией и русскими войсками.

Так, в деле кемского уездного суда за 1854 год о крестьянине деревни Керетской Ковдской волости Кольского уезда Иване Осиповиче Пайкачеве и о находившемся в городе Коле под надзором полиции дворовом человеке Федоре Иванове, захваченных неприятелем в плен при бомбардировке города Колы, содержатся протоколы допросов свидетелей этого события: в августе 1854 года Пайкачев, Иванов, мещанка Авдотья Рекунова, крестьянка Ефимия Панкратова с сыном Максимом возвращались на промысловой шняке в город Колу с Мурманского берега и в Кольской губе недалеко от города у Дровяного ручья 9 августа были задержаны английским пароходом. Иванов и Пайкачев были взяты в плен на борт парохода, где их спрашивали о количестве пушек и солдат в городе Коле, женщин и мальчика напоили чаем с сухарями и отпустили вместе со шнякой. Иванов и Пайкачев находились на судне, закованные «в железо». На следующий день Пайкачева высадили на берег, а Иванов решил остаться на пароходе. Пайкачев после возвращения в город Колу некоторое время находился под арестом по обвинению в помощи англичанам. Однако архангельский военный губернатор своим предписанием от 22 сентября 1854 года «не находя ничем этого крестьянина виновным, ...повелел освободить его, Пайкачева, от следствия и ареста»⁷. В деле также имеются показания свидетелей, наблюдавших со стороны реки Колы, как пароход открыл огонь из пушек по городу.

Следственное дело Кемского уездного суда за 1856 год касается деятельности Давида Европеуса, фольклориста, археолога, этнографа. Совершая исследовательские экспедиции, Европеус собирал народные руны, изучал различные языки, занимался археологией, изучал историю происхождения финно-угорских народов. Находясь в деревне Кандалакше в сентябре 1856 года, он сообщал становому приставу 1-го стана в городе Коле: «Я от Императорского географического общества в Санкт-Петербурге послан для производства ...исследования в северной части Архангельской и Олонецкой губернии и в Терской Лапландии... От меня требуются написание лопского языка и исторические и этнографические сведения. ...Я здесь достал сведение о старинных могилах, по преданию принадлежащих старинному народу «чудь» и находящихся в лесу недалеко от деревни, ...из двух ...только камнями покрытых могил выбросил камень ...нашел кости человеческие и черепы, на которых лоб чрезвычайно низкий и ямки глазные очень плоские, так что явно доказывалось, что эти «чудские» черепы в самом деле принадлежат народу, который стоял далеко от лопарей и для того с полным правом и по преданию назван особенным именем «чудь». Эти черепы я взял с собой в мою квартиру, чтобы посылать их с почтой в Санкт-Петербург упомянутому Императорскому обществу»⁸.

Однако крестьяне Кандалакшской деревни отобрали выкопанные Европеусом из могил около деревни черепа и свидетельство географического общества, потому что боялись распространения холеры. Следствие было прекращено в 1859 году, крестьян признали невиновными.

Ряд дел кемского уездного суда иллюстрирует опасность рыбного промысла. Так, в 1862 году в городе Коле распространились слухи о массовой гибели промышленников на Мурманском берегу.

Следствие выяснило, что в становищах Гаврилове, Щербинихе, Трящине, Шубине, Семи островах 21 апреля при благоприятной погоде промышленники отправились в море для промысла рыбы, но «вдруг случилась сильная погода со снегом, так, что не видно было друг друга, все шняки с народом разнесло в разные стороны и не знали, где находятся»⁹. Одних унесло в море, где суда утонули вместе с рыбаками, другие, хоть и выбрались на берег, но погибли от холода в мокрой одежде. Такая же буря была и 31 мая. В итоге дознания выяснилось, что погибло 59 человек.

В 1863 году были признаны погибшими норвежский подданный крестьянин Эрик Гансин и государственные крестьяне Печенгского общества Петтер и Гальт, которые в октябре 1861 года из Малонемецкого становища отправились на ёле, принадлежавшей кольским купеческим братьям Шабуниним, на промысел акул. Была сильная буря, ёла пропала без вести (Ф. 200. Оп. 1. Д. 60/565а).

В 1864 году кемский уездный суд расследовал дело «о без вести утерявшихся рыбопромышленниках». 7 октября 1863 года кормщик, кольский мещанин Семен Яргин, с тремя рабочими, крестьянами Кемского уезда, отправились из города Колы на шняке «для промысла аккул в Северном океане»¹⁰. После бури, бывшей 22 октября 1863 года, промышленников никто не видел.

В том же 1864 году суд рассматривал дело о потерянных убытках кольским купцом Базарным от купленной шкуны, получившей крушение близ Лумбовского лопарского погоста, у лопарей оказались сохраненными 150 саж. цепей и два якоря (Ф. 200. Оп. 1. Д. 68/637), а в 1866 году суд рассматривал дело о крушении у Вороньих Луд английского судна «Бриг Христиан» и о снятой с него смоле: в деле, среди прочих документов, находится аукционный лист о продаже смолы, которую удалось спасти с затонувшего судна (Ф. 200. Оп. 1. Д. 77/738).

В делах встречаются и личные документы иностранных подданных. Так, в деле за 1869 год о нападении и грабеже, произведенном русскими промышленниками на Мурманском берегу в становище Вайдагубе у норвежских подданных на их судах, находятся паспорта финляндца Матиаса Лямсина (1863 год) и норвежца Мартына Венберга (1866 год) на шведском языке (Ф. 200. Оп. 1. Д. 121/1406. Л. 159, 160).

Дела, отражающие особенности работы на Мурманском берегу, представлены следственным делом за 1885–1888 годы о фактористе Мурманского берега Александре Федорове Савине, обвиняемом в неправильной постройке салотопенного завода в становище Гаврилове: «завод салогрейный ...находится при приезде в Гаврилово на правой руке на берегу губы в середине рыбопромышленнических станов изб, по словам промышленников завод Савина их много стесняет, берег находится постоянно в сале, поэтому по приезде с моря нельзя выбросить так называемого тюка на берег, также салосогревательный завод может служить опасностью пожара становищу»¹¹. Суд постановил: «Факториста Мурманского берега Александра Федорова Савина, православного, грамотного, 35 лет от роду ...подвергнуть денежному взысканию в размере 75 рублей, ...завод уничтожить за счет виновного в месячный срок»¹².

Условия труда рабочих иллюстрирует дело о лейтенанте флота Андрее Николаевиче Коссовиче, на которого подали жалобу кольскому полицейскому надзирателю Александру Авенировичу Шабунину рабочие на китобойном заводе в Ара-губе (крестьяне Керетской, Ковдской и др. волостей). А. Н. Коссович состоял на службе у «Товарищества китоловства на Мурмане» в качестве помощника представителя товарищества и, за отсутствием последнего на китобойном заводе, с апреля 1884 года являлся «полным распорядителем работ на фактории, которые состояли тогда в окончании постройки сального завода, достройки дома для управления и ...подготовке места под фундамент гуанного завода»¹³.

Рабочие жаловались: «...Пищей обижены так сильно, что во время ложимся спать без ужина, потому что работа очень утяжелительна, камень и землю работаем, поэтому пищу сердца наши не принимают. Первое, что у нас во Святую Пасху была кислая говядина, и то не вдоволь. Второе,

мы изпотребляли пятилетнюю зубатку, после которой у нас было немало времени на сердца наших перемена, чрез что мы были нездоровы... Раньше комяной работы от роду не видели. На работе нас гоняют не по силы нашей возможности и удерживают сверх означенного времени, которое нам к контракте написано»¹⁴.

Следует заметить, что прибывшего для расследования в Ара-губу А. А. Шабунина Коссович принял за подозрительную личность, так как «и не в таком глухом уголке России, как Мурманский берег, является масса проходимцев, именующих себя и не такими малыми титулами, как надзиратель уездного города»¹⁵. В ответ на жалобы крестьян, Коссович отмечал: рабочие знали при найме, что будут заниматься не рыбной ловлей, к которой привыкли, а постройкой заводов, «зная характер мурманской почвы, они понимали, ...что идут не на легкую работу», что он всячески старался облегчить им условия труда, что «едва ли где в другом месте на Мурманском берегу так много заботятся о рабочих»¹⁶.

Кроме указанных выше дел, в фонде имеются дела, которые стоит отметить:

— дело за 1868 год о найденных кольским таможенным надзирателем на судне кольского мещанина Андрея Молвистова контрабандных товаров: Молвистов купил в 1866 году в Норвегии 6 голов сахара, 5 фунтов чая и 3 анкера рома. «За неимением в Архангельской губернии смирительных домов» в январе 1867 года его приговорили к тюремному заключению в кемской тюрьме на четыре месяца. Молвистов подал прошение об отсрочке, так как срок заключения окончится в мае, когда начнется весенняя распутица, «и он не в состоянии будет возвратиться в Колу почти к Петрову дню, между тем ...это время есть единственное время для кольских жителей, в течении которого приобретается насущный хлеб для всего годового продовольствия и денежный запас для уплаты всех государственных повинностей»¹⁷. Просил отложить наказание до начала октября. Суд согласился с разрешения Архангельской палаты уголовного и гражданского суда;

— дело за 1876 год о самовольной отлучке в Норвегию колониста Урской колонии Юзефа Келисалми: колонист Бергстром показал, что в 1874 году шел на ёле вместе с Келисалми из колонии Еретики в город Вадсё, но Келисалми обратно с ним не возвратился. В следственном деле указано: в 1875 году Келисалми должен был подлежать воинской повинности, и нет надежды, что он возвратится в Отечество, дело производством было прекращено (Ф. 200. Оп. 1. Д. 109/1199);

— дело за 1876 год о самовольном устройстве забора: «На реке Ниве крестьяне Кандалакшского селения устраивают забор, препятствующий ловле рыбы лопарям, проживающим вверх по реке»¹⁸. Верх по реке проживали лопари Бабинского погоста. Решением суда крестьян наказали денежными суммами, забор разобрали;

— дело за 1879 год о сборе гагачьего пуха крестьянками Кандалакшского селения в неразрешенное время: крестьянки Настасья Плотникова, Агафья Мостинина и Аграфена Лопинцева в Кандалакшской губе ловили треску, увидели, как с острова полетели гавки, сошли на остров и собрали 3,8 фунта пуха. Крестьянок признали виновными в неоднократном сборе гагачьего пуха и яиц. В деле находится аукционный лист о продаже пуха (Ф. 200. Оп. 3. Д. 1/3);

— дело за 1880 год о разрушении больничного здания в становище Гаврилове колонистом Фомой Лопиновым: колониста обвинили в краже из больничного здания лестниц, дверей, досок для личных домашних построек. Однако другие колонисты показали, что разрушения в больничном здании начались до 1870 года. Лопинов был освобожден от суда и взыскания (Ф. 200. Оп. 1. Д. 134/1621);

— дело за 1882 год о норвежских подданных, обвиняемых в вылове рыбы близ русских берегов: норвежские подданные у берегов колонии Цып-наволок и других становищ в 1779 году производили вылов рыбы и отказывались покидать «русские приделы», а пойманную рыбу продавали промышленникам по заниженной цене. Один из свидетелей, колонист колонии Уры, показывал: «Вообще норвежцы крайне обижают колонистов, приходя массою к русским берегам для лова рыбы и вылавливая ее у них из-под носу и в те годы, когда в Норвегии бывает плохой улов. Русских они пускают ловить в свои воды только под условием платы за право ловли, а иначе сейчас же отбирают ёлу»¹⁹. Суд определил взыскать с норвежских рыбаков денежную сумму, но поскольку они спустя три года находились в Норвегии, деньги заплатил поручившийся за них

колонист Людвиг Фридриксен, кроме того, суд постановил «донести о лове рыбы норвежских подданных близ русских берегов Архангельскому губернскому правлению на предмет доведения до сведения норвежскому правительству»²⁰;

— дело 1882 года о колонисте Людвиге Фридриксене, обвиняемом в покупке кита у норвежских подданных, изловивших его близ колонии Цып-наволок в русских водах: факт покупки подтвердили свидетели, но следствие прекратили для решения дела гражданским порядком (Ф. 200. Оп. 1. Д. 144/1786);

— дела за 1883 год о лопарях Пазрецкого погоста, норвежских подданных, обвиняемых в самовольной порубке дров в Пазрецкой казенной даче (Ф. 200. Оп. 1. Д. 151/1921, 151/1922);

— дело о крестьянах Кольского уезда за 1883 год, обвиняемых в уводе нескольких десятков оленей у финляндцев прихода Куолаярви: русские лапландцы разных деревень Кольского уезда увели оленей с острова в озере Куолаярви в 1874 году (Ф. 200. Оп. 1. Д. 152/1944).

Ф. 738 «Судебный следователь Кемского уезда Архангельской губернии» (7 ед. хр., 1873–1882 гг., оп. 1–2).

Должность учреждена на основании акта «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 года. Производил предварительное следствие по уголовным делам в пределах участка. Должность упразднена на основании декрета СНК «О суде» от 22 ноября 1917 года.

Фонд содержит дела судебных следователей 3-, 4-, 5-го станов Кемского уезда, охватывавших территорию упраздненного Кольского уезда:

— следственное дело за 1873–1882 годы об отпущенном безденежно лесном материале крестьянам Кемского уезда для постройки и исправления становищ на Мурманском берегу и использовании его не по назначению. В деле имеются именные ведомости об отпущенном лесе купцам, мещанам, крестьянам города Колы, лопарям Печенгского, Мотовского погостов и др. в 1871–1873 годах (Ф. 738. Оп. 2. Д. 1/1);

— следственное дело за 1878–1879 годы о нанесении оскорбления керетскому волостному старшине Игнатию Юрьеву крестьянином Керетского селения Михайлом Матвеевым: волостной старшина требовал возврата выданной муки из ссудной сельской кассы, Матвеев заявлял, что не признает Юрьева старшиной (Ф. 738. Оп. 2. Д. 1/2).

Фонды военных учреждений

Ф. 693 «Кемское уездное рекрутское присутствие» (259 ед. хр., 1824, 1828, 1833–1842, 1846–1873 гг., оп. 1–5).

Образовано согласно указу Павла I «О приеме рекрутов в уездных городах» от 1 сентября 1797 года. Являлось временной комиссией на период проведения рекрутских наборов. Открыто в городе Кемь, осуществляло прием рекрутов в Кемском и Кольском уездах. Упразднено в связи с введением «Устава о воинской повинности» от 1 января 1874 года и учреждением уездных по воинской повинности присутствий.

В фонде имеются:

— ведомости Кольского уездного казначейства о рекрутских деньгах, внесенных вместо натуральных рекрутов, и о складочных деньгах. 1846 год (Ф. 693. Оп. 2. Д. 1/15);

— рекрутский список мещан города Колы, отбывающих рекрутскую повинность натурой и деньгами по 300 рублей серебром за каждого рекрута. 1854 год (Ф. 693. Оп. 1. Д. 6/68);

— семейный список по рекрутскому набору крестьян Кандалакшского сельского общества. 1864 год (Ф. 693. Оп. 3. Д. 1/5);

— жеребьевый список крестьян Кандалакшского сельского общества. 1865 год. (Ф. 693. Оп. 5. Д. 4/55);

— дело по общему рекрутскому набору о приеме рекрутов по Кандалакшскому обществу. 1867 год (Ф. 693. Оп. 4. Д. 1/11);

— жеребьевые списки крестьян Кузоменской волости по рекрутскому набору 1854–1855 года, 1865 год (Ф. 693. Оп. 1. Д. 5/53, 5/60, 7/78; Оп. 5. Д. 2/17, 4/58);

— дело по общему рекрутскому набору 1867 года о приеме рекрутов по Кузоменскому обществу. 1867 год (Ф. 693. Оп. 4. Д. 1/11);

- семейный рекрутский список Тетринского сельского общества. 1864 год (Ф. 693. Оп. 1. Д. 9/101);
- жеребьевый список крестьян Тетринской волости. 1865 год (Ф. 693. Оп. 5. Д. 4/57);
- дело о приеме рекрутов по Тетринской волости. 1867 год (Ф. 693. Оп. 4. Д. 1/16);
- семейный рекрутский список Умбского сельского общества. 1855–1864 годы (Ф. 693. Оп. 1. Д. 7/74);
- призывной список Умбского сельского общества. 1863 год (Ф. 693. Оп. 1. Д. 8/92);
- жеребьевый список крестьян Умбской волости. 1865 год (Ф. 693. Оп. 5. Д. 4/56);
- дело о приеме рекрутов по Умбскому обществу. 1867 год (Ф. 693. Оп. 4. Д. 1/18).

Ф. 476 «Кемское уездное по воинской повинности присутствие» (133 ед. хр., 1874–1896, 1900, 1902, 1903, 1906 гг., оп. 1–2).

Образовано на основании «Устава о воинской повинности» от 1 января 1874 года. Члены присутствия составляли и сверяли призывные списки, осуществляли медицинское освидетельствование и прием на военную службу новобранцев, ходатайствовали о назначении пособий увечным воинам и др. Упразднено согласно постановлению НКВД «О ликвидации губернских и уездных присутствий по воинской повинности» от 20 января 1918 года.

Во второй участок присутствия входили территории Кольского и Александровского уездов. В фонде имеются призывные списки за 1875–1892 годы, жеребьевые списки за 1894 год 2-го участка, сведения о выполнении призыва за 1874–1896 годы: по городу Коле, по Керетской, Ковдской, Кольско-Лопарской, Кандалакшской, Кузоменской, Мурманско-Колонистской, Олангской, Понойской, Тетринской, Умбской волостям.

Интересно отметить, что в призывном списке за 1875 год значится вышеуказанный колонист колонии Ура-губа Юзеф Томас Келисалми, «20 лет, финляндец, грамотный по финляндски, промышленник рыбы на Мурманском берегу». В графе «Отметки о состоящих под следствием или судом» указано: «Судится за самовольную отлучку в Норвегию, откуда не возвратился еще и до сего времени»²¹.

Фонды финансовых, налоговых, кредитных учреждений

Ф. 4 «Олонецкая казенная палата» (15 831 ед. хр., 1765, 1775–1776, 1780–1921 гг., оп. 1–41, 44–54, 56–60).

Образованная на основании акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года, палата была открыта в городе Петрозаводске в 1784 году как казенная палата Олонецкого наместничества. Вновь открыта в 1802 году при образовании Олонецкой губернии. Являлась главным финансовым органом губернии. Ведала податным делом, финансовым контролем, государственными имуществами, государственными крестьянами и др., в том числе в ведении палаты находились переписи податного населения (ревизии).

В фонде имеются ревизские сказки 9-й ревизии 1850 года купцов и мещан города Колы Архангельской губернии, государственных крестьян Архангельской губернии Кемского округа Кольского уезда Ковдской волости Керетского, Кандалакшского, Кундозерского, Екостровского, Воронежского, Печеньгского сельских обществ, Кузоменской волости Умбского, Варзугского, Тетринского, Понойского сельских обществ, дополнительная ревизская сказка о пропущенных душах в перепись 1858 года (10-я ревизия), составленная в 1868 году по Тетринскому сельскому обществу (Ф. 4. Оп. 19. Д. 26/215, 27/224)²².

Также в фонде находятся метрические книги Керетского прихода за 1862–1890, 1894, 1900–1920 годы. (Ф. 4. Оп. 23, 27) и Кандалакшского прихода за 1909 год (Ф. 4. Оп. 27. Д. 337).

Ф. 304 «Податной инспектор Кемского уезда» (191 ед. хр., 1886–1917 гг., оп. 1, 3).

Должность введена на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «Об учреждении должностей податных инспекторов» от 30 апреля 1885 года. Надзирал за поступлением сборов с торговых и промышленных предприятий, наблюдал за правильностью уплаты пошлин, производил оценку имуществ, подлежащих налоговому обложению, вел учет поступления окладных сборов и др. Должность упразднена на основании декрета СНК РСФСР «Об организации

финансовых отделов губернских и уездных исполнительных комитетов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» от 1 ноября 1918 года.

Податной инспектор Кемского уезда заведовал участком, в который входили Кемский и Кольский (с 1899 года — Александровский) уезды Архангельской губернии.

Фонд содержит документы по Кольскому, Александровскому уездам, например:

— дела о недвижимых имуществах за 1888–1891, 1911–1916 годы (Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/22, 25, 26, 5/36, 5/46, 6/54, 7/64, 21/172);

— ведомости торговых и промышленных заведений за 1888, 1890, 1914–1915 годы (Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/21, 6/50, 21/175), дела о ревизиях торговых заведений, ревизиях торговых документов при волостных правлениях, о положении торговли за 1889–1890 годы (Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/39, 5/42, 43, 6/52);

— ведомости об оборотах сумм мирского капитала и о запасах хлеба в торговых магазинах и ссудных сельских кассах, состоянии хлебной промышленности за 1888–1890 годы (Ф. 304. Оп. 1. Д. 4/27, 31, 5/48);

— дела о податных сборах и недоимках окладных сборов, числящихся на крестьянах, за 1886–1889 годы (Ф. 304. Оп. 1. Д. 2/8, 3/15, 4/20);

— дела о проверке раскладочного сбора по городу Коле за 1887–1888 году (Ф. 304. Оп. 1. Д. 3/17);

— дело о землевладении и занятиях жителей за 1889 год (Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41).

В документах даются подробные сведения о жителях Кольского уезда.

Так, в деле «О землевладении и занятиях жителей Кольского уезда» за 1889 год волостные старшины предоставляют податному инспектору сведения о количестве в волостях усадебной, пахотной и другой земли, сведения о количестве судов, о главных занятиях крестьян, лопарей, колонистов и др.

У крестьян Керетской волости «усадебной земли: под огородами и луговой неизвестно сколько, ...так как генерального межевания никогда не производилось и крестьяне определить тоже не могут, ...пахотной 40 дес., сенокосной 1474 дес. 1350 саж. и в частном владении ... на 40-летнем праве 114 дес. 725 саж. ...Под посевом ячменя 40 дес. Ржи и овса ...посева не производится. ...Заборов, устраиваемых для лова семги на реке Керети 1, тоне для лова семги, сига и сельдей постоянных 18 и для весеннего промысла ...сельдей 40. ...Морских судов: 9 шхун, 1 брик, 2 яхты и 2 клепера, всего 14. Морских карбасов для промысла сельдей у берегов Белого моря 140, речных и озерных 100, всего 240. Главные занятия жителей ...рыбный промысел у берегов Белого моря, а также частью на Мурмане и в зимнее время выделка бочек сельдянок, рубка дров, ...извоз на лошадях, кто таковых имеет»²³.

В Кольско-Лопарской волости «количество усадебной земли, ...по неснятию на плане, определить с точностью невозможно, ...пахотной и земли, состоящей под огородами, нет, сенокосной земли ...138 дес. 367 саж. и во владении крестьян на 40-летнем праве 480 саж. Под посевом ржи, овса и ячменя земли также не имеется. Вся земля ...состоит в общем владении с казной и не разделена по небытности в Кольском уезде ни генерального межевания, ни частного межевания. ...Количество судов: большемерных коммерческих ёл 5, шняк 14, тройников 30, речных карбасов до 200, лодок до 300. Для ловли рыбы семги устраивается по реке Туломе два забора, один общественный лопарями Нотозерского и Сонгельского погостов, а другой повыше его причтом Нотозерского Богоявленского прихода... Тоней для ловли семги... по Кольской губе, принадлежащих лопарям и крестьянам Кильдинского погоста, 38, по реке Печенге у лопарей и колонистов этой местности 12, в Мотовском заливе во владении мотовских лопарей 8, в общем владении у лопарей и колонистов по реке Воронья 5, реке Лице 6, Ринде 3, Териберке 9. Главные занятия лопарей ...рыболовство в реках, озерах и при берегах Мурмана, ...оленоводство и извозничество на них ...мурманских поморян»²⁴.

В Мурманско-Колонистской волости: усадебной земли до 533 дес. 39 саж., «должно полагать, что более, так как на некоторые колонии еще не издано планов», сенокосной до 884 дес. 240 саж., на праве 40-летнего владения до 94 дес. 575 саж. пахотной и луговой, под огородами земли нет, под посевом ржи, овса и ячменя не имеется «по несуществованию в волости этого рода отрасли хозяйства». Морских судов, принадлежащих колонистам: клеперов 1, лестер-ботов 10, ранщин 1, брам 3, ёл 101, тройников 2, шняк 32, итого 150 шт., и речных судов карбасов и лодок 82. Для лова семги устраиваются два забора на реках Уры и Большой Лице, тоней в заливах губ и около берегов

рек до 30, «вообще лов рыбы производится в большинстве сетями (неводами и гарвами). ...Главные занятия местных колонистов ...морские рыбные промыслы, ...найм в рабочие и продажа скота»²⁵.

В деле «О положении торговли в Кольском уезде» за 1889 год представлены именные ведомости кольских купцов, мещан и сведения о торговых лавках и ренсковых погребах в городе Коле, лавках, амбарах, мелочных и винных лавках, трактирных заведениях и других торговых помещениях в деревнях, колониях, факториях и становищах Кольского уезда. В ведомости заседателя волостного правления Кольско-Лопарской волости имеется характерное примечание: «сведения, показанные в настоящей ведомости, по колониям и становищам Териберки, Гаврилову, Восточной Лице, Шельпиных и Ринды, взяты при сообщении местных сельских старост, которые ими доставлены как видно неполными, ввиду их малограмотности, проверить же помещения на местах старшине не представилось возможности, во-первых, потому, что все торговцы восточной стороны с начала весны уезжали на западную сторону, откуда возвратились уже около половины июня месяца, в отсутствие их заведения были закрыты, а с возвращением торговцев старшина выбыл на западную сторону по делам не терпящим отлагательств, откуда еще не возвратился»²⁶.

В фонде также находится дело Кемско-Александровского по военному налогу присутствия за 1915–1917 годы, в котором, кроме переписки с различными учреждениями Архангельской губернии, находится список плательщиков военного налога за 1917 год по Александровскому уезду (Ф. 304. Оп. 1. Д. 24/194).

Ф. 226 «Кемское уездное казначейство» (423 ед. хр., 1798–1917 гг., оп. 1–2, 4–9).

Образовано на основании акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года, открыто в городе Кемь в 1786 году. Занималось сбором и хранением государственных доходов, контролировало расходование денежных средств государственными учреждениями, ведало выдачей промысловых и торговых свидетельств, паспортов, продаж гербовой бумаги и др. Ликвидировано в 1920–1921 годах на основании декрета СНК РСФСР «О слиянии казначейств с учреждениями Народного банка» от 31 октября 1918 года.

В 1859–1883 годах деятельность Кемского уездного казначейства распространилась на территорию упраздненного Кольского уезда. За указанный период в фонде находятся 52 дела, часть из которых представляет собой дела, содержащие указы и предписания Архангельской казенной палаты, квитанции об обревизовании казначейства, формулярные списки чиновников и др. В оставшихся финансовых документах казначейства (ведомостях об окладных сборах, о лесных доходах, книге о прибыли и убыли душ государственных крестьян и др.) встречаются сведения по волостям упраздненного Кольского уезда. В документах после 1883 года имеются сведения по Керетской волости, отошедшей после восстановления Кольского уезда к Кемскому уезду.

Ф. 265 «Государственная сберегательная касса № 392 при Кемском уездном казначействе» (162 ед. хр., 1886–1920 гг., оп. 1–2).

Учреждена на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «Об открытии сберегательных касс при казначействах» от 21 февраля 1884 года. Занималась приемом вкладов, операциями с ценными бумагами. Согласно «Временным правилам о почтово-телеграфных сберегательных кассах» от 26 июня 1889 года имели в подчинении почтово-телеграфные сберегательные кассы. Продолжала действовать до 1920 года.

В ведении сберегательной кассы при Кемском уездном казначействе находились приписные сберегательные кассы не только Кемского уезда, но и части Александровского уезда.

В фонде имеются сведения о почтово-сберегательных кассах Александровского уезда:

— о Кузоменской почтово-телеграфной сберегательной кассе № 6: описи кассы за 1900–1902, 1904–1906 годы, переписка с кассой за 1916 год (Ф. 265. Оп. 1. Д. 8/71, 11/91, 14/137, 18/179, 39/374);

— об Умбской почтово-телеграфной сберегательной кассе № 10: переписка с начальником Архангельского почтово-телеграфного округа об открытии кассы за 1902–1903 годы, описи кассы за 1902–1904, 1915, 1918 годы, переписка с кассой за 1916 год, ведомости о вкладах, поступивших в кассу, за 1920 год (Ф. 265. Оп. 1. Д. 12/107, 13/123, 16/154, 32/311, 35/339; Оп. 2. Д. 15, 17);

— о кассе № 15 в селе Имандре: книга для записи первоначальных взносов за 1916 год (Ф. 265. Оп. 1. Д. 40/395).

Кроме того, в фонде находятся документы Кандалакшской (1899–1902, 1918 гг.; Ф. 265. Оп. 1. Д. 7/63, 8/72, 11/92; Оп. 2. Д. 16); Керетской (1904–1905, 1907, 1910–1911, 1916 гг.; Ф. 265. Оп. 1. Д. 16/155, 19/187, 24/222, 38/363) и Ковдской (1913–1914 гг.; Ф. 265. Оп. 1. Д. 29/284) почтово-телеграфных сберегательных касс, которые в этот период находились в составе Кемского уезда.

Следует отметить фонды таможенных застав, находящихся на хранении в НА РК, которые были открыты в Кемском уезде.

Ф. 168 «Керетская таможенная застава» (370 ед. хр., 1892–1920 гг., оп. 1–3).

Открыта как таможенный пост в 1893 году, в 1897 году преобразована в таможенный пункт, в 1913 — в таможенную заставу. Фонд содержит сведения о деятельности заставы, которая была создана для контроля за экспортом продукции лесопильного завода братьев Савиных близ села Кереть Кемского уезда, занималась контролем перемещения через границу товаров и транспортных средств, взиманием пошлин, борьбой с контрабандой.

Ф. 282 «Кемская таможенная застава» (339 ед. хр., 1880–1922 гг., оп. 1–3).

В фонде имеется дело «Переписка Умбской таможенной заставы по различным вопросам за 1916 г.» (Ф. 282. Оп. 1. Д. 28/283).

Фонды учреждений строительства и транспорта

«Управление по постройке Мурманской железной дороги» (Ф. 320, 7238 ед. хр., 1899, 1912–1919, 1922, 1923 гг., оп. 1–8; Ф. Р-1576, 366 ед. хр., 1910, 1914–1920 гг., оп. 1).

Управление учреждено в январе 1915 года в связи с окончанием полевых работ по изысканию и проектированию трассы железнодорожной линии Петрозаводск — Сорокская бухта и началом ее строительства. Строительство подразделялось на три участка, сооружаемых отдельно друг от друга: южный (Петрозаводск — Сорокская бухта), средний (Сорокская бухта — Кандалакша) и северный (Кандалакша — Мурманское побережье). С апреля 1915 года в связи с производством окончательных изысканий и началом строительства железнодорожной линии от Сорокской бухты до Мурманского побережья стало именоваться Управлением работ по постройке железнодорожных линий Петрозаводск — Сорокской и Мурманской. Ликвидировано в мае 1919 года. Документы поступили из архива Кировской железной дороги в 1954 году.

В фонде содержатся: распоряжения, положения и инструкции Министерства путей сообщения, циркуляры Управления по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения, приказы начальника работ по постройке дороги, начальника временной эксплуатации, главного начальника Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов за 1917 год, распоряжения начальников участков строительства дороги, документы об отчуждении земель, проведении изыскательных и проектных работ, доклады начальников участков Мурманской железной дороги, переписка с контрагентами и подрядчиками о ходе строительных работ, договоры с поставщиками о доставке оборудования, подвижного состава и продовольствия, покупке и аренде судов для перевозки грузов, чертежи железнодорожных линий, пристаней, мостов, вокзалов, мастерских и др. сооружений железнодорожного транспорта, продольные профили железнодорожных линий, переписку об оборудовании пристаней в Кольском заливе, о выборе места Мурманского порта и основании нового города Романована-Мурмане и др. Так, например, в фонде находятся следующие документы за 1915–1917 годы:

— дела о подготовительных работах, об организации работ, доклады начальника работ о постройке линии Кандалакша — Кола (Ф. 320. Оп. 3. Д. 1/7, 5/35, 5/37);

— продольный профиль линии Кандалакша — Кола. (Ф. 320. Оп. 3. Д. 35/250, 84/652, 134/1052);

— списки работников по постройке линии Кандалакша — Кола: канцелярии, технического отдела, механической части, отдела отчуждения имущества, хозяйственного отдела, материальной части, службы телеграфа, санитарной части, счетной части, рабочих (Ф. 320. Оп. 3. Д. 13/97–113);

— план организации работ на постройке гражданских сооружений и земляных работ линии Имандра — Кандалакша (Ф. 320. Оп. 3. Д. 23/184);

- переписка о барже № 3, затонувшей 26 сентября 1915 года на озере Имандре, об извлечении из воды груза с баржи (Ф. 320. Оп. 3. Д. 53/430, 112/875);
- переписка о постройке моста через реку Кола, о восстановлении разрушенного при ледоходе моста в 1917 году (Ф. 320. Оп. 3. Д. 129/1016);
- переписка о договоре с лордом Френчем по постройке участка железной дороги на линии Кандалакша – Кола, о неорганизованности и неуспехе работ контрагента Френча (Ф. 320. Оп. 3. Д. 20/161, 59/468, 469а, 470, 472а, 68/534 и др.);
- дело о выдаче заказа на поставку провианта из Америки для снабжения линии Кандалакша – Кола (Ф. 320. Оп. 3. Д. 23/184);
- материалы и переписка о прибывших грузах из Америки и выгрузке их в селе Кандалакше: договоры, наряды, акты и др. (Ф. 320. Оп. 3. Д. 41/ 281, 46/365 и др.);
- проект установления непрерывного почтового сообщения с городом Колой через Финляндию (Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/45);
- дела об оборудовании пристанских устройств, маячных огней в Кольском заливе (Ф. 320. Оп. 3. Д. 13/95, 102/792);
- переписка о портовых изысканиях в Кольском заливе (Ф. 320. Оп. 3. Д. 16/133);
- переписка об устройстве рельсового пути через перешеек Рыбачьего полуострова (Ф. 320. Оп. 3. Д. 15/122);
- переписка об основании нового города Романова (Ф. 320. Оп. 3. Д. 107/836);
- дело о выборе места Мурманского порта с планом (Ф. 320. Оп. 3. Д. 28/210);
- схема Мурманского порта и развития портовых устройств города Мурманска (Ф. 320. Оп. 3. Д. 73/591);
- протокол совещания в городе Романове-на-Мурмане о нуждах станции и порта (Ф. 320. Оп. 3. Д. 140/1091);
- правила о порядке сдачи в аренду участков земли в городе Романове-на-Мурмане (Ф. 320. Оп. 3. Д. 105/822).

Документы фондов контрагентов по постройке Мурманской железной дороги дополняют информацию, содержащуюся в фонде № 320.

Ф. 783 «Контрагента лорда Френча по постройке Мурманской железной дороги» (26 ед. хр., 1915–1918 гг., оп. 1)

Фонд поступил из архива Кировской железной дороги в 1954 году. В фонде находятся документы, «образовавшиеся в результате деятельности контрагента Мурманской железной дороги подданного Великобритании Чарльза Остина Томаса Роберта Джона Иосифа Мартыновича лорда Френча (Charles Austin Thomas Robert John Josef son of Martin Lord French). Согласно договору с Управлением по постройке Мурманской железной дороги от 3 сентября 1915 г. лорд Френч, действующий по доверенности группы британских предпринимателей и фирм «Братья Боультон и Ко» (Boulton brothers and Co), Сэр Вальтер Юз и Артур Джон Барри (Sir Walter Hughes and Arthur John Barry) и «Паулинг и Ко» (Pauling and Co), обязался построить железнодорожную линию длиной 120 верст с линейными и хозяйственными постройками на 10-м участке дороги от Семеновской бухты до Имандры, а также доставить на место строительства 500 иностранных рабочих-специалистов, в основном канадцев. Срок договора с контрагентом истек 1 января 1916 г., к этому времени было построено 9,46 верст пути. После расторжения контракта производство работ перешло от контрагента в ведение технической администрации Управления работ по постройке Мурманской железной дороги. Материалы и имущество от контрагента лорда Френча были переданы Управлению по постройке Мурманской железной дороги в течение 1916–1917 гг.»²⁷.

В срыве строительства обе стороны обвиняли друг друга, рабочих. Так, в фонде имеются донесения начальника 3-й дистанции начальнику 10-го участка по постройке Мурманской железной дороги о порче имущества канадскими рабочими за 1915 год: «...Мною в присутствии помощника агента хоз. заготовок г. Корша и фактического контролера Н.Г. Смирнова составлены акты 24 октября на самовольно произведенную порчу казенного имущества и уничтожении такового канадскими

рабочими контрагента лорда Френча, как, например, сделанное в потолке дома для артельщиков на п. Семеново отверстий, полонку дрезины, качалки, уничтожение шпал на дрова, лесного материала, заготовленного для работ дистанции, взятие самовольно инструмента из закрытых кладовых на п. № 144, а также 5 ноября на сданные контрагенту лорду Френчу бараков для рабочих на п. № 132, 145 и 163, и 9 ноября на уничтоженные на дрова строительные бревна»²⁸.

В письме начальнику работ по постройке Мурманской железной дороги П. Е. Соловьеву представитель контрагента лорда Френча А. Л. Лоули в 1915 году сообщал: «Корш и Павловский причинили нам замедления при исполнении работ. 17 октября нам обещали отвести весь склад, в котором были помещены наши продукты. При обращении к г. Коршу с просьбой освободить этот склад от русских продуктов, он отказался исполнить это, мотивируя свой отказ неимением надлежащих инструкций.

18 октября мы постарались принять материал и прочее, но оказалось, что списки таковых материалов не были приготовлены. Нам затем было сообщено г. Павловским, что согласно приказаниям ...только укладочный материал будет выдан нам, ...что на все нужное нам мы должны представить требования на сутки вперед.

Мы потребовали лесной материал, гвозди и инструменты, чтобы построить кухни и столовую, но нам не удалось получить требуемый материал.

Инженер Маклин пришел к соглашению с владельцем моторной лодки относительно доставки свежего мяса. Корш ...велел владельцу ...лодки доставить все мясо в русский склад. Было высказано, что канадские рабочие привезены сюда для того, чтобы их кормить тем хлебом, который должен был получить русский рабочий...»²⁹.

Фонд содержит:

— акты о передаче рабочих от Управления по постройке Мурманской железной дороги контрагенту лорду Френчу за 1915–1916 годы (Д. 1/1, 3, 7) и др.;

— ведомости о материалах, инструменте и инвентаре, числящихся за контрагентом лордом Френчем за 1915 год (Д. 4/21), о приходе и расходе материалов, фуража и продуктов контрагента лорда Френча за 1916 год (Д. 5/27), о количестве и роде занятий канадских служащих и рабочих, количестве денег и продуктов, необходимых им для возвращения в Канаду за 1916 год (Д. 5/26), о принятых Управлением по постройке Мурманской железной дороги от контрагента лорда Френча продуктов с парохода «Умба» от 17–18 февраля 1916 года (Д. 4/23) и др.;

— график временного административного деления линии Кандалакша – Романов-на-Мурмане на зиму 1916–1917 года (Д. 4/22);

— договор Управления по постройке Мурманской железной дороги с контрагентом лордом Френчем от 3 сентября 1915 года (Д. 5/25);

— опись имущества службы судоходства в городе Архангельске за 1918 год (Д. 4/22);

— платежные ведомости рабочих контрагента лорда Френча за 1915 год (Д. 1/1), канадских рабочих за 1916 год (Д. 5/25);

— сведения о составе команды ледоколов «Строитель» и «Мурман» от 1 апреля 1916 года (Д. 4/22);

— списки рабочих контрагента лорда Френча (Д. 1/3, 3/15, 18);

— страховые свидетельства страхового общества Ллойда в Лондоне на канадских рабочих от 18 июля 1916 года (Д. 5/26);

— торговый лист на продажу судов Мурманской железной дороги от 16 сентября 1918 года (Д. 4/22)»³⁰.

Ф. 779 «Контора контрагента по постройке Мурманской железной дороги Ф. Ф. Макшеева» (8 ед. хр., 1917–1919 гг., оп. 1).

Фонд также поступил в 1954 году из архива Кировской железной дороги.

Главная контора контрагента Мурманской железной дороги инженера путей сообщения Ф. Ф. Макшеева находилась в городе Петрограде. Контора, ведавшая делами контрагента Макшеева на строительстве Мурманской железной дороги, располагалась в городе Коле. В задачи контрагента входили строительство рельсового пути, зданий и сооружений 9- и 10-го участков дороги.

В этом фонде имеются планы, договоры, переписка, распоряжения конторы контрагента Ф. Ф. Макшеева в городе Коле о строительстве Мурманской железной дороги за 1917–1918 годы.

Фонд содержит документы о недовольстве рабочих стройки условиями найма и оплатой труда. Так, в акте доверенных лиц контрагента Ф. Ф. Макшеева об урегулировании дел с рабочими по найму от 21 октября 1917 года указывалось, что представитель хозяйственного подотдела Мурманстройки Гавриков «во время разбора дела примирительной камерой³¹... возражая на наши как письменные, так словесные доказательства о неправильности расчета, не считаясь с присутствием президиума, начал оскорблять словами, как Ф. Ф. Макшеева, нас присутствующих, а также всех служащих, называя жуликами, хулиганами, подлецами, выгонял вон из присутствия и т. д., и довел рабочих своими словами до того, что только благодаря решительным мерам примирительной камеры, рабочие были воздержаны от активных действий. Впоследствии нам пришлось сидеть до часу ночи и идти совместно с членами примирительной камеры, чтобы оградить себя от возможных эксцессов на улице»³².

Фонды органов по управлению государственными имуществами

Ф. 755 «2-е Кемское лесничество» (67 ед. хр., 1862–1910 гг., оп. 1–2).

Действовало на территории упраздненного, а затем восстановленного Кольского уезда. Состояло из заведующего (лесничий), кондукторов, лесной стражи (объездчики и лесники). Занимались охраной казенных лесов, лесоустройством.

Фонд содержит дела по предписанию Архангельской палаты государственных имуществ об отпуске леса:

— жителям города Колы, пострадавшим в результате пожаров и разоренным за 1862–1865 годы (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/1);

— для исправления Кольской Благовещенской церкви за 1865 год и постройку дома для причта за 1874 год, на исправление кладбищенской церкви в городе Коле за 1879 год (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/2, 11, 20);

— постройке лютеранской часовни на Мурманском берегу у реки Уры за 1871 год (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/6);

— для исправления старых и постройке новых становищ на Мурманском берегу за 1870-е годы (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/7, 9, 10, 12, 15, 17 и др.);

— устройство огородов для выпаса оленей лопарям Кольско-Лопарской волости за 1873 год (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/8, 13).

Кроме того, в фонде имеются следующие дела:

— о лесных пожарах в казенных дачах (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/22–26, 2/35, 38);

— об отводе места под устройство китобойных заводов (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/18, 21, 2/34, 37 и др.);

— о финляндцах и норвежцах, самовольно поселившихся на Мурманском берегу (с именными списками) за 1887 год (Ф. 755. Оп. 1. Д. 2/62);

— самовольной постройке речных карбасов лопарями Кольско-Лопарского погоста (Ф. 755. Оп. 1. Д. 1/29, 31 и др.);

— о наделении свободными казенными землями возобновляющийся Печенгский монастырь: акты об уступке лопарями Печенгского погоста Кольско-Лопарской волости Кольского уезда участков земли, планы, ведомости и описание участков земли, проектируемых к отводу за 1883 год (Ф. 755. Оп. 1. Д. 2/32).

Фонды органов ведомства народного просвещения и учебных заведений

Ф. 240 «Инспектор народных училищ 2-го района Архангельской губернии» (510 ед. хр., 1876–1885, 1892–1920 гг., оп. 1–4).

Должность учреждена на основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «Об учреждении в Архангельской губернии должностей директора и инспектора народных училищ» от 9 декабря 1875 года. Занимались попечением об училищах, инспектировали, ревизовали училища, составляли отчеты о состоянии училищ, рассматривали предложения об открытии и закрытии училищ и др. Должность упразднена на основании постановления Народного комиссариата просвещения «Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ и губернских дирекций и инспекций» от 20 января 1918 года.

Архангельская губерния в 1900 году была разделена на три инспекторских района, должность инспектора 2-го района введена с 1 июля 1900 года, инспектор действовал в пределах Кемского, Александровского, Онежского уездов.

В фонде содержатся некоторые сведения о школьном образовании в Александровском уезде. Так, например, в деле о состоянии церковно-приходских школ Кемского и Александровского уезда за 1911–1912 учебный год находится отчет Кемско-Александровского наблюдателя церковно-приходских школ священника В. И. Мелетиева, проводившего инспекцию: «В Александровском уезде одноклассных школ было 12 (не считается школа, по своему типу подходящая к одноклассным церковно-приходским, действующая в Трифоно-Печенгском монастыре, содержащаяся на средства монастыря и называемая монастырским начальством «частной», в монастырской школе обучалось 10 мальчиков и три девочки, дети содержались на средства монастыря), двухклассных школ не было. В Александровском уезде 9 школ находились в населенных пунктах около приходских церквей и три школы удалены от них на 30–75 верст (Пялицкая, Чаванская, Сонгельская), причем в местах нахождения трех последних школ есть приписные церкви. ...В школах обучалось 181 мальчик и 107 девочек (288 человек обоего пола). ...В четырех школах Александровского уезда (Ловозерской, Кильдинской, Сонгельской и Пазрецкой) ...обучалось лопарей 38, самоедов 2 и зырян 43»³³.

Также следует отметить:

- дело за 1901 год об открытии сберегательных касс при Александровском двухклассном городском училище, Кольском приходском училище Александровского уезда (Ф. 240. Оп. 3. Д. 1/10);
- отчеты за 1902 год Кольского одноклассного приходского училища, Кузоменского сельского Министерства народного просвещения училища (Ф. 240. Оп. 3. Д. 1/9. Л. 13–16; Д. 1/11. Л. 1, 2, 84, 85);
- дела за 1907, 1911, 1913 годы о постройке дома для Ковдского сельского училища в деревне Княжей Губе о пожаре в училище 24 декабря 1910 года (Ф. 240. Оп. 1. Д. 6/82, 9/158; Оп. 2. Д. 2/30, 5/69);
- формулярные списки заведующих, законоучителей, учителей пения школ Александровского уезда за 1912, 1913, 1914 годы: Варзугской, Кандалакшской, Кашкаранской, Керетской, Кильдинской, Ковдской, Ловозерской, Пазрецкой, Понойской, Пялицкой, Сонгельской, Тетринской, Умбской, Чавангской, Чапомской (Ф. 240. Оп. 1. Д. 11/193; Оп. 3. Д. 4/50. Л. 24);
- акт от 31 мая 1914 года об устных и письменных испытаниях учащихся Понойской церковно-приходской школы (Ф. 240. Оп. 2. Д. 6/101. Л. 3).

Фонды религиозных (православных) учреждений, организаций

Ф. 165 «Кемское уездное духовное правление» (310 ед. хр., 1781–1879, 1899–1900, 1902, 1910, 1912–1916 гг., оп. 1–4).

Образовано в городе Кемь в 1785 году, подчинялось Олонецкой и Архангельской епархии, с 1798 года — Архангельской и Холмогорской епархии. В ведении правления находились приходы Кемского и Кольского уездов. Упразднено в 1867 году.

Фонд содержит указы Архангельской духовной консистории, журналы заседаний правления, содержащие сведения о кольских приходах, рапорты, переписку кольских благочинных с Кемским духовным правлением, исповедные ведомости и др.³⁴

Так, в фонде имеются:

- дело по определению правления о присылке кольскому благочинному Василию Ивановскому о себе послужного списка (Ф. 165. Оп. 1. Д. 1/19);
- книга за 1800 год для записки отправляемых как в Архангельскую духовную консисторию рапортов, так и в здешние города Кемь и Колу и во все места разных сношений (Ф. 165. Оп. 1. Д. 1 2/26);
- исповедная роспись за 1812–1813 годы Кандалакшского прихода Кольской округи: погосты Кандалакшский, Князегубский, Пявозерский, Екостровский, Бабенский, Ковдский (Ф. 165. Оп. 2. Д. 5/40);
- книга за 1838–1839 годы записи исповедовавшихся и причастившихся Кандалакшского прихода Кольской округи Кемского духовного правления (Ф. 165. Оп. 2. Д. 6/58);
- дело за 1854–1855 годы о разделении Кольского уезда на два благочиния, об определении в должность благочинного Варзугского Успенского прихода священника Михаила Томихина

при управлении приходами на Терском берегу, о назначении дьякону Кольского собора Константину Дьяконову епитимьи (Ф. 165. Оп. 1. Д. 25/729);

— дело за 1858 год о разделении 1-го Кольского благочиния на два, первым заведовать протоиерею Алексею Алексеевскому Кольским собором и Печенгским приходом, а священнику Федору Ануфриеву исправлять должность над причтом церквей Керети, Ковды и Кандалакши (Ф. 165. Оп. 1. Д. 30/934).

Ф. 662 «2-й благочиннический округ Кемского духовного правления» (19 ед. хр., 1841, 1876–1890, 1892–1894, 1896–1897, 1902, 1906–1912 гг., оп. 1–2).

Должность благочинного учреждена «Регламентом или Уставом Духовной коллегии» от 25 января 1721 года. Благочинные возглавляли благочиннические округа (благочиния). В обязанности входило наблюдение за строительством, благоустройством церквей, состоянием церковного имущества, духовными учебными заведениями, исполнением священноцерковнослужителями служебных обязанностей и др. Границы благочиннических округов менялись. Прекратили деятельность в связи с закрытием церквей и ликвидацией приходской системы в 1930-х годах.

Приходы Кольского уезда не входили во 2-й благочиннический округ, но в фонде имеются ведомости о церквях 4-го благочиния Кемского уезда за 1881 год: Тетринского, Варзугского, Умбского, Панойского, Кузоменского приходов (Ф. 662. Оп. 1. Д. 1/3), 2-го Кольского благочиния за 1887 год: Керетского, Ковдского, Кандалакшского, Умбского, Кузоменского, Варзугского Успенского, Варзугского Петропавловского, Тетринского, Понойского приходов (Ф. 662. Оп. 1. Д. 1/6).

Ф. 663 «3-й благочиннический округ Кемского духовного правления» (15 ед. хр., 1844, 1879–1881, 1884–1885, 1901–1902, 1907–1911, 1916, 1918 гг., оп. 1).

В фонде имеются ведомости о церквях Кандалакшского, Керетского, Ковдского, Князегубского приходов, которые входили в 3-й благочиннический округ, а также ведомости о церквях Кольского уезда за 1844 год (Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1), 2-го Кольского благочиния за 1884 год (Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5).

Ф. 664 «4-й благочиннический округ Кемского духовного правления» (12 ед. хр., 1857, 1877–1882, 1909–1918 гг., оп. 1–2).

В фонде имеются клировые ведомости о церквях Тетринского, Умбского, Понойского, Кузоменского Дмитриевского, Варзугского Успенского, Варзугского Петропавловского приходов за 1877–1882 годы.

Ф. 166 «Соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы» (140 ед. хр., 1751–1752, 1762–1918 гг., оп. 1–3).

Ф. 590 «Кемский Успенский собор» (6 ед. хр., 1781, 1783, 1786, 1787, 1789, 1795, 1796, 1809, 1870, 1906, 1909–1914 гг., оп. 1).

Кемский Успенский собор находится в городе Кеми. Является памятником архитектуры федерального значения. Священники церкви занимали должность благочинного.

Фонды Кемского Успенского собора содержат:

— рапорты причтов Понойского и Варзугского приходов кольскому благочинному о высылке детей священнослужителей в Сумское духовное училище за 1809 год (Ф. 590. Оп. 1. Д. 1/1);

— ревизские сказки 7-й ревизии священноцерковнослужителей Кольского уезда Архангельской епархии за 1816 год: Варзугских Успенского и Петропавловского, Умбского Воскресенского, Керетского Николаевского, Кандалакшского Предтеченского, Понойского Успенского приходов, Воскресенского соборов города Колы (Ф. 166. Оп. 2. Д. 5/15);

— указ Архангельской духовной консистории о «невмешательстве в мирские дела» при появлении кочевых оленеводов — ижемцев в пределах Кольского полуострова за 1889 год (Ф. 166. Оп. 2. Д. 10/60. Л. 63).

Ф. 595 «Нюхченский (Нюхчинский) приход Кемского уезда Архангельской губернии» (68 ед. хр., 1772–1791, 1798, 1822–1924 гг., оп. 1–2).

В фонде имеются журналы входящих и исходящих бумаг по Кандалакшскому приходу за 1861 год (Ф. 595. Оп. 1. Д. 1/11).

Ф. 342 «Кемское уездное отделение Архангельского епархиального училищного совета» (19 ед. хр., 1888–1900 гг., оп. 1).

Ф. 419 «Кемско-Кольское уездное отделение Архангельского епархиального училищного совета» (26 ед. хр., 1891, 1895–1902 гг., оп. 1).

Ф. 411 «Кемско-Александровское уездное отделение Архангельского епархиального училищного совета» (279 ед. хр., 1856, 1895–1917 гг., оп. 1–3).

Образованы в соответствии с «Правилами об уездных отделениях епархиальных училищных советов» от 28 мая 1888 года. Кемское и Кольское отделения были открыты в 1888 году, в 1898 году объединены в Кемско-Кольское отделение (с 1899 года — Кемско-Александровское).

Руководили церковно-приходскими школами и школами грамоты в уездах, назначали учителей и др. Ликвидированы на основании постановления Народного комиссариата просвещения «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» от 11 декабря 1917 года.

В фонде Кемского уездного отделения имеются:

— карта Кольского уезда с указанием благочиний, сел с приходскими церквями, лопарских погостов, где нет приходских церквей, но есть училища (Ф. 342. Оп. 1. Д. 1/1);

— отчетные сведения о школах, находящихся под наблюдением Кемско-Кольского отделения за 1897–1898 годы (Ф. 342. Оп. 1. Д. 2/17);

— журнал о производстве экзаменационных испытаний учеников Кандалакшской школы за 1900 год (Ф. 342. Оп. 1. Д. 2/20).

В фондах Кемско-Кольского и Кемско-Александровского отделений находятся сведения о приходах Кольского уезда, списки, отчетные сведения о церковно-приходских школах Кольского уезда, списки учащихся, акты экзаменационных испытательных комиссий, формулярные, послужные списки учителей и др.

Таким образом, в Национальном архиве Республики Карелии хранится достаточно большой комплекс документов, освещающий все стороны жизни Кольского Севера конца XVIII — начала XX века. Имеющиеся документы информативны и являются богатой источниковой базой для исследователей.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Карелия: путеводитель. Т. 1; сост.: Н. А. Басова, Н. А. Василёнок, Н. Н. Власова, М. Р. Каюмова, М. Е. Неёлова, Т. Н. Петрова, А. С. Соколов; редкол.: Н. Н. Власова, М. Е. Неёлова, А. С. Соколов. Петрозаводск: 2018. 552 с.

² НА РК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1/3. Л. 2.

³ НА РК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1/3. Л. 3.

⁴ НА РК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1/3. Л. 20.

⁵ НА РК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 2/14. Л. 1.

⁶ НА РК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 2/19. Л. 10–10 об.

⁷ НА РК. Ф. 200. Д. 32/256. Л. 98; А. С. Соколов. Крымская война 1853–1856 гг. в документах Национального архива Республики Карелия. URL: https://vk.com/club181505278?to=L2NsdWlxdE1MDUyNzg%2F&w=wall-181505278_179

⁸ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 41/340. Л. 16–16 об.

⁹ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 61/566а. Л. 123 об.–124.

¹⁰ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 67/634. Л. 12а.

¹¹ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 161/2081. Л. 9.

¹² НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 161/2081. Л. 58, 59.

¹³ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 166/2153. Л. 38.

¹⁴ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 166/2153. Л. 8–9 об.

¹⁵ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 166/2153. Л. 59.

¹⁶ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 166/2153. Л. 52 об., 53.

¹⁷ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 85/826. Л. 4 об.

¹⁸ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 161/2086. Л. 1.

¹⁹ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 145/1806. Л. 37 об.

²⁰ НА РК. Ф. 200. Оп. 1. Д. 145/1806. Л. 39–39 об.

²¹ НА РК. Ф. 476. Оп. 2. Д. 13/177. Л. 3 об.

²² В деле фонда Олонецкой казенной палаты сведений о передаче указанных дел из Государственного архива Архангельской области не имеется.

²³ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41. Л. 6–6 об.

²⁴ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41. Л. 18–19.

²⁵ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/41. Л. 27–28.

²⁶ НА РК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 5/39. Л. 92.

²⁷ А. С. Соколов. Предисловие к описи № 1 фонда 783 «Контора контрагента лорда Френча по постройке Мурманской железной дороги». Л. 3.

²⁸ НА РК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 4/22. Л. 2.

²⁹ НА РК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 4/22. Л. 4.

³⁰ А. С. Соколов. Предисловие... Л. 4.

³¹ Примирительная камера — орган, образуемый из представителей администрации и профсоюза по особому соглашению профсоюза и администрации для разрешения отдельных возникших между ними трудовых конфликтов.

³² НА РК. Ф. 779. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 29.

³³ НА РК. Ф. Оп. 1. Д. 10/165. Л. 1–1 об.

³⁴ См.: Ю. Н. Кожевникова. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 109–119.

Информация об авторе

М. Е. Неёлова — кандидат исторических наук, главный архивист.

Information about the author

M. E. Neyolova — PhD (History), chief archivist.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

Научная статья
УДК 94(470.21)(049.32)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ П. В. ФЁДОРОВА «РОССИЯ, ОКРУЖЁННАЯ ВОДОЙ: ОБЗОР ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА. 1216–1991»

Игорь Борисович Циркунов

Независимый исследователь, Мурманск, Россия, murman.60@mail.ru

Аннотация

Рецензия на книгу профессора П. В. Фёдорова состоит из двух частей — книговедческого анализа и историко-культурологического. В первой, книговедческой части рассматривается, само издание как материальный объект с характеристикой его физических параметров. Исследуется архитектура книги, ее структурные нарушения, издательские недочеты в виде деструктивного использования алфавита русского языка в письменной речи, что связано с когнитивными тонкостями восприятия текста и приводит к искажению информации и понимания. Книговедческий анализ структуры издания показал, что исследуемый объект является сборником текстов, который содержит произведения нескольких авторов. Титульный автор фактически является автором-составителем.

Вторая часть рецензии на книгу П. В. Фёдорова представляет собой историко-культурологический анализ. Рассматривается основа модели исторического анализа, которая преобладает в книге и во многом повторяет старую классическую. Предложена иная схема анализа представленного обзора истории Кольского полуострова, обсуждается возможность ее вариантного конструирования. Определяется место и роль книги в мурманском краеведении и историографии как самостоятельного явления в истории изучения Кольского Севера.

Ключевые слова:

книговедческий анализ, архитектура книги, историко-культурологический анализ, модель истории, Кольский полуостров, П. В. Фёдоров

Благодарность:

статья опубликована при содействии Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук

Для цитирования:

Циркунов И. Б. Рецензия на книгу П. В. Фёдорова «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991» // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 143–158. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015.

Original article

THE BOOK REVIEW P. V. FEDOROV “RUSSIA SURROUNDED BY WATER: AN OVERVIEW OF THE HISTORY OF THE KOLA PENINSULA. 1216–1991”

Igor B. Tsirkunov

Independent Researcher, Murmansk, Russia, murman.60@mail.ru

Abstract

The book review Professor P. Fedorov consists of two parts — book analysis and historical and cultural one. In the first book analysis part, firstly, the publication itself is considered as a material object with a characteristic of its physical parameters. The architectonics of the book, its structural violations, publishing shortcomings in the form of the destructive use of the Russian alphabet in written speech, which is related to the cognitive subtleties of text perception and leads to distortion of information and understanding which leads to cognitive subtleties of perception of the text and understanding, are studied. Book analysis has shown that the studying object is a collection of texts that contains works by several authors. The title author is actually the author-compiler. The second part of the review of the book by P. V. Fedorov is a historical and cultural analysis. The basis of the historical analysis model that prevails in the book and largely repeats the old classical one is considered. A different scheme of analysis of the presented review of the history of the Kola Peninsula is proposed, the possibility of its variant construction is discussed. The place and role of the book in Murmansk regional studies as a phenomenon in the history of studying and understanding the history of the Kola Nord is determined.

Keywords:

book analysis, book architectonics, historical and cultural analysis, model of history, Kola Peninsula, P. V. Fedorov

Acknowledgments:

the article was published with the assistance of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

For citation:

Tsirkunov I. B. The Book Review Professor P. V. Fedorov “Russia surrounded by water: a review of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991” // Proceedings of the Kola Science Center of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4, P. 143–158. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015.

Введение

Монографическое исследование Павла Викторовича Фёдорова, профессора, доктора исторических наук, известного на Северо-Западе России историка, североведа и культуролога, заслуживает наивысших похвал. Прекрасная, объемная и глубокая работа. Великолепный стиль изложения. От чтения испытываешь удовольствие.

Книга вышла в серии «Арктический фасад России» под эгидой научной лаборатории геокультурных исследований и разработок Международного банковского института им. Анатолия Собчака; издана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Возможно, для неофитов Мурмана и Кольского полуострова эта книга представится чем-то вроде учебника по истории Кольского Заполярья «родного», точнее, неродного края. Для краеведов-любителей этот труд, скорее всего, может стать объектом нападков, но не критики, так как ссылки на их разработки и находки, да и упоминания их поисковых работ, почти отсутствуют. Историки-профессионалы, наверное, смогут аргументированно выразить свои критические замечания по некоторым темам, недостаточно глубоко раскрытым, по их мнению.

Россыпь благожелательных эпитетов вряд ли будет интересна читателю. Можно предположить, что и автору книги такой подход вряд ли понравится. Для исследователя гораздо интересней и продуктивней познакомиться с критическим анализом его работы как попыткой условного деструктивного освоения предложенного им знания.

С позиций когнитивной социологии важно понять, какой образ истории Кольского полуострова получился у автора книги. С аналитической точки зрения необходимо определить, какими средствами автору удалось описать им самим созданный образ. Эстетически следует разобраться, какие стороны этого образа автор выписал наилучшим способом, в каких местах не дотянул до целостности и/или убедительности в описании обзора истории Кольского полуострова, а что, может быть, упустил или только едва наметил.

Часть 1. Книговедческий анализ

Книговедческую часть следует написать по двум основаниям. Во-первых, несмотря на приличный, по нынешним меркам, тираж специальной научной литературы, он скоро может разойтись, и книга станет библиографической редкостью. Во-вторых, книгу следует описать, потому что, на наш взгляд, она знаменует собой определенную веху в мурманском краеведении. Веха эта выражается и в научном значении книги, и в материальном представлении. Выход книги П. Фёдорова в свет, вместе с изданием монографии С. Никонова «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался» в 2020 году, определяет новый этап в истории мурманского краеведения. Первый этап можно охарактеризовать как публицистический и фрагментарный. Второй этап отличается системным, фундаментальным изложением и начинается с публикаций основных трудов профессоров И. Ф. Ушакова и А. А. Киселёва. Третий этап новейших исторических и историко-краеведческих исследований связан с именами молодых профессоров П. В. Фёдорова и С. А. Никонова. Материальным представлением новой вехи мурманского краеведения является сама книга П. Фёдорова, описание которой мы приведем ниже.

В задачу любого критического анализа входит непреложное правило — избежать «вкусовщины», не оценивать с позиции, что нравится или не нравится самому критику. В нашем случае, несмотря на то, что предмет критики нравится рецензенту, попробуем проанализировать форму подачи книгоиздательской продукции, структуру самой книги, ее архитектуру как единого объекта познания и саму книгу как объективное явление научной и социальной действительности.

Книга представляет собой весомый том, до фолианта немного не дотягивает, форматом 60×90/16 доли листа. Объем — 726 страниц, черно-белой печати (1 + 1), с иллюстрациями соответствующего цвета оттиска. Только 2- и 3-я страницы запечатаны красным цветом, полученным сочетанием пурпурного (Magenta) и желтого (Yellow) цветов в системе СМΥК. Печать офсетная. Бумага офсетная, белая, скорей всего, на ощупь, 90 гр/м². Книга собрана тетрадками, сшитыми белыми нитками. Каптал — белый. Форзац с печатью, изображающий морские волны. Переплет цельнобумажный (7БЦ), печать на переплете цветная (4 + 0), фрагмент картины «Бухта на Мурманском побережье» первого полярного художника А. А. Борисова, с припрессовкой матовой пленки. Матовая

пленка придает деловой характер книге, поверхность не бликует, не мешает рассмотреть ее издали и вблизи, излишний глянец ни к чему серьезной литературе. Скругленный корешок напоминает о старинных традициях книгопечатания и тайных знаниях, которые могут открыться вдумчивому читателю. Тираж для такого весомого научного произведения по нынешним временам значительный — 700 экземпляров.

Качество офсетной печати очень хорошее. Вопросов к полиграфистам нет. По крайней мере, мой экземпляр книги, подаренный автором — Павлом Викторовичем Фёдоровым, безупречный.

Выбор формата для такого объема книги, твердый переплет, исполненный в светлых тонах с яркими охристыми мазками в репродукции картины, воспроизведенной в оформлении переплета, использование спокойного шрифта с засечками, плавный переход с занижением кегля в наборе названия книги на переплете, подбор и качественная обработка иллюстративного материала — добрый показатель профессиональной работы технического редактора с художественным видением оформления книги. Книга начинается скромным авантитлом без изображений. Титульный лист и фронтиспис весьма лаконичны, без графического материала, образуют лицевой разворот. На нем на английском и русском языках отпечатаны красным цветом фамилия и инициалы автора, название книги, место и год издания. Первый шмуцтител пустой, иллюстраций нет, но есть посвящение. Еще четыре шмуцтитела предваряют четыре раздела исследования профессора. Они лаконичны, но информативны, поддерживают хронологию каждый своего раздела. На эти шмуцтителы издатели не пожалели бумаги. Шмуцтителы отделены двумя спусковыми полосами — перед каждым и на оборотной полосе шмуцтитела. Концевая страница содержит не все предвыпускные и выпускные данные издания. Например, издатели не продублировали ISBN, видимо, посчитали, что достаточно одного упоминания на первых страницах книги, но четко обозначили первую строку: «Научное издание».

В книге представлено большое количество фотографий. Это и значительная фотогалерея исторических персонажей, которые в той или иной мере были связаны с Кольским полуостровом, это и фотопортреты историков, внесших научный вклад в изучение истории нашего края, это и жанровые фотоизображения, ландшафтные и отдельных объектов. Объединяющим для этих фотоиллюстраций является то, что каждое изображение, используемое в книге, является фотодокументом. Следует специально обратить внимание на расширенные подписи под большим числом фотографий. В книге можно встретить иллюстрации в виде репродукций картин известных художников и из запасников музеев. Встречаются карты, но их могло быть и больше. Цифровая информация в книге представлена в виде таблиц и графиков, что весьма продуктивно для независимого исследователя.

Название книги сложное, как и содержание, и, самое главное, задачи автора и его книги соответствуют названию. Точнее, сложность задачи исследования отражена в названии «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991». История Кольского полуострова не столь уж необъятна в сравнении с областями и регионами России, расположенными южнее. Бросается в глаза протяженный период времени, без малого восемь столетий, которому посвящено исследование. Как известно, историки работают в своих строго определенных временных рамках. В истории изучения истории Кольского полуострова, начиная с профессоров И. Ф. Ушакова и А. А. Киселёва, сложились два больших не равнозначных по временным этапам периода истории — дооктябрьский и советский. Историки стараются не пересекать границы временных эпох, и каждый работает в «своем времени». Профессор П. В. Фёдоров работает в обеих эпохах истории Кольского полуострова как историк и северовед. Этим можно объяснить аккуратное слово «обзор» в названии книги. Обзор истории — это и щит историку, и условный «инструмент» для анализа североведу.

Теперь можно обсудить первую часть названия книги. Во время презентации книги ее автор признался, что долго не мог найти ей название. «Россия, окружённая водой...», безусловно, — метафора, если книга не посвящена вопросам географии. Действительно, Россию окружают воды трех океанов. Кольский полуостров, как и любой другой полуостров, с трех сторон омывают воды двух морей. В географическом смысле Кольский полуостров можно рассматривать как микромодель России. В историческом плане не все так однозначно и потому, что история России значительно раньше началась, да и по картине событий и процессов несоизмерима с таким отдаленным и малонаселенным полуостровом. Метафора в названии книги, видимо, скрывает сакральный смысл грандиозного

будущего России. Россия так молода, что она все еще находится в купели и перед ней скоро откроются перспективы и горизонты будущей истории. Кольский полуостров тоже в купели, он неразрывно связан с Россией, с ее историей и будущим развитием. Возможно, есть и другие интерпретации метафоры названия книги.

В плане архитектоники издание представляет собой сложную конструкцию. В ней под одной переплетной «крышкой» находятся не одна книга, а две. Кроме того, в этой большой книге размещены еще несколько произведений, причем некоторые из них не принадлежат ее автору П. В. Фёдорову. Если внимательно рассмотреть архитектуру большой книги, то можно увидеть авторскую логику ее построения, структурную и смысловую взаимосвязанность произведений, размещенных в ней.

Только на первый взгляд, прочитав письмо В. Н. Птицына, бывшего первого секретаря Мурманского обкома КПСС, написанное в ответ на послание Павла Викторовича, которое открывает большую книгу, можно посчитать, что этот авторский прием напоминает эдакое «книжно-издательское дзуйхицу». Как в возникшем когда-то в Японии жанре короткой прозы, когда автор записывает все, что ему приходит в голову, русский автор, не задумываясь, как бы в японской манере, решил начать свою книгу с ответного письма. Но это только первое впечатление. Содержание ответного письма и вся архитектура большой книги говорит об обратном. Автор продумал построение большой книги структурно и по смыслу. Письмо В. Н. Птицына, как нам представляется, по замыслу П. Фёдорова пропедевтически освещает основное направление обзора истории Кольского полуострова. Это письмо некогда руководителя области задает общий тон всей книги, в которой прослеживается неразрывная связь Кольского края с Россией.

В части архитектоники книга в основном выдержана в классических пропорциях. По внутреннему строению текста, что выражается в членении книги на части, здесь — на пронумерованные разделы с подразделами без нумерации, но с хронологическими обозначениями, книга соответствует классическим понятиям архитектоники с логически-смысловой связью элементов. Подразделы состоят из статей с названиями и без нумерации. Разделы книги соразмерны и взаимно подчинены хронологии изложения материала.

Как мы уже отмечали, под переплетом книги «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991» скрывается еще одна книга. Вторая книга буквально входит в состав приложения и идет сразу же после графика 7, со страницы 526. В оглавлении название книги приводится, правда, оно не выделено полужирным начертанием, не обозначена нумерация страниц, на которых она размещена, но самое неприятное, что вторая книга включена в приложение к первой. На наш взгляд, это серьезное нарушение архитектоники большой книги и структуры ее построения.

Вторая книга Павла Викторовича «История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.)» — известная работа историка, написанная им более четверти века назад. Переиздание этого труда вполне уместное дело. Только нужно было не прятать эту работу в приложение, а, наоборот, выделить и определить ей достойное место как второму произведению. История книжного дела знает такую практику. «История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.)» вместе с приложением именно к этой работе размещена на страницах 526–582. Вполне актуальное и познавательное исследование.

Вслед за второй книгой с приложениями размещены интервью с Павлом Викторовичем, которое взял у него кандидат исторических наук Д. А. Герасимов и три рецензии на книгу П. Фёдорова «Между Белым и Баренцевым...» на страницах 583–606.

Завершается большая книга значительным книжным аппендиксом. Это приложения к книге. Книжный аппендикс в данной публикации представляет собой интересную подборку самостоятельных произведений и способен побуждать исследовательское воображение к дальнейшему анализу. Начнем с замечания, которое является следствием нарушения архитектоники книги.

Начало книжного аппендикса лежит в приложении к основной книге, где также расположена вторая книга, интервью и три рецензии. Это неправильно. Аппендикс нужно было начинать в той последовательности, которую задал автор книги, но как самостоятельное приложение, а не приложение к основной книге, где содержится еще и вторая книга.

Таковыми важными приложениями обладает не каждая серьезная научная работа. В книге Павла Викторовича приложения разнообразные и весомые по объему. Это и перечень источников к врезкам [1: 607–608], и список правовых актов государственной власти в отношении Кольского полуострова или отдельных его территорий [1: 609–630]. Специально выделены, но совмещены в одном названии именной указатель [1: 631–668] и географический указатель [1: 669–682], источники и литература [1: 683–721], список сокращений [1: 722–724]. Завершается аппендикс списком произведений П. В. Фёдорова по истории Кольского полуострова [1: 725–726], на который, правда, нет указания в содержании книги.

Еще одно замечание кажется незначительным, но, по нашему представлению, весьма принципиально. Главная претензия к автору и издателю в том, что они не используют, кроме двух или трех крайних случаев, букву «ё». Нам не известно ни одно вразумительное объяснение, которое могло бы оправдать процесс деёфикации русской письменной речи, или попросту неиспользование важной, эмоциональной и безобидной буквы «ё». Однако следует привести мнение кадрового управления Верховного суда РФ о том, что буквы «е» и «ё» являются равнозначными и действительными, если личность человека идентифицируется, и поэтому буква «ё» не является смыслообразующей¹.

Приведем ссылку на письмо Министерства образования и науки РФ от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах», где содержатся все необходимые ссылки: на Академию наук СССР, Минвуз СССР и Минпрос РСФСР, утвердившие в 1956 году «Правила русской орфографии и пунктуации», в котором есть раздел IV «Буква ё»; на статью 3 Федерального закона РФ от 01.07.2005, № 53 «О государственном языке РФ»; на письмо Министерства образования и науки РФ от 03.05.2007 № 159/03, разъясняющие основное правило использования буквы «ё». В письме называется причина искажения записей в документах: «... несоблюдение установленного Правилами требования обязательного использования «ё» в случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. Имена собственные (в том числе фамилии, имена, отчества) относятся к этому случаю, поэтому применение буквы «ё» в них должно быть обязательным»². Конечно, это требование в большей степени относится к написанию фамилий и имен в документах, но мы имеем дело с книгой по истории, с серьезным историческим исследованием, пусть даже в жанре обзора, что не умаляет серьезности труда. Как известно, в истории, помимо идей, взглядов, методологии и методов исторических исследований, важна и фактическая сторона дела — точность даты, имени, географического названия и описания события. В рассматриваемом тексте полная беда с написанием фамилий и имен, где должна быть использована буква «ё».

Есть страницы, где из-за отсутствия этой многострадальной буквы случаются искажения восприятия. Неприятный Самый вопиющий случай произошел с фамилией известного мурманского историка и орнитолога Германа Фёдоровича Гёбеля, фамилию и отчество, как понятно из контекста, напечатали без буквы «ё», причем на всех указанных страницах [1: 53; 86–88; 93; 97–99; 184; 221; 637]. При этом верно напечатана фамилия баронессы Ольги И. Кёне (Koehne) [569; 644]. Не смог автор переименовать и реку Ёну, [1: 352; 511; 672]. Но это редкие исключения.

Практически все Фёдоры и Семёны, Фёдоровичи и Семёновичи и даже Пётр Великий в своих фамилиях, именах и отчествах потеряли букву «ё». Так, например, записаны выдающийся русский путешественник — Семенов (Семенов-Тян-Шанский) Петр Петрович [1: 41; 658], финский лингвист и фольклорист — Леннрот Элиас [1: 53; 608; 648], правда, на страницах 196 и 197 его фамилия написана через букву «ё», что вызывает еще большее непонимание. Букву «ё» потеряли имена и фамилии некоторых других исторических лиц.

Наша последняя заметка касается весьма важного приложения, которому бы точно нашлось место в этом исследовании. Это хронология исторических событий на Кольском полуострове. К сожалению, такого приложения в книге нет, но положение спасает книжное оглавление. Оно отчасти заменяет хронологию исторических событий. Не менее важными могли бы быть приложения с хронологией административно-территориального устройства, пограничного разграничения — демаркации и морской

делимитации (с учетом территориальных и прочих вод), территориальных потерь и приобретений России на Кольском полуострове.

Обзор истории Кольского полуострова, выполненный П. В. Фёдоровым, вполне отражает основные сложные процессы в потоке исторических событий и связывает их между собой внутренними узами и единым событийным канатом с историей России.

В завершение книговедческого анализа можно прийти к выводу, что нам предьявлена книга, которая по сути своей является сборником, а не отдельной монографией или монографическим исследованием. П. В. Фёдоров выступает в этой книге не как автор, а как автор-составитель. Этот сборник включает в себя по крайней мере два монографических исследования с обширным аппендиксом в виде приложений, интервью и три рецензии. В сборнике выявлено серьезное нарушение архитектоники самой большой книги, хотя это может лишь затруднить восприятие исторического материала, а не исказить его. При этом сборник следует рассматривать как веху в региональной исторической науке.

Часть 2. Историко-культурологический анализ

Историографический и собственно исторический анализ процессов и явлений, фактов, персонажей и событий, содержащихся в основном произведении П. В. Фёдорова, мы оставим профессиональным историкам и историографам. Наша задача — выявить социальные связи и отношения, их глубину, направленность или отсутствие некоторых элементов этих связей, которые приведены или опущены в обзоре истории Кольского полуострова.

Ещё раз обратимся к названию книги. «Обзор истории Кольского полуострова». За его «географичностью» скрывается вполне разумная попытка П. Фёдорова уйти от административно-территориальных определений, которых немало имел Кольский край. Кольский полуостров или его части были и волостями, и уездом, и краем, и губернией, и округом, и районами, и, наконец, стал областью. Широкие временные рамки исследования не позволяли сделать выбор в пользу одного из административно-территориальных образований или подчеркнуть одно из них в названии книги. Кроме того, содержание книги представлено в русле метода, которое профессор П. Фёдоров определяет как «новая культурная география».

Ключевым словом в названии книги является «история». Исторические персонажи присутствуют на страницах книги, как и исторические идеи, концепции и воззрения, что насыщает труд научной глубиной и фундаментальной устойчивостью. Понятию «обзор» соответствует достаточно большое количество ссылок на архивные документы, редкие публикации и книги; список источников широк. Ссылки на некоторые публикации в книге даны впервые.

В обзоре немало и впервые публикуемых фотографий, например, фото А. Н. Вертинского [1: 478], первооткрывателя канозерских петроглифов Ю. О. Иванова [1: 111], А. Е. Конкевича-Мурманского [1: 241] и некоторые другие. Впервые также вводятся в научный оборот некоторые документальные материалы, например, письмо Р. А. Муклевича к Б. М. Шапошникову от 28.02.1930 г. [1: 384], архивные документы, подтверждающие привилегии партработников в годы Великой Отечественной войны на получение промтоваров и питания [1: 423], сообщение о фосфорном некрозе у рабочих оборонного предприятия [1: 426] и др.

Мы не берёмся анализировать исторические идеи и воззрения в интерпретации П. В. Фёдорова, но попытаемся проследить связи в структуре той модели истории, которую представил уважаемый автор.

Вначале обратим внимание на особенность мурманского краеведения и исторических исследований, с ним связанных. Она выражена в трудах профессора И. Ф. Ушакова, точнее, в главной его работе — диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «История Кольского Севера с древнейших времён до 1917 года»³ [2] и двух изданиях монографии, которая основана на материалах диссертационного исследования «Кольская земля». Труды профессора И. Ф. Ушакова построены на первоисточниках, выверены и адаптированы для чтения современным читателем. Необходимость сверяться с источником и в то же время адаптировать информацию

для ясного ее восприятия обусловлена в первую очередь адресатом, которым для автора были школьные учителя и ученики. Эта особенность заложена в диссертационном исследовании И. Ф. Ушакова.

Иван Фёдорович, следуя традиционным установкам советского времени, открывает свой список «Литература и печатные источники по теме диссертации» десятью наименованиями произведений классиков марксизма-ленинизма [2: 399]. Во второй раздел «Документальные материалы» входят тридцать восемь наименований источников [2: 399–403]. Третий раздел списка литературы включает «Теоретические, критические и другие работы, непосредственно не относящиеся Кольскому Северу», и состоит из двадцати одного наименования [2: 403–405]. Четвёртый, самый крупный, раздел «Основная литература, содержащая сведения о Кольском Севере» объединяет триста двадцать семь названий монографий, сборников и печатных работ [2: 405–433]. Замыкает список литературы и печатных источников перечень «Библиографические указатели литературы о дореволюционном прошлом Кольского Севера», состоящий из пяти названий [2: 433–434].

Но это только внешняя часть библиографии и списка источников диссертации. Работа И. Ф. Ушакова, как айсберг, скрывающий основную свою часть под водой, базируется на архивных данных, которые отражены в подстраничных сносках. В диссертации почти на каждой странице даны ссылки на документы, которые хранятся в архивохранилищах или напечатаны в сборниках ГААО (Государственный архив Архангельской области), ГАМО (Государственный архив Мурманской области), ЦГИА СССР (Центральный государственный исторический архив), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), Архив ЛОИИ (Ленинградское отделение Института истории), ЧОИДР (Чтения в Обществе истории и древностей российских), Рукописный отдел Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Труды АГСК (Архангельского губернского статистического комитета), Сборник ГКЭ (Грамоты Коллегии-экономии), Сборник РИО (Русского исторического общества). Поэтому П. В. Фёдоров делает ссылки на труды профессора И. Ушакова в общем ряду с архивными источниками.

П. В. Фёдоров в значительной мере повторяет модель исследования И. Ф. Ушакова. Первое, что обращает на себя внимание в обзоре источников, — это описание международных договоров [1: 34–35]. В этом фрагменте последний документ датирован 1918 годом. Описание международных договоров и документов с 1918 по 1991 год, которые бы затрагивали Кольский полуостров, в обзоре П. Фёдорова отсутствует.

Второй момент, который вызывает вопросы, — это обзор периодической печати. Прежде всего, сомнительно слишком резкое и однозначное суждение о том, что «до 1917 г. местных периодических изданий на Кольском Севере не существовало» [1: 43]. При этом издание политической и промысловой газеты «Мурман», печатавшейся специально для рыбаков Мурмана, П. В. Фёдоров не отрицает. Если газета «Мурман» не местное (Кольского полуострова) периодическое издание, то какому региону оно принадлежит? Западная граница Кольского полуострова проходит от Кольского залива по долине реки Кола, озеру Имандра и реке Нива до Кандалакшского залива. Тогда все происходящее, например, в Печенге, на полуострове Рыбачий или в местности, где теперь расположен Ковдорский район, не имеет отношения к истории Кольского полуострова. Если в геополитическом аспекте рассматривать Кольский полуостров как историческую категорию, а не Мурманскую область в ее современном состоянии, то с учетом развития в начале XX века поморской торговли можно расширить пограничную зону тесных социально-экономических контактов не только в российскую сторону (для норвежцев), но и в норвежскую сторону до города Вардё (для русских), где издавалась газета «Мурман».

Кроме того, П. В. Фёдоров, видимо, ориентируясь на докторскую диссертацию И. Ф. Ушакова, указывает, что опубликовано только 13 номеров газеты «Мурман» [1: 44]. Однако в справочнике «Периодика Мурмана» содержится информация о 15 номере указанной газеты [3: 73]. Экземпляр газеты за октябрь 1909 год № 15 находится в Мурманском краеведческом музее, на что указывает хранитель фондов музея К. Я. Коткин.

Вызывает вопрос странная одинаковая финальная дата выпуска некоторых средств массовой информации — 1991 год. Это можно объяснить тем, что само исследование ограничено 1991 годом. Однако у непосвященного читателя складывается ложное впечатление, что некоторые газеты закрылись в один год. Этот казус можно было легко преодолеть, если бы автор книги обратил внимание читателей

на краеведческие исследования, освещающие историю средств массовой информации. Не будем называть как минимум две книги, посвященные этой проблематике, чтобы сохранить заданную П. В. Фёдоровым интригу. На мелких недочетах в описании средств массовой информации [1: 43–46] не останавливаемся.

Разбор этого небольшого фрагмента текста из книги П. Фёдорова показывает, что у автора, наряду с линейным подходом в описании СМИ, присутствует и метод группировки газет, то есть попытка логической типизации. Прежде всего, чтобы отойти от линейного подхода в описании истории некоторых СМИ Кольского полуострова, начнем рассматривать ситуацию с двух сторон. С одной стороны, что в полной мере присутствует во всех исторических повествованиях, это количественные описания СМИ, которые состоят из названия или последовательной смены названий этого периодического издания, даты основания или дат выпуска этой газеты и, возможно, общего количества выпусков номеров этого печатного продукта. С другой стороны, это описание кажущихся качественных характеристик СМИ, которые на самом деле образуют характерный паттерн. Он не является поведенческим, так как речь идет о материальном, но не живом объекте, и в нашем случае уместно говорить о идеологическом паттерне. Поясним гипотетическим примером.

Публикация недельного расписания телепрограмм в газете «Мурманский вестник» не делает эту областную газету специализированной газетой телепрограмм и анонсов телепередач, как и подобная публикация, например, в специализированной газете «Смотрите Всё» является всего лишь поводом для еженедельного выпуска этой газеты. Две названные газеты являют собой примеры двух идеологических паттернов. Идеологический паттерн «Мурманского вестника» можно определить как отражение областной официальной общеполитической и деловой жизни на Кольском полуострове. Паттерн газеты «Смотрите Всё» описывается через определение областной неофициальной развлекательной газеты для всей семьи. Сила или слабость самого идеологического паттерна проявляется, например, в сроках жизнедеятельности того или другого средства массовой информации. Этот же паттерн может выражаться в тиражах или географии распространения. Например, «Мурманский вестник» выходит в свет до сих пор, имея за спиной более чем тридцатилетний период истории, а газета «Смотрите Всё» «почила в Бозе», спустя несколько лет после выпуска первого номера в ноябре 1995 года [3: 107].

Вводя, помимо количественной характеристики СМИ, понятие «паттерн», мы можем отойти от линейного изложения истории СМИ. Мы также можем уйти от ошибки логической типизации, когда в одном «файле» перечисляется вся описываемая периодика. При том, что даже не искушенный в вопросах журналистики Кольского Севера читатель, легко может увидеть СМИ как минимум трех паттернов или трех разнотипных групп периодики, обнаруживших себя в регионе. В качестве пояснения некоторых типов СМИ, используя материал этого фрагмента текста книги П. Фёдорова, можно определить выборочно следующие группы или типы газет: антибольшевистские, официальные партийные, отраслевые профсоюзные, заводские, или, как мы их теперь назвали бы, «корпоративные». Это не единственные типы газет, которые выборочно описывает П. В. Фёдоров. Следует еще раз подчеркнуть, что несмотря на некоторую жесткость в суждениях, оплошности в описаниях газет и игнорирование краеведческих исследований по этому вопросу, автору удается соединить в небольшом отрывке текста своей книги количественные и качественные методы работы историка, что соответствует процедуре исследования линейности и паттернов при описании исторических объектов и событий.

Следующий важный момент — это описание формаций. П. В. Фёдоров делает профессиональный разбор и описание теорий («истории обеднения», «история роста»), дает качественный анализ проблем феодализма [1: 100–103] и указывает на важнейший пробел в проблеме формационной периодизации. Он пишет: «... новая периодизация имела существенный недостаток: приспособленная главным образом к русскому населению, она не учитывала темпы развития саамского общества. Это привело к тому, что исследователями начала конструироваться отдельная, «саамская» периодизация» [1: 104]. Отмечая ослабление классового антагонизма, некоторую коррекцию в историческом методе ученых 1950–1960-х годов и 1960–1970-х, вплоть до возникновения условий идейно-теоретического плюрализма в мурманских исторических исследованиях, автор книги отмечает стремление «... изучать феномен северности и «северное измерение» как особый

пространственный подход» [1: 122]. Сам профессор П. В. Фёдоров как раз был замечен в исследовании северности и «северного измерения», однако в данной обзорной работе он не стал объяснять, в чём именно заключается этот подход. Модель, которой автор придерживается, понятна, назовем ее условно «кольская полуостровная».

Перейдём к описанию основной части книги, собственно обзору истории. Обзор состоит из четырех разделов, каждый из них и, следовательно, весь обзор имеет чёткую хронологическую фиксацию. Мы не будем заострять внимание на каждом из названий разделов — «Присоединение», «Интеграция», «Кризис» и «Реинтеграция».

Прежде чем анализировать основной блок книги П. Фёдорова кратко остановимся на тех моментах, которые вызвали известное неудовлетворение, прежде всего из-за неполного освещения вопроса, оно скрывается за слишком официальной точкой зрения. К таким историческим вопросам истории Кольского полуострова можно отнести, например, возникновение международного торгога [1: 149–150].

Автор относит этот исторический сюжет к 1570–1580-м годам. При этом коннотация события такова, что это чуть ли не плановая работа высшего руководства Московской Руси, сознательный и тщательно спланированный обходной манёвр русской торговой системы, вызванный поражениями в Ливонской войне (1558–1583) и проведённый после глубокого обдумывания того, каким же образом восполнить дефицит торгового баланса русской экономики. Дословно в книге написано так: «В силу того, что Московская Русь во время Ливонской войны не имела удобного порта для международной торговли, Мурманский берег приобрёл торговое значение» [1: 149]. Далее автор продолжает: «В 1570-80-е гг. центр мурманской торговли переместился в Колу» [1: 150]. То, что в Колу переместился центр, спору нет, и то, что торговля стимулировала рост населения с 3 дворов в 1565 году до 71 двора к началу 1580-х годов, — факт исторический. Но вопрос, на который автор ответа не даёт, звучит следующим образом: «А откуда торг-то переехал в Колу?» Ответа нет, может быть, потому, что своё значение международный торг на Мурмане потерял очень быстро. В 1584 году был основан город Архангельск, и «в 1585 г. международный торг был переведён с суровых берегов Мурманского берега в только что основанный город Архангельск...» [1: 155].

Возможно, возникновение международного торгога имеет и другую сторону — датскую. А это означает, что до появления импортных товаров, необходимых для обменных операций, спрос на местные товары так и не проявился бы, следовательно, и возникновение международного торгога в большей степени обязано появлению здесь морских иностранных судов. Конечно же, не будем умалять роль и значение другой стороны обменной торговли, контрагентами которой первоначально выступали саами аборигены, вышедшие на берег океана вслед за своими оленями. Скорее всего, именно так состоялся первый случайный, неплановый обмен, который смог стать систематическим уже на следующий и в последующие годы. Для нас главным является то, что он состоялся между иностранными моряками и местными жителями, которыми оказались саами. А коляне на торге, судя по всему, появились позже, если тех первых русских так можно назвать, следуя хронологии Павла Викторовича, который относит торг к 1570–1580-м годам при том, что не основание, а первое упоминание, начало жизни Колы относится к 1556 году [4: 107].

Мы можем предполагать, что коляне на торг пришли сразу же после саами, потому что в районе полуострова Рыбачий торг был в 1510 году, о чём свидетельствует граффити на шиферной плите на острове Аникиев [5: 46]. Это при том, что в 1510 году датский капитан прибыл в этот район в двадцатый раз! Профессору Фёдорову этот исторический факт, скорее всего, знаком. Анализируя эпиграфические материалы, Павел Викторович указывает на надписи на «... острове Большом Аникиевом у северо-восточной оконечности полуострова Рыбачьего...» [1: 73]. Однако автор книги не находит возможным погрузиться в смысл текстового послания из XVI века.

Одна из первых сюжетных зарисовок об Арктике — «Нерегулярные плавания русских военных моряков в Ледовитом океане» [1: 189–190] — невелика по своим размерам и имеет всего два абзаца. Второй абзац посвящён специальным проектам в Арктике. Фактически через запятую в нем перечисляются три основных события в русских арктических водах — две экспедиции В. Я. Чичагова и гидрографические походы Ф. П. Литке и М. Ф. Рейнеке. Зато первый абзац сразу же устанавливает

наивысшую планку по части русских флотоводцев и святых. Даже перечисление идет по ранжиру. Вначале Ф. Ф. Ушаков, затем М. П. Лазарев и П. С. Нахимов. Вот и вся информация. Как будто бы нерегулярность определяется шестью, бесспорно, гениальными адмиралами, которые станут адмиралами после своих «нерегулярных» плаваний в Ледовитом океане. При этом регулярное строительство торговых судов, военно-морских парусных, а потом и колесных, парусно-винтовых кораблей и пароходов на Соломбальской верфи в расчет не берется. Наверное, сведения о регулярных переходах военных моряков на Балтику и обратно вокруг Скандинавии могли бы опровергнуть мнение о нерегулярности плаваний русских мореходов, не считая поморов, в русских арктических водах. Идея плавания русских военных моряков в Ледовитом океане могла бы в этой книжной статье выглядеть совсем иначе и при сохранении громких имен. Именно регулярные плавания русских и их наблюдения в Арктике вызвали организацию экспедиций В. Чичагова для проверки гипотезы великого М. В. Ломоносова и последующих гидрографических экспедиций военных моряков.

Это только прелюдия, или начало военно-морского научного изучения Арктики. Со временем возникает и другая сторона в исследовании арктических морей, побережий и островов, собственно научное академическое изучение этой географической области Земли. Об этой части научного освоения Арктики профессор П. В. Фёдоров пишет, рассказывая о Мурманской биологической станции [1: 412–413]. Правда, он не дает оценки масштабов той деятельности, которую вела Мурманская биостанция (МБС), не вспоминает ее первых руководителей (А. К. Линко, К. М. Дерюгина, С. В. Аверинцева), Германа Августовича Клюге, при котором станция достигла наибольшего расцвета. Нет ни слова о легендарных судах науки «Персее» и «Николае Книповиче», не говоря о забытых судах «Орка» и «А. Ковалевский». А ведь именно на этих судах ученые, уходившие в свои экспедиции, заложили основы современной океанологии — науки, колыбелью которой были воды Баренцева моря. Эпизодически в трех местах упомянут профессор Н. М. Книпович, как правило, в списках перечисления ученых, через запятую, и совсем не раскрыта его роль в деле изучения Арктики и ее рыбных запасов. Вместо этого нашлось значительное место для познавательного рассказа о юношеских опытах в научных изысканиях о производстве рыбьего жира П. Л. Капицы, будущего лауреата Нобелевской премии [1: 254–255]. Достаточно подробно автор повествует о том, что проекты освоения Арктики «... стимулировали появление в русской общественной мысли новой парадигмы глобального пространства, опирающейся не на традиционно широтный, а на меридиональный формат» [1: 254–255]. И далее речь идет о проекте русского философа Н. Ф. Фёдорова о борьбе с западной угрозой, о строительстве панконтинентальной железной дороги и переносе столицы России на полуостров Рыбачий. Тоже познавательно. Однако возникает ощущение, что автор книги искусственно привязывает лица с известными фамилиями, которые мало причастны к освоению Арктики.

В книге есть страницы, на которых описана фаза превращения Мурманска в крупную базу транспортного флота, создания Мурманского арктического пароходства, разработки угольных месторождений Шпицбергена и начала планомерного освоения Северного морского пути [1: 357–359]. В обзоре отмечен факт учреждения научного центра на Кольском полуострове и сети стационарных научных учреждений [1: 360]. П. В. Фёдоров упоминает о работах военно-морских гидрографов в Арктике [1: 384]. Он заостряет внимание читателя на создании Главного управления Северного морского пути [1: 357], даже приводит ставшую крылатой фразу первого руководителя Главсевморпути профессора О. Ю. Шмидта о том, что Мурманск будет началом Северного морского пути. Однако роль О. Ю. Шмидта осталась недооцененной.

Зато о дважды герое Советского Союза, докторе географических наук И. Д. Папанине у Павла Викторовича есть и фотография, и текст.

О другом сюжете книги, который описывает историю войны в Советском Заполярье, выскажемся предельно ясно. На фоне объективного представления роли и заслуг некоторых официальных лиц, на наш взгляд, слабо раскрыта роль простых фронтовиков и тружеников тыла, недостаточно показан подвиг народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Заполярье. Слишком много официального в изложении военных действий в Советском Заполярье. Любая информация меняется, когда она внедряется в официальный текст. Опускаю подробности, чтобы в анализе

описания этого противостояния с фашизмом случайно не задеть память кого-то из наших героев и не обидеть живущих ветеранов и очевидцев.

Теперь предложим несколько иную схему анализа представленного обзора истории Кольского полуострова, что будет соответствовать принципу двойственности при происхождении нового знания.

В основу нашей схемы анализа положим модель, которая похожа на модель устройства троса. Нашу гипотетическую модель назовем условно «тросовым устройством тем и проблем истории Кольского полуострова». Один из видов троса состоит из сердечника, прядей и, возможно, стрендей, оплетающих сердечник. Каждая прядь и/или стрендь, как и сам сердечник, имеет рекурсивную структуру циклического, точнее, спирального типа. Исходя из такой модели, предлагаем рассматривать в качестве сердечника «троса» проблем и тем истории Кольского полуострова саамскую тему, вокруг которой «заплетаются», закручиваются темы межгосударственного разграничения в Лапландии (период двоеданничества) — Кольском уезде — Мурманской области (без уточнений всех административно-территориальных образований), обороны земель Кольского полуострова, принадлежащих русским государствам; государственного строительства (проблемы управления, налогообложения, сословного и классового устройства, социальной политики, культуры, образования и здравоохранения), православного миссионерства и окормления паствы, международных отношений, развития науки и освоения Арктики. Естественно, это не единственный вариант рассмотрения истории Кольского полуострова.

Первое упоминание о саамах после обзора источников и историографических работ находим в подразделе «1216–1517 гг.», в статье «Праландшафт Кольского полуострова»: «... укоренение здесь древних людей, вследствие чего был сформирован праландшафт, ставший колыбелью саамского народа...» [1: 129]; «Последними обитателями праландшафта были местные аборигены — саамы. Со временем, выйдя из него, они приспособились к другим типам ландшафтов» [1: 129]. Новаторская мысль профессора П. Фёдорова о праландшафте свежа и интересна. Последующее ее развитие о том, что саамам еще предстояло приспособиться к другим типам ландшафтов, к сожалению, осталось на уровне контуров и зарисовок. Однако главной удачей автора, как нам кажется, является попытка уйти от чисто количественных показателей, характеризующих жизнь саами, и начать рассматривать жизнь аборигенов через призму меняющихся отношений с окружающей природой и под воздействием новых факторов, к числу которых следует отнести в первую очередь активную деятельность русского населения, борьбы государств (Новгорода — Московской Руси с Норвегией — Данией) и православное миссионерство.

Как следствие всего этого сложного процесса международного противостояния государств России и Дании, введения институтов власти русского государства, возникновения и роста влияния православных монастырей, в конце концов, произошел «Крах двоеданничества и возникновение русского рубежа в Лапландии» [1: 159–163]. Геополитические выводы, оценки международного состояния Кольского Севера и внутривластной ситуации России, которая сказалась и на ходе истории Кольского полуострова, о которых пишет П. В. Фёдоров, не вызывают сомнений. Но ведь речь шла о данническом положении именно саамов. Но нет, саамы — лишь повод, саамы — лишь фон, саамы даже не на вторых ролях, о них — лишь вскользь, и о них фактически никаких выводов. Лапландия есть, Лапландия осталась в документах, а саамы появляются, как правило, в контексте православного миссионерства [1: 169].

Безусловно, важна и интересна история православных севернорусских монастырей. Не менее важны ответы на вопросы: кто, когда и где крестил саамский народ. Вот здесь как раз и выясняется, стало ли крещение саамов в историческом плане состоянием синхронным или продолжает оставаться действием диахронным для каждого поколения саами. В этих понятиях мы не столько придерживаемся строгого соссюровского определения двух этих лингвистических понятий, сколько отталкиваемся от них. На основе текста книги мы не можем сделать однозначного вывода о том, что когда-то безусловное историческое действие русских православных миссионеров, известное как крещение саамского народа, спустя какое-то время стало вполне естественным синхронным состоянием саами. После XVI века, когда зафиксировано крещение саамов, на наш взгляд, в сознании саами XIX века не произошла кристаллизация православной веры. Этот факт определяет такое явление

в социальной жизни саами, как крестование, если внимательно почитать труды профессора И. Ушакова. У П. В. Федорова описание этой коллизии мы не находим. Наверное, поэтому крещение саамского народа следует рассматривать как событие культурного или цивилизационного порядка, принимая во внимание последующее появление крестования.

В результате установления новых условий, имеем в виду крах двоеданничества, должно измениться или начать изменяться социально-экономическое положение саамско-карельско-русского населения. После падения двоеданничества и крещения саамского народа, по нашему мнению, происходит, назовем это условно, «информационное выпадение» саамского вопроса из мурманского краеведения и вообще из русской истории.

Православные саами появились на страницах книги в связи с демаркацией границы между Россией и Швецией в 1826 году [1: 196] и попыткой присоединения Западного Мурмана к Улеаборгской губернии Великого княжества Финляндского [1: 197–198]. Нет саамов и в процессе колонизации Мурмана.

Саами и так жили на побережье и даже соглашались принимать участие в основании колоний на Мурмане или просто записывались в колонисты. Историкам эти факты известны, но происходит какое-то ментальное стирание событий, когнитивная «близорукость», то есть историки «не видят» саамов, так как не могут определить их место в новом для Мурмана деле колонизации. П. В. Фёдоров, однако, четко обозначает, что российских саамов «... некорректно считать новопоселенцами края» [1: 212]. Затем, заняв традиционную позицию, через запятую перечисляет православных участников колонизации, в том числе и саамов [1: 217]. Это написано в контексте процесса колонизации Мурмана, и с этой точкой зрения вполне можно и нужно соглашаться. Саами участвовали в колонизации, значит, они уже аборигенами не считаются, либо это не колонизация. Из известных монографий знаем, что колонизация Мурмана была, а архивные материалы предоставляют данные, что и саами колонистами были. Это корпоративное замалчивание в цеху историков имеет вполне понятное объяснение. Историками еще не достигнута в полной мере терминологическая конвенция по большому и серьезному вопросу о том, что такое колонизация в России в целом и в отдельных регионах, в частности. Поэтому и не удастся определить, какой именно была колонизация на Мурмане и какой статус имели саами, участвующие в ней.

Следует обратить внимание на интересное наблюдение П. В. Фёдорова о культурном ландшафте Мурмана, который складывался на конфессиональной основе. Более того, этот ландшафт вмещал в себя как православную, так и лютеранскую платформы, которые практически не пересекались. «Лютеранский и православный ландшафты на Мурмане в основном не смешивались между собой» [1: 217]. Наблюдение интересно еще и тем, что, по мнению историка, эти ландшафты возникали не на национальной основе, с чем следует согласиться. И в этой правоте мы можем увидеть, как саамский народ, который упомянут в тексте как национальный элемент, растворяется в конфессиональных основаниях, в православной вере.

С чем трудно согласиться, так это с мнением профессора П. Фёдорова: «Структурную основу, или «каркас», движущегося лапландского мира составляли традиционные православные приходы» [1: 228]. Здесь видится некоторое нарушение логики рассуждения. Получается, что само движение лапландского мира задают православные приходы. В XV веке, XIV веке или более ранних веках лапландский мир тоже был подвижным. Скорее всего, можно согласиться с мыслью о том, что «... для самих саамов сезонное движение являлось нормой» [1: 228]. Однако возразим другому высказыванию: «Жизнь в саамских погостах определялась привычкой саамов кочевать по тундре» [1: 228]. Норма — да, привычка (обычай) — слишком поверхностная характеристика, когда речь о жизнеобеспечивающем занятии. Однако заключительную мысль автора книги о том, что «... на территории саамских погостов возникла сеть православных приходов...» [1: 229] примем однозначно.

Идею о структурном проникновении православия, точнее, элементов и институтов православия в саамскую жизнь, можно принять как перспективу последующего мироустройства саамского народа [1: 228–230]. Истории известны факты участия саамов в обустройстве православия

на Кольском полуострове, но позволим выразить сомнение по поводу глубокого принятия православия саамами, их ментального восприятия православных идей.

П. Ф. Фёдоров пишет: «... кочевала паства — кочевали священнослужители. Подобный образ жизни не только не противоречил, но даже находил параллели в местной агиографической традиции: “лопарский апостол” преподобный Трифон Печенгский, причисленный Церковью к лику святых, согласно своему житию, скитался по тундре в поиске своих духовных чад и спасался от языческого гнева в укрытиях» [1: 229]. Это событие, проповедь и последующее прославление преподобного Трифона свидетельствуют в пользу иерофании. Иерофания (по М. Элиаде) как проявление священного, как расширение христианского понятия теофания или богоявление. Теофанических действий на Кольском полуострове, насколько нам известно, отмечено не было, но иерофания имела место и, возможно, еще случится.

Церковные действия прославления святых, действовавших на Кольском полуострове, — важный показатель сакрализации пространства, в котором и рядом с которым проживает человек. Сакральное пространство — местообитание божественного. Здесь-то и сокрыт подвох. Крещение саамов, монастырское и церковное строительство, окормление паствы — дел богоугодных сделано немало, но пространство, имея количественные показатели, обязательно сказывается на качественных факторах — отношениях и между людьми, и к самому окружающему их пространству. Иерофания создает условия осознания ценностной неоднородности материального пространства и времени. В нашем случае православию противостоит саамское язычество, представленное в подавляющем множестве не духовных феноменов, но сакральных — священных горах и магических знаках на них, зачарованных озерах и запретных островах в этих водоемах, но главное — в огромном количестве сейдов. В этом противостоянии православие, к сожалению, оказывается в меньшинстве. Если бы не двойное сосуществование православия и язычества, то иерофания не смогла бы выявить различия в материальных позициях двух идеологий. Как известно, начиная с двойственности, когда срабатывает простейшая ментальная функция сравнения, можно улавливать различия, что дает основания когнитивному развитию.

Саамская тема еще не раз появится на страницах книги, но чем ближе конец повествования, тем реже и реже саамов вспоминает автор. Возможно, это происходит из-за уплотнения истории и частоты исторических событий, происходивших на Кольском полуострове, но может быть и по другой причине: нежеланию замечать аборигенов Лапландии. Как справедливо указал профессор П. Фёдоров, в разные годы и эпохи в центре по отношению к Северу нередко наступает дефицит осознанности. «Возникший внезапно «мурманский кризис» 1922 г. предвещал для этой северной окраины локальную социальную катастрофу... Его непосредственной причиной послужила нехватка осознанности для поступательного движения России на Север» [1: 327]. Видимо, по этой же причине происходило «когнитивное исчезновение» саамов в сознании высоких чиновников и администраторов.

Всё же роль и участие саамов были отмечены в книге. Однажды представители саамов обратились с просьбой к властям, и просьба их была услышана. Правительственный документ, принятый по просьбе саамов, был утвержден Николаем II [1: 220]. Саамы, наряду с представителями других национальностей, принимали участие в строительстве Мурманской железной дороги [1: 262].

Саамская тема вновь появляется в связи с созданием колхозов и массовой оседлостью саами в 1920-х–1930-х годах [1: 356]. Затем внимание читателей обращает на себя победный релиз в форме сборника очерков о том, как «большевики победили тундру», 1932 года выпуска [1: 375]. А завершается саамская проблематика 1930-х годов стандартным апогеем внимания властей к саамского народу в виде ужасных репрессий. В 1938 году органами НКВД было сфабриковано дело о «саамской контрреволюционной повстанческой шпионской диверсионно-террористической организации», которая якобы ставила целью создание «Саамской республики» [1: 408–409].

Редко кто из исследователей увязывает проблему национально-территориального устройства страны с активной незаконной деятельностью органов НКВД в 1930-е годы. На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает проблема национального устройства в рамках Мурманского округа Ленинградской области – Мурманской области. Но автор книги не придал этому значения

и, наверное, поэтому оставил вопрос без внимания. Так уж получается в истории Кольского полуострова, что самая безобидная и коренная часть населения Лапландии чаще всего становится обижаемой.

Далее, с 414 по 474 страницы в книге о саамах нет ни слова. Читая главу, посвященную Великой Отечественной войне (1941–1945 годы), можно убедиться, что саами участия в войне не принимали [1: 414–435]. Так же, как и не было подвига Б. Ф. Сафонова и других летчиков, А. Ф. Бредова и пехотинцев, подводников, катерников, морских пехотинцев и разведки Северного флота. К чести автора, нужно отметить, очень уместно рассказано о трудовом подвиге в годы войны М. Г. Вагановой [1: 432–433], но нет ничего о трудовых и боевых буднях саамов. Даже если бы был один единственный саам со своим боевым оленем, с которым он доставил бы на фронт хоть горсть патронов, то об этом нужно было бы писать всегда и везде. Нам же известен вклад в дело победы трех армейских оленно-транспортных рот, мобилизованных в Мурманской области, и двух оленно-лыжных бригад, отправленных на Карельский фронт.

В главе о войне нашлось место упомянуть, правда, с неточностью, норвежских и финских патриотов [1: 425]. Хотя, на наш взгляд, они, скорее, антифашисты.

Наконец в статье «Трансформация культурных ландшафтов» автор вспоминает саамов в связи с одним из главных последствий урбанизации: «исчезновение традиционных форм проживания аборигенов края — саамских погостов» [1: 474–475]. В этой связи ранее приведенная мысль о централизации саамского мира в селе Ловозере подкреплена наблюдением о возникновении железнодорожных станций «вблизи саамских жилищ» [1: 265]. Это свидетельство того, что урбанизационный импульс развития нашего края был вызван прокладыванием железной дороги, которая привела к изменению ландшафта Кольского полуострова, с чем не поспоришь. Однако и здесь история саамского народа как бы отсутствует, не находя отражения в обзоре истории Кольского полуострова.

В заключение рассмотрения саамской темы в обзоре истории Кольского полуострова уточним, что о саамах автор вспоминает ещё три раза. На странице 488, когда делает выводы о двоеданничестве саамов, и на странице 489, когда саамы появляются в характеристиках исторических этапов. На втором этапе — «(1517–1573 гг.) — начало приобщения саамов к русской вере», и на пятом этапе (1589–1613 гг.), когда в качестве одной из его характеристик названо «падение двоеданничества саамов» [1: 489].

Если следовать модели «тросового устройства», то история саамского народа получается какая-то прерывистая, временами исчезающая совсем, хотя этот маленький, спокойный и терпеливый народ жил в своей прекрасной Сапми до нас, с нашими пращурами и живет в наше время. Мне можно возразить, что за сердечник нашей модели можно принять, например, проблематику истории освоения Арктики или, что часто и оригинально встречается у профессора Фёдорова, изменение и обустройство культурного ландшафта пространства Кольского полуострова. Да, такие подходы возможны и интересны. Однако они имеют сильную отраслевую направленность.

Предложенный вариант, когда сердечником представлена история саамского народа как аборигенного, то есть от начала идущего или коренного, представляется наиболее историчным, как и русская история о русском заселении и обустройстве Кольского полуострова, которая уже написана и фактически отражена в обзоре уважаемого автора. Это, на наш взгляд, единственное методологическое противопоставление саамской истории русской, когда саамская история не стала сердцевинным сюжетом истории Кольского полуострова. В рецензируемой книге с теми или иными потерями присутствует синхронная история саамского народа, что и должен отражать обзор истории. Диахронная история за редкими проблесками в обзоре практически отсутствует, что, видимо, тоже отражает состояние исторической науки по данной проблематике.

Заключение

Обзор как вид жанра представляет собой обобщение и некоторые итоги, описание или рассмотрение чего-либо, как правило, со ссылкой на некие первоисточники. При этом собственное мнение составителя обзора, несмотря на недюжинную долю аналитики, теряет свою актуальность,

а порой становится бессмысленным, так как это не монографическое исследование на узкую тему. Мы отметили полемические отступления автора книги, которые он заочно ведет с профессором И. Ушаковым [1: 104; 1: 117; 1: 179; 1: 206]. П. В. Фёдоров высказывается как оппонент по некоторым воззрениям доктора исторических наук С. А. Никонова [1: 148] и не соглашается с определенными точками зрения молодых историков Е. И. Михайлова [1: 368], О. В. Миколук [1: 411] и др. Но эти споры-рассуждения не играют большой роли в книге. Обзор — он, как зеркало, что отразилось, на то и смотрите.

История основывается не на полном собрании фактов и тем более документов, а лишь на известных. Обзор истории использует еще один уровень избирательности, что видно при простейшем просмотре списка литературы и источников в работе П. В. Фёдорова. Неполнота описанной истории относится только к рассматриваемой книге, это общее состояние среды, в которой работают историки, и той информации, которой все они обладают.

Перед читателем первый такой обзор истории Кольского полуострова, охватывающий огромный временной период, и самостоятельное явление в региональной историографии. Наряду с известными истинами, в книге присутствуют, точнее, названы новые факты, и вместе с известными подходами к изучению истории проступают новые пути ее исследования. Этот обзор представляет собой возможный вариант осознания и понимания истории Кольского Севера, завершённое, научно обоснованное высказывание историка. Книга стала историческим событием мурманского краеведения, а ее текст частью общероссийской текстовой потоковой истории.

Список сокращений

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

Примечания

¹ Верховный суд уравнил буквы «е» и «ё» в фамилиях. — 15.09.2009 // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/article/2252412> (дата обращения: 02.02.2022).

² Письмо Министерства образования и науки РФ от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499028115> (дата обращения: 02.02.2022).

³ Докторская диссертация И. Ф. Ушакова оказалась в Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеке и стала доступна читателям благодаря стараниям профессора П. В. Фёдорова.

Список источников

1. Фёдоров П. В. Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991 = Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991 / Межд. банк. ин-т им. Анатолия Собчака, науч. лаб. геокультурных исследований и разработок. СПб., 2021. 726 с.
2. Ушаков И. Ф. История Кольского Севера с древнейших времён до 1917 года. 07.00.02 – история СССР: дис. ... д-ра ист. наук. Мурманск, 1978. 434 с.
3. Циркунов И. Б. Периодика Мурмана: краткий справочник средств массовой информации Мурманской области / И. Б. Циркунов. Мурманск: Кн. изд-во, 2008. 184 с.: ил.
4. Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время: ист.-краевед. слов. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 336 с.: ил.
5. Маноцков В. И. Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. Архангельск, 1897. 191 с.: прилож., карт., табл.

References

1. Fedorov P. V. *Rossiya, okruzhonnaya vodoi: obzor istorii Kol'skogo poluostrova. 1216–1991* = Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991 [Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991]. St. Petersburg, Mezhd. bank. In-t im. Anatoliya Sobchaka, nauch. lab. Geocul'turnyh issledovaniy i razrabotok, 2021, 726 pp. (In Russ.).
2. Ushakov I. F. *Istoriya Kol'skogo Severa s drevneyshih vremen do 1917 goda.* [The history of the Kola North from ancient times to 1917]. 07.00.02 – istoriya SSSR. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk. [07.00.02 - the history of the USSR. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Murmansk, 1978. 434 p. (In Russ.).

3. Tsirkunov I. B. Periodica Murmana: kratkiy spravochnik sredstv massovoy informatsii Murmanskoy oblasti [Periodical Murman: a brief reference book of the media of the Murmansk region] / I. B. Tsirkunov. Murmansk: Kn. izd-vo. [Murmansk: Book Publishing House] 2008. 184 p.: ill. (In Russ.).
4. Ushakov I. F. Kol'skiy Sever v dosovetskoe vrevya: Ist.-kraeved. slov. [Kola North in pre-Soviet times: Dictionary of History and Local Lore]. Murmansk: Kn. izd-vo. [Murmansk: Prince. Publishing House]. 2001. 336 pp.: ill. (In Russ.).
5. Manotskov V. I. Ocherki zhizni na Kraynem Severe. Murman. [Essays on life in the Far North. Murman]. Arkhangelsk, 1897. 191 p.: appendices, maps, table. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Б. Циркунов — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

I. B. Tsirkunov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 20.09.2025.
The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 20.09.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья
УДК 572+39(061.3)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.016

О XVI КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ

Олеся Анатольевна Сулейманова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Аннотация

В статье представлен обзор XVI Конгресса антропологов и этнологов России (КАЭР), который состоялся 2–6 июля 2025 года в Перми. В работе конгресса приняли участие более 1200 участников из 23 стран мира и 73 регионов России, в их числе сотрудники Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН. Организаторами конгресса в 2025 году стали Администрация губернатора Пермского края, Ассоциация этнологов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН (филиал ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН») и Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Традиционно в рамках конгресса обсуждались достижения мировой и отечественной этнологии и антропологии.

Ключевые слова:

антропология, этнология, XVI Конгресс антропологов и этнологов России, доклады, Пермь

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Сулейманова О. А. О XVI Конгрессе антропологов и этнологов России // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, №. 4 С. 159–164. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.016.

SCIENTIFIC LIFE

Original article

ABOUT THE XVI CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA

Olesya A. Suleymanova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, sul-olesya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5109-958X>

Abstract

The article presents an overview of the XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia (KAER), which was held on July 2–6, 2025, in Perm. More than 1,200 participants from 23 countries and 73 regions of Russia took part in the congress, including employees of the Barents Region Center for Humanitarian Problems of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. The organizers of the congress in 2025 were the Administration of the Perm Krai Governor, the Association of Ethnologists and Anthropologists of Russia, the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Humanitarian Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), and the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Traditionally, the congress discussed the achievements of world and domestic ethnology and anthropology.

Keywords:

anthropology, ethnology, XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, reports, Perm

Acknowledgments:

the article was written with the support of the federal budget on the topic of the state assignment of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Suleymanova O. A. About the XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia // Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural and human sciences. 2025. Vol. 6, No. 4. P. 159–164. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.016.

2–6 июля 2025 года в Перми состоялся XVI Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР), приуроченный к 100-летию юбилею Коми-Пермяцкого края — первого национального округа в СССР. Конгресс ведет свою историю с 1995 года. Особенность XVI Конгресса — значительное расширение географии участников (США, Мали, Китай, Индия, Словакия, Израиль, Кыргызстан, Казахстан, Республика Беларусь, Таджикистан, Узбекистан и др.). Организаторами конгресса выступили Администрация губернатора Пермского края, Ассоциация этнологов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН (УрО РАН) — филиал ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН» и Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. В предисловии к Материалам пленарного заседания КАЭР отмечено, что «Правление Ассоциации антропологов и этнологов России подчеркивало значимость Перми для современной российской этнологии. Открытие нового академического института в 2022 году — Института гуманитарных исследований УрО РАН, наличие собственной этнологической школы, опыт региона во взаимодействии ученого сообщества, органов власти и учреждений культуры в решении прикладных задач — стали важными факторами в выборе площадки Конгресса» [1: 4]. В работе Конгресса приняли участие более 1200 ученых из 23 стран мира и 73 регионов России, в их числе — сотрудники Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН. Заявки на участие в Конгрессе подали свыше 2700 ученых и экспертов, из которых программный комитет отобрал 1500 докладов. Тематика докладов и дискуссий в рамках Конгресса затрагивала такие основные аспекты, как популяризация историко-культурного наследия народов Российской Федерации и мирового сообщества, а также укрепление межнационального согласия.

2 июля 2025 года в Большом зале Пермской филармонии состоялось торжественное открытие и пленарное заседание Конгресса (рис. 1). Приветствия организаторам и участникам конгресса — одного из крупнейших научных событий в отечественной этнологии — направили: заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации, доктор экономических наук Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич; губернатор Пермского края Махонин Дмитрий Николаевич; директор Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН Плехов Олег Анатольевич.

Рис. 1. Торжественное открытие XVI Конгресса антропологов и этнологов России. 2 июля 2025 год.
Фото О. А. Сулеймановой

Модераторами пленарного заседания выступили доктор исторических наук, академик РАН, профессор, президент Ассоциации антропологов и этнологов России, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва) Валерий Александрович Тишков, а также доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь) Александр Васильевич Черных. В ходе пленарного заседания были представлены следующие доклады (доклады опубликованы издании [1]): А. В. Черных (Пермь, Россия) «Нематериальное этнокультурное достояние России: основные подходы к сохранению и презентации» [1: 6–24]; С. С. Алымов, А. Е. Загребин, М. М. Керимова (Москва, Россия) «Российская этнология: 300 лет исследований, поисков и служения» [1: 25–39]; В. А. Тишков (Москва, Россия) «Онтологический поворот и этнологический суверенитет» [1: 40–52] (рис. 2); О. Е. Казьмина (Москва, Россия) «Этнология и социально-культурная антропология в Московском государственном университете: традиции и перспективы» [1: 53–59]; Гуань Кай (Пекин, КНР) «Исторический контекст формирования этнологических знаний в ценностях новой эпохи» [1: 60–84]; Е. А. Марушиакова, В. Попов (Братислава, Словакия) «Сервисный номадизм цыган в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе» [1: 85–108]; Анинхалли Васави (Бангалур, Индия) «Эрозия агрокультур и вопросы антропологических последствий» [1: 109–119]; А. А. Асанканов (Бишкек, Кыргызстан) «Этногенетические и этнокультурные связи кыргызов с народами Алтая» [1: 120–128]; М. С. Каменских (Пермь, Россия), А. В. Плотников (Кудымкар, Россия) «Коми-Пермяцкий округ в истории российского федерализма и нациестроительства: XX–XXI вв. (к 100-летию Коми-Пермяцкого округа Пермского края)» [1: 129–143]; С. В. Васильев (Москва, Россия) «Население Древней Руси» [1: 144–165]. Все докладчики пленарного заседания отметили большое значение антропологических и этнологических исследований для понимания и решения гуманитарных проблем современности.

Рис. 2. Выступление на пленарном заседании Конгресса В. А. Тишкова, академика РАН, профессора, президента Ассоциации антропологов и этнологов России. 2 июля 2025 год. Фото О. А. Сулеймановой

3–5 июля 2025 года проходила работа секций и круглых столов конгресса. Всего в рамках КАЭР было организовано 7 круглых столов и 62 секции по разным направлениям антропологии и этнологии [2, 3]. Тематика докладов в рамках секций и круглых столов была разнообразной и охватывала основные аспекты этнологии и антропологии: проблемы межэтнических отношений; проблемы идентичности в различных ракурсах; проблемы миграции в современном мире; этнокультурное наследие народов России и мира; медицинская антропология; антропология спорта; когнитивный поворот; религия и этноконфессиональные процессы; гендерные исследования; киберэтнография и многие другие.

Сотрудники Центра гуманитарных проблем Баренц региона (ЦГП КНЦ РАН) приняли участие в работе нескольких секций. В здании Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ) прошла 27 секция — «Полилоги в этнографии и антропологии», которой руководили доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН Ирина Алексеевна Разумова и кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН Елена Анатольевна Пивнева. И. А. Разумова сделала доклад под названием «Этнографические тексты и их авторы как субъекты научной коммуникации». В работе секции также приняли участие и другие сотрудники Центра гуманитарных проблем Баренц региона: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и. о. ученого секретаря ЦГП КНЦ РАН Ольга Александровна Бодрова выступила с докладом «Экспертный полилог в “саамском вопросе”: (не)этнографический взгляд на культуру автохтонного населения Кольского Севера вчера и сегодня»; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН Ольга Васильевна Змеева представила доклад «Голоса из прошлого: этнографическая реальность сквозь призму архивных документов» (рис. 3). На секции 21 «Этнокультурная идентичность в виртуальном пространстве» был представлен доклад кандидата исторических наук Олеси Анатольевны Сулеймановой под заглавием ««#ОСТОРОЖНОФУФЛО»: к проблеме сохранения и популяризации культурного наследия кольских саамов в контексте развития туризма в Мурманской области» (рис. 4). Данный доклад был подготовлен О. А. Сулеймановой в рамках работы по совместительству в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) над проектом № 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты» за счет гранта Российского научного фонда.

Рис. 3. Участники 27 секции Конгресса «Полилоги в этнографии и антропологии», в их числе сотрудники ЦГП КНЦ РАН — д. и. н. И. А. Разумова и к. и. н. О. А. Бодрова 4 июля 2025 год. Фото О. В. Змеевой

Рис. 4. Участники 21 секции Конгресса «Этнокультурная идентичность в виртуальном пространстве». Слева направо: к. и. н. О. А. Сулейманова, к. и. н. Н. Е. Хохолькова, к. и. н. С. Ю. Белоруссова, м. н. с. МАЭ РАН Е. А. Комова, к. филол. н. А. М. Алюнина 3 июля 2025 год.

Необходимо отметить высокий уровень организации столь масштабного мероприятия, насыщенную рабочую и культурную программу. Рабочая программа завершилась организационным собранием Ассоциации антропологов и этнологов России под председательством академика В. А. Тишкова, на котором было определено место для проведения следующего «кочующего» научного форума. В 2027 году Конгресс антропологов и этнологов России состоится в Ростове-на-Дону.

Список сокращений

ААЭР — Ассоциация антропологов и этнологов России

КАЭР — Конгресс антропологов и этнологов России

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

ПГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

РАН — Российская академия наук

УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук

ФИЦ КНЦ РАН — Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона «Кольский научный центр Российской академии наук»

Список источников

1. XVI Конгресс антропологов и этнологов России: мат-лы пленарного заседания (Пермь, 2–6 июля 2025 г.) / ред.: А. В. Черных, М. С. Каменских. Пермь: Изд-во «Маматов», 2025. 168 с.
2. Программа XVI Конгресса антропологов и этнологов России. URL: <file:///C:/Users/sul-o/Desktop/статья%20o%20конгрессе/Программа%20КАЭР-2025.pdf> (дата обращения: 1.09.2025).
3. Тезисы докладов XVI Конгресса антропологов и этнологов России. URL: file:///C:/Users/sul-o/Desktop/статья%20o%20конгрессе/ТЕЗИСЫ-КАЭР_2025.pdf (дата обращения: 2.09.2025).

References

1. XVI Kongress antropologov i etnologov Rossii [XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. *Materialy` plenarnogo zasedaniya (g. Perm`, 2–6 iyulya 2025 g.)* [Materials of the plenary session]. Permian, Publ. "Mamatov", 2025, 168 p. (In Russ.).
2. *Programma XVI Kongressa antropologov i etnologov Rossii* [Program of the XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. (In Russ.). Available at: <file:///C:/Users/sul-o/Desktop/статья%20о%20конгрессе/Программа%20КАЭР-2025.pdf> (accessed: 1.09.2025).
3. *Tezisy` dokladov XVI Kongressa antropologov i etnologov Rossii* [Abstracts of reports of the XVI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://new.ras.ru/activities/news/itogi-xv-kongressa-antropologov-i-etnologov-rossii/> (accessed: 2.09.2025).

Информация об авторе

О. А. Сулейманова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Suleymanova — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 19.09.2025; принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 19.09.2025; accepted for publication 24.09.2025.

